

ИРВИН
ШОУ

Две недели в другом городе
Вечер в Византии

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Ирвин Шоу

**Две недели в другом
городе. Вечер в Византии**

«Издательство АСТ»

1960, 1973

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шоу И.

Две недели в другом городе. Вечер в Византии / И. Шоу —
«Издательство АСТ», 1960, 1973 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-114302-2

Даже для самого успешного человека однажды наступает время остановиться и взглянуть на прошлое. Вспомнить, каким он был раньше. Подумать, что уже достигнуто и к каким вершинам стремиться. Горько пожалеть о совершенных ошибках. А может быть, – кто знает, – и снова позволить себе испытать счастье и страдания настоящей любви?.. Именно на таком жизненном распутье оказываются герои романов Ирвина Шоу «Вечер в Византии» и «Две недели в другом городе»: знаменитый кинопродюсер Джесс Крейг, вдруг задумавшийся о дебюте в режиссуре, и Джек Эндрюс, в свое время променявший превратности актерской карьеры на спокойную жизнь благополучного семьянина. Два разных человека. Две разных судьбы. Однако им обоим предстоит пережить серьезную переоценку ценностей и встретиться с очень необычными молодыми женщинами, которые буквально взорвут их, казалось бы, прочный и устоявшийся внутренний мир.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114302-2

© Шоу И., 1960, 1973

© Издательство АСТ, 1960, 1973

Содержание

Две недели в другом городе	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	37
Глава 6	48
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	60
Глава 10	71
Глава 11	79
Глава 12	84
Глава 13	95
Глава 14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ирвин Шоу
Две недели в другом городе.
Вечер в Византии (сборник)

Irwin Shaw TWO WEEKS IN ANOTHER TOWN EVENING IN BYZANTIUM

Перевод с английского *А.Е. Герасимова* («Две недели в другом городе») и *Т.А. Перцевой* («Вечер в Византии»)

© Irwin Shaw, 1960, 1973

© Перевод. А.Е. Герасимов, 2018

© Перевод. Т.А. Перцева, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Две недели в другом городе

Могучие слоны обладают качествами, редко встречающимися у людей, а именно: целомудрием, сдержанностью, чувством справедливости, уважением к традициям. Когда нарождается молодой месяц, они идут к реке и тщательно моются в ней; поприветствовав таким образом планету, они возвращаются в леса.

Они очень стыдливы и спариваются только под покровом ночи, тайком; прежде чем вернуться в стадо, они моются в реке.

Плиний в изложении Леонардо да Винчи

Глава 1

День был пасмурный, холодный, безветренный. К вечеру следовало ждать дождя. Из нависшей над аэропортом пелены доносился натужный рев невидимых самолетов. В ресторане уже горели огни. Самолет из Нью-Йорка опаздывал; диктор по-английски и по-французски объявил о тридцатиминутной задержке рейса Париж – Рим.

Обычное предполетное ожидание неприятных сюрпризов усугублялось непогодой. Свет неоновых ламп придавал болезненный вид лицам раздраженных людей. Многие из присутствовавших в зале жалели о том, что предпочли самолет другим видам транспорта.

В углу ресторана, за столиком, украшенным, как и прочие, флажком одной из авиакомпаний, обслуживающих Орли, мужчина и женщина пили кофе, поглядывая на мальчика и девочку; дети прилипли к большому окну, выходящему на летное поле. Мужчина был крупным, с худощавым лицом. Его коротко подстриженные темные жесткие волосы, чуть тронутые сединой, заметной лишь вблизи, были зачесаны назад. Над глубоко посаженными голубыми глазами нависали густые брови; тяжелые набрякшие веки придавали ему облик отрешенного наблюдателя, холодного, бесстрастного зрителя. Движения его были медленными и осторожными, как у человека, рожденного для простора, но вынужденного долгие годы жить в тесноте. Его бледность объяснялась тем, что он всю зиму провел в городе. Похоже, ему с трудом удавалось сохранять маску сдержанности и добродушия. Издали он казался бодрым, здоровым и преуспевающим.

Женщине на вид было чуть больше тридцати; строгий серый костюм подчеркивал ее фигуру. Короткие черные волосы были уложены в соответствии с требованиями последней моды, крупные серые глаза – умело подведены. Она сидела очень прямо, манеры были безукоризненными, каждое движение – отточенным, строгим, а голос – свежим, звенящим. Она была француженкой, парижанкой, и это проявлялось во всем; ее лицо, в котором угадывалась чувственность, свидетельствовало о решительности характера, умении тактично, незаметно управлять окружающими. Дети были хорошо воспитанными, ухоженными; на первый, не слишком пристальный взгляд семья казалась мечтой рекламного фотографа – взлетное поле залито солнечным светом, улыбки позирующих говорят о том, как приятно и безопасно путешествовать по воздуху. Но солнце не показывалось над Парижем уже шесть дней, неоновые светильники в ресторане придавали предметам гнетущие оттенки, и никто сейчас не улыбался.

Дети пытались очистить кусочек запотевшего мутного стекла, чтобы очертания самолетов, стоящих на бетонированной площадке перед ангарами и на взлетной полосе, не расплывались.

– Это «Виконт», – сказал мальчик, обращаясь к сестренке. – Турбовинтовой.

– «Вайкаунт», – поправил его отец. – По-английски это звучит так, Чарли.

Низкий, проникновенный голос мужчины гармонировал с его внушительной фигурой.
– «Вайкаунт», – послушно повторил пятилетний мальчуган.

По случаю отъезда отца он был одет в строгий костюм и держался с серьезностью.

Женщина улыбнулась:

– Не беспокойся. К совершеннолетию он научится не смешивать два языка.

Она говорила по-английски бегло, с легким французским акцентом.

Мужчина рассеянно улыбнулся ей. Он хотел отправиться в аэропорт один. Он не любил долгих проводов. Но жена пожелала отвезти его на машине, взяв с собой детей. «Они обожают смотреть на самолеты», – сказала она, отстаивая свое предложение. Но мужчина подозревал иное – она, вероятно, надеялась на то, что в последнюю минуту, глядя на свою семью, он передумает и откажется от путешествия. Или что запечатлевшаяся в его памяти картина – хорошенькая мать и симпатичные малыши, прижавшиеся к ее юбке, – ускорит возвращение мужа.

Он допил горький кофе и с нетерпением взглянул на часы:

– Ненавижу аэропорты.

– Я – тоже, – отозвалась женщина. – Иногда. Я люблю встречать.

Подавшись вперед, она коснулась его руки. Догадываясь, что его шантажируют, он сжал ее кисть. «Господи, – подумал он, – что у меня за настроение».

– Я же ненадолго. Скоро вернусь.

– Не так уж и скоро, – возразила она. – Не так скоро, как хотелось бы.

– Когда я вырасту, – заявил Чарли, – я буду летать только на *avions a reaction*.

– На реактивных самолетах, Чарли, – автоматически поправил его мужчина.

– На реактивных самолетах, – повторил мальчик, не поворачивая головы.

«Я должен сдерживать себя, – подумал мужчина. – Он вырастет с сознанием, что я постоянно одергивал его. Он не виноват, что вечно вставляет французские слова».

– Я не могу упрекать тебя за то, – сказала жена, – что ты радуешься, убегая из Парижа в такую непогоду.

– Вовсе я не радуюсь, – возразил мужчина. – Мне приходится это делать.

– Конечно.

Он слишком хорошо знал ее, чтобы поверить в искренность этого «конечно».

– Речь идет о большой сумме, Элен.

– Да, Джек, – согласилась она.

– Не люблю самолеты, – сказала девочка. – Они уносят людей.

– Точно, – подтвердил мальчик. – Глупая. Для этого они и существуют.

– Не люблю самолеты, – повторила его сестренка.

– Это больше, чем мой четырехмесячный заработок, – заметил Джек. – Мы наконец-то сможем купить новый автомобиль. И съездить зимой в какое-нибудь приличное место.

– Конечно.

Джек снова отхлебнул кофе и посмотрел на часы.

– Жаль только, что необходимость в поездке возникла именно сейчас.

– Я ему нужен именно сейчас.

– Ну, в этом ты разбираешься лучше меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного. Только то, что ты понимаешь ситуацию лучше меня. Я даже знакома-то с ним лишь по твоим рассказам. Правда...

– Что?

– Правда, если вы такие близкие друзья, как ты утверждаешь...

– Мы были ими.

– Были. Странно, что за все эти годы он ни разу не навестил тебя.

– Он впервые в Европе. Я же говорил тебе...

– Помню. Но он здесь уже шесть месяцев. И потрудился написать тебе лишь неделю назад...

– Если я стану все объяснять, мы утонем в дебрях прошлого.

– Папа... – Мальчик повернулся лицом к отцу. – Ты когда-нибудь был в горящем самолете?

– Да.

– И что произошло потом?

– Огонь потушили.

– Тебе повезло.

– Да.

Мальчик посмотрел на сестренку:

– Папа был в горящем самолете и не умер.

– Утром звонила Анна, – сказала Элен. – Она сообщила, что Джо огорчен твоим отъездом.

Анна была женой Джо Моррисона, начальника Джека. Элен дружила с ней.

– На прошлой неделе я предупредил Джо о том, что хочу взять короткий отпуск. Подошла моя очередь. Он не возражал.

– Но затем, узнав о предстоящей конференции, он сказал, что ты ему нужен, – заметила Элен. – Анна говорит, он отпустил тебя очень неохотно.

– Я обещал приехать в Рим. Там на меня рассчитывают.

– Джо тоже рассчитывал на тебя.

– Придется ему обойтись пару недель без меня.

– Тебе известно, какое значение Джо придает лояльности сотрудников? – спросила Элен.

Джек вздохнул:

– Да, мне это известно.

– Он переводил людей бог знает куда за менее значительные проступки, – напомнила

Элен. – К следующему сентябрю мы можем оказаться в Анкаре, Ираке или Вашингтоне.

– В Вашингтоне, – с деланным ужасом произнес Джек. – О господи.

– Ты хочешь жить в Вашингтоне?

– Нет, – отозвался Джек.

– Когда мне исполнится восемнадцать лет, – заявил мальчик, – я пересеку la barriere de son¹.

– Я хочу сказать тебе кое-что, – произнесла Элен. – Ты вовсе не огорчен отлетом. Я наблюдала за тобой последние три дня. Ты рад возможности уехать.

– Я рад возможности заработать, – поправил жену Джек.

– Дело не только в этом.

– Еще я буду рад помочь Делани, – добавил Джек. – Если окажусь в силах, конечно.

– И это еще не все.

На красивом лице Элен появилась грусть. Смирение и грусть, подумал он.

– Ты рад случаю покинуть меня. Нас. – Рукой, обтянутой перчаткой, Элен указала на детей.

– Послушай, Элен...

– Не всегда. Я не то имела в виду. На время. Ради этого ты даже готов ухудшить отношения с Джо Моррисоном.

– Я не стану отвечать на это, – устало промолвил он.

– Знаешь, – продолжила она, – ты не спал со мной уже более двух недель.

¹ Звуковой барьер (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

– Вот почему я не хотел, чтобы кто-то провожал меня в аэропорту. Из-за таких вот разговоров.

– Кто-то, – сказала Элен.

– Ты.

– Прежде, – заговорила она ласково, сдержанно, без осуждения, – в последние полчаса перед отъездом ты любил меня. Когда все чемоданы уже собраны. Ты это помнишь?

– Да, помню.

– Мне больше нравится «Эр Франс», – сказал мальчик. – Голубой – цвет скорости.

– Ты еще любишь меня? – негромко спросила Элен, подавшись вперед и заглянув мужу в глаза.

Джек посмотрел на нее. Его рассудок признавал, что она очень красива. У Элен были крупные серые глаза, высокие скулы и густые, подстриженные по-девичьи черные волосы. Но в этот миг он не любил ее. «Сейчас, – подумал Джек, – я не люблю никого. Разве что детей. Но это нечто инстинктивное. Хотя нет, не совсем инстинктивное». Из троих своих детей он любил только этих двух. Двух из троих. Вполне пристойное соотношение.

– Конечно, люблю, – ответил Джек.

Она чуть заметно улыбнулась. У нее была прелестная, доверчивая улыбка.

– Возвращайся с лучшим настроением, – попросила Элен.

Диктор по-английски и по-французски пригласил пассажиров, летящих рейсом 804 Париж – Рим, пройти таможенный досмотр. С чувством благодарности Джек оплатил счет, поцеловал детей, жену и направился к стойке.

– Желаю хорошо провести время, cheri².

«Элен ухитрилась произнести это так, – подумал Джек, – словно меня ждет отпуск».

Пройдя досмотр, Джек направился по мокрому бетону к самолету. Пассажиры уже поднимались по трапу, держа в руках посадочные талоны, журналы, пальто, ручную кладь с наклейками авиакомпании.

Когда лайнер начал выруливать на взлет, Джек увидел в иллюминатор жену и детей; стоя возле ресторана, они махали руками, и их яркие пальто оживляли серый фон.

Он тоже помахал рукой, затем, откинувшись на спинку кресла, облегченно вздохнул. Все могло быть гораздо хуже, подумал Джек, когда самолет начал набирать скорость.

– Хотите чаю?

В голосе стюардессы звучала профессиональная приветливость.

– Что у вас за пирожные, моя дорогая? – спросила старушка, направляющаяся в Дамаск.

– С вишневым вареньем, – ответила стюардесса.

– Сейчас мы пролетаем над Монбланом, – раздался голос в динамике. – Справа вы можете увидеть вечные снега.

– Мне, пожалуйста, одно пирожное и бурбон со льдом, – сказала маленькая старушка.

Она сидела слева и не стала подниматься из кресла, чтобы посмотреть на вечные снега.

– Славный получится полдник, – добавила она и захихикала. На высоте двадцати пяти тысяч футов она была способна на поступок, на который никогда не решилась бы у себя дома, в Портленде, штат Орегон.

– А вы что-нибудь хотите, мистер Эндрюс?

Стюардесса улыбнулась, склонив голову в сторону Монблана.

– Нет, спасибо, – ответил Джек.

Он хотел виски, но когда маленькая старушка попросила бурбон, Джек внезапно испытал отвращение к любой пище, принимаемой в самолете.

² Дорогой (фр.).

Джек посмотрел вниз на белую вершину Монблана; она лежала среди облаков в окружении других, менее высоких пиков. Внизу медленно проплывали Альпы; вершины, отбрасывающие четкие синие тени, сменяли одна другую, а над ними висело громадное круглое солнце. Казалось, снова наступил ледниковый период.

Джек задернул шторку, откинулся назад, вернувшись мыслями к событиям, из-за которых он оказался в этом самолете. Из газет он давно знал о том, что Морис Делани находится в Риме; последние пять-шесть лет Джек не получал от него писем. Неделю назад, услышав в телефонной трубке на фоне помех голос Клары, жены Делани, звонившей из Рима, Джек удивился.

– Морис сейчас не может подойти к аппарату, – сказала Клара, когда закончился обмен первыми, ничего не значащими фразами, – он все объяснит в письме. Он просит тебя поскорее приехать сюда, Джек. Он говорит, что ты – единственный человек, способный помочь ему. Морис в отчаянии. Здешние люди доводят его до безумия. Он заставил их назначить тебе гонорар в пять тысяч долларов – это достаточно за две недели?

Джек рассмеялся.

– Почему ты смеешься?

– Не обращай внимания, Клара.

– Он очень надеется на тебя, Джек. Что мне сказать ему?

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы приехать. Завтра телеграфирую ответ.

На следующий день, договорившись с Моррисоном, Джек послал телеграмму в Рим.

В письме, полученном Джеком, Делани излагал свою просьбу. Джеку дело показалось незначительным; его легкость не соответствовала вознаграждению в пять тысяч долларов. Несомненно, это приглашение связано с другими, более важными причинами, подумал Джек. Однако Делани не торопился их раскрывать.

Откинувшись с комфортом на спинку кресла в салоне первого класса – билет оплачивала кинокомпания, – Джек с наслаждением ощутил, что на две недели ему удалось убежать от однообразия своей работы и семейной жизни.

Он радовался предстоящей встрече с Делани, который в прошлом был его лучшим другом. Джек любил его. «Люблю», – поправил он себя. Работа, связанная с Морисом, не могла быть скучной и однообразной.

Джек расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, задев при этом рукой толстый конверт, торчавший из нагрудного кармана, на его лице появилась гримаса раздражения. Лучше сделать это сейчас, решил он. В Риме у него не будет свободного времени.

Джек вытащил из кармана письмо, которое за последние два дня уже прочитал трижды. Прежде чем снова взяться за него, он уставился на конверт с адресом, выведенным неестественно красивым почерком его первой жены. «Из трех жен, – подумал Джек, – две доставляют мне хлопоты. Две из трех. Устойчивое соотношение». Вздыхнув, он вынул письмо из конверта и принялся читать.

«Дорогой Джек!

Представляю, как ты удивишься, получив мое письмо после столь продолжительного молчания, но речь идет о деле, которое касается или должно касаться тебя в той же мере, что и меня, поскольку Стив – не только мой сын, но и твой тоже, хотя все эти годы ты не слишком интересовался им; ты не можешь оставаться *совершенно* безучастным к тому, как он распоряжается своей жизнью».

Дойдя до отмеченного слова, Джек снова вздохнул. Стиль его первой жены не улучшился за прошедшие годы.

«Я сделала все зависящее от меня, чтобы повлиять на Стива, и в результате оказалась на грани нервного срыва. Уильям, неизменно более любящий, корректный и терпимый в отношении Стива, чем большинство знакомых мне настоящих отцов, также всячески пытался воздействовать на него. Но Стив с раннего детства проявлял ледяное презрение к Уильяму, и все мои старания изменить его отношение оставались безрезультатными».

Джек не без ехидства улыбнулся и продолжил чтение.

«После того, как Стив прошлым летом побывал у тебя, он стал отзываться о тебе с большей доброжелательностью или, во всяком случае, с меньшей недоброжелательностью, чем о ком-либо из своих знакомых...»

Джек снова улыбнулся, на этот раз лукаво.

«...И мне пришло в голову, что теперь, когда он переживает кризис, возможно, именно ты должен написать сыну и попытаться вправить ему мозги.

Я не хочу обременять тебя, но эта задача мне не по силам. Несколько месяцев назад, в Чикаго, Стив увлекся ужасной девицей по фамилии Маккарти; недавно он заявил, что собирается жениться на ней. Его пассии двадцать лет, она из кошмарной семьи, за душой у нее ни гроша. Как ты уже понял, она – ирландка, и, по-видимому, ее родители – католики, хотя у нее самой, как и у Стива и его друзей, все связанное с религией вызывает смех. Стив, как тебе известно, полностью зависит в материальном отношении от щедрости Уильяма, не считая тех скромных средств, что ты высылаешь на его обучение и проживание в университетском городке. Я согласна с Уильямом – он не обязан давать юноше, не являющемуся его сыном и с пятилетнего возраста не скрывающему свое неуважение к отчиму, деньги на сожительство с глухой студенткой, которую Стив подцепил на дискотеке».

Джека раздражало безудержное многословие его первой жены, однако мысль, скрывавшаяся за ним, была ему слишком ясна.

«Самое страшное – это то, что девчонка принадлежит к числу безответственных либералов, знакомых нам с тридцатых годов. Она напичкана провокационными идеями и находится в оппозиции к властям. Она заразила этой дурью Стива и толкает его на исключительно опасные, необдуманные поступки. Он – руководитель какой-то группы, требующей запретить испытания водородных бомб, они собирают подписи под какими-то петициями, вызывая раздражение администрации. До встречи с Маккарти научная карьера Стива двигалась прекрасно, его собирались после защиты диссертации оставить в университете. Теперь, как я понимаю, руководство стало в нем сомневаться, старшие коллеги по кафедре уже предупреждали его; ты можешь догадаться, как он, подстрекаемый своей девицей, отреагировал на эти дружеские советы. Более того, ему, как круглому отличнику, была дана отсрочка от призыва, но теперь он намерен объявить о сознательном отказе от службы в армии. Думаю, ты представляешь, к каким последствиям это приведет. Сейчас ему предстоит сделать решающий выбор. Если Стив женится на этой Маккарти и не откажется от своей идиотской политической активности, он погубит себя.

Не знаю, чем ты можешь помочь, но если в твоей душе сохранилось хоть немного любви к сыну и желания видеть его счастливым, ты попытаешься что-то предпринять.

Даже такая малость, как твое письмо, может сыграть существенную роль.

Я сожалею, что первая весточка от меня, полученная тобой после длительного молчания, оказалась весьма огорчительной, но больше мне неоткуда ждать помощи.

*Навеки,
Джулия».*

Лист слегка дрожал в руке Джека, которой передавалась вибрация самолета. Навеки, подумал он. Что она имела в виду? Навеки фальшивая, навеки глупая, навеки бестолковая, навеки неестественная? Тогда неудивительно, что Стив не слушает ее.

Джек попросил стюардессу принести какую-нибудь подставку; когда его просьбу исполнили, он приготовился писать письмо сыну.

«Дорогой Стив», – начал он и остановился, увидев перед собой узкое, холодное, умное лицо юноши. Прошлым летом сын – красивый, отчужденный, застенчивый, наблюдательный – гостил у Джека и Элен. Для человека, никогда прежде не бывавшего во Франции, он поразительно хорошо говорил по-французски; Стив был со всеми вежлив и, как заметил Джек, мало пил; он доходчиво разъяснил тему своей научной работы, смутил своим появлением Джека и уехал с двумя чикагскими приятелями в Италию. Атмосфера была напряженной, хотя до конфликта дело не дошло, и когда Стив внезапно сообщил о своем скором отъезде, Джек испытал облегчение. Он понял, что не способен полюбить сына; надеяться на это было бы глупостью с его стороны, да и сам Стив держался корректно, но не проявлял к отцу нежности. Он исчез, и у Джека осталось чувство вины, упущенного шанса, разочарования сыном, самим собой, судьбой.

И вот, пролетая над заснеженными хребтами, тянущимися посреди Европы, Джек пытался сочинить тактичное, доброе письмо, способное оказать воздействие на холодного и застенчивого молодого человека, который, как считала его мать, губил в Чикаго свою жизнь.

«Я только что получил от твоей матери письмо, и оно обеспокоило меня. Она волнуется за тебя, и, по-моему, не без оснований. Считаю излишним перечислять тебе все причины, по которым двадцатидвухлетнему мужчине, не имеющему состояния и только начинающему завоевывать положение в жизни, не следует жениться. Я сам женился рано, и ты лучше, чем кто-либо, знаешь, как плачевно это закончилось. Греки говорят так: «Только глупый мужчина женится рано, и только глупая женщина выходит замуж поздно». Мой опыт подтверждает правильность по крайней мере первой половины этой народной мудрости. На твоём месте я хотя бы дождался конца учебы и получения должности. Брак загубил большее количество молодых людей, чем алкоголь. Если у тебя есть честолюбие – а мне кажется, оно у тебя есть, – и если ты прислушаешься к моему совету, когда-нибудь ты поблагодаришь меня за него».

Джек поднял голову. Он вдруг почувствовал, что маленькая старушка, сидящая по другую сторону прохода, пристально смотрит на него. Джек улыбнулся ей. Смутившись, старушка тотчас отвернулась к окну.

«Твоя мать также пишет, – продолжал Джек, – что ты рискуешь своим будущим, проявляя определенную политическую активность. Возможно, ты считаешь свои взгляды единственно правильными и испытываешь потребность заявить о них, но ты должен понимать, что для молодого человека, собирающегося в наше время заниматься ядерной физикой, опасно противодействовать политике правительства. Администрация Соединенных Штатов находится в сложном положении; чиновники из правительства

(которое, как тебе известно, щедро финансирует исследования по выбранной тобой теме) зачастую проявляют нервозность и подозрительность. У них отменная память, и они не колеблясь окажут давление на организацию, которая собирается принять на работу человека, уличенного в нелояльности по отношению к властям, тем более что речь идет о сложной и неоднозначной проблеме. Тут, как и в вопросе брака, разумнее дождаться того времени, когда ты будешь менее уязвим, и до тех пор воздержаться от совершения поступков, чреватых необратимыми последствиями. Задумайся о практической стороне дела – принесет ли реальную пользу протест неопытного юноши или же только приведет к наказанию, которое не замедлит последовать. Вовсе необязательно, Стив, пренебрегая опасностью, произносить вслух все рождающиеся в твоей голове мысли, хотя молодежь склонна вести себя подобным образом. Не следует путать тактическую и стратегическую гибкость с покорностью. Правда, последнее время сдержанность не в чести...»

Он перечитал написанное. «Новоявленный лорд Честерфилд, – со стыдом подумал Джек. – Я написал слишком много речей для генералов. Если бы я в самом деле любил сына, письмо было бы совсем иным».

«Позволь мне объясниться до конца. Я разделяю ужас, который внушает тебе перспектива новых ядерных взрывов и очередной войны. Я понимаю твои чувства и хотел бы, чтобы испытания были прекращены, а опасность войны устранена. Однако ввиду отсутствия у обеих сторон конструктивных идей угроза войны существует. Но и в подобной ситуации у человечества имеется шанс выжить. Наша политика – не самая совершенная, но есть ли у нас альтернатива? Я причастен к выработке этой политики; многое в ней меня не устраивает, но все иные предлагаемые варианты еще хуже. Твой сводный брат Чарли выразил мои мысли лучше, чем это делаю я. Когда одноклассник спросил Чарли, чем занимается его отец, он ответил: “Мой папа пытается уберечь мир от новой войны”».

Джек улыбнулся, вспомнив прижавшегося к запотевшему стеклу худенького мальчика, который сказал: «Мне больше нравится «Эр Франс». Голубой – цвет скорости». Затем Джек посмотрел на письмо, нахмурился, испытал желание порвать его и пригласить Стива в Рим для настоящего мужского разговора. Это обошлось бы в тысячу долларов и, судя по событиям последнего лета, не принесло бы плодов. Он снова принялся писать.

«Мне не нравится это мое письмо, но взяться за него меня заставило стремление спасти тебя от опасности, которую я вижу более ясно, чем ты. Пожалуйста, воздержись от необдуманных поступков».

Поколебавшись, он вывел на листе: «Твой любящий отец», сложил его вчетверо, засунул в конверт и написал адрес. Еще одна ложь полетит над океаном со скоростью четыреста миль в час, подумал Джек.

Спрятав письмо в карман, он откинулся на спинку кресла с сознанием того, что неприятный долг хоть и не лучшим образом, но все же исполнен. Прикрыв глаза, он попытался уснуть, отключившись от всех волнений и нервозности последних месяцев, завершившихся упреками Элен и недовольством Джо Моррисона по поводу отъезда Джека в Рим. «Забудь обо всем, – приказал он себе, стараясь освободиться от проблем, засевших в голове. – Да пусть он пошлет меня в Вашингтон, Монголию или Антарктиду – плевать на все. Пусть мой сын женится на бородатой циркачке или сбежит в Россию с последними секретами химического оружия, пусть я не буду спать с женой до конца этого века – мне все, абсолютно все безразлично...»

Наконец он задремал, погружившись в тревожный сон современного путешественника.

Маленькая старушка устала поверх бокала с бурбоном на спящего человека. С момента посадки на самолет в Орли она то и дело украдкой поглядывала на него.

– Кто этот джентльмен, моя дорогая? – прошептала старушка, схватив за руку шедшую вдоль прохода стюардессу. – Я его где-то уже видела.

– Его фамилия Эндрюс, миссис Уиллоуби, – ответила стюардесса. – Он летит в Рим.

Старушка посмотрела на лицо спящего мужчины. Покачала головой.

– Точно знаю, что где-то его уже видела, но где именно, не припомню. Вы уверены, что это мистер Эндрюс?

– Да, миссис Уиллоуби.

Стюардесса вежливо улыбнулась.

– Руки у него грубоваты, – произнесла старушка. – А лицо доброе, благородное. Я еще вспомню. Это кто-то из далекого прошлого.

– Конечно, вспомните, – сказала стюардесса и подумала: «Слава богу, я схожу в Стамбуле».

– Вы, несомненно, слишком молоды, чтобы вспомнить, кто он.

Стюардесса с подушечкой в руках направилась вперед, а миссис Уиллоуби отхлебнула бурбон, глядя на сильные руки и благородное лицо мужчины, сидящего в кресле справа от прохода.

Джек спал беспокойно, периодически поворачивая голову из стороны в сторону; миссис Уиллоуби наблюдала за крупным человеком с массивной головой, по слегка отвисшей левой щеке которого от виска с тронутыми сединой темными волосами к подбородку тянулся шрам. Ему лет тридцать семь – тридцать восемь, решила миссис Уиллоуби; она совершила типичную для пожилых людей ошибку, уменьшив настоящий возраст Джека. Ей нравилось, что он высок и широкоплеч. Она любила встречать за границей рослых американцев. Она одобрила его строгий серый костюм, сидевший на нем с той свободой, из-за которой европейцы считают американцев нацией, не умеющей одеваться. Но старушке никак не удавалось вспомнить, где она видела своего соседа. Какая-то другая фамилия, не Эндрюс, вертелась на кончике ее языка. Провал в памяти вызывал у миссис Уиллоуби чувство тревоги; она показалась себе очень старой.

Проснувшись, Джек раздвинул шторы и увидел, что самолет теряет высоту неподалеку от Рима. Отвернувшись от окна, он заметил, что маленькая старушка разглядывает его, сморщив лоб. «У нее такой вид, – подумал Джек, застегивая ремень, – будто я во сне произносил непристойности».

Взлетно-посадочные полосы, умытые дождем, блестели в надвигающихся сумерках; клоуны облаков, подсвеченных последними лучами заходящего малинового солнца, мчались по небу. Самолет лег на правое крыло, и Джек увидел, как опустились закрылки; он вспомнил свинцовую мглу, висевшую над Парижем, и поразился тому, что в Риме совсем иная погода. Италия способна поднять настроение и как бы заново открыть человеку прелесть ярких красок, дождя, причудливых облаков, каким бы видом транспорта ни прибывал он в эту страну, подумал Джек.

Глава 2

Бросив последний пристальный взгляд в сторону Джека, миссис Уиллоуби направилась в ресторан, чтобы там вместе с другими транзитными пассажирами дожидаться, когда самолет заправят топливом. Джек, проходя мимо старушки, вежливо коснулся рукой шляпы; он услышал, как она радостно произнесла: «Джеймс Роял». Она сказала это сирийцу, шагавшему рядом с ней. Мужчина, понимавший арабскую и французскую речь, знал лишь два английских слова. «Очень хорошо», – сказал он, изо всех сил стараясь продемонстрировать свое дружелюбие.

– Я думала, он умер, – добавила миссис Уиллоуби, шагая в направлении ресторана. – Кто-то мне говорил, что он умер.

Таможенный досмотр подходил к концу, и тут Джек увидел Делани, который стоял за стеклянной дверью зала ожидания. На нем были твидовая кепка завсегда и ирландских бегов и пальто из того же материала. Его загорелое лицо с близорукими глазами светилось сквозь стекло счастливой, приветливой улыбкой. Он не производил впечатления человека, угодившего в беду. Джек испытал громадное облегчение, не обнаружив во внешности Делани изменений, которые могли произойти за годы их разлуки, и понял, как сильно боялся увидеть друга постаревшим.

Когда Джек прошел через дверь, Делани крепко стиснул его руку и, сияя, произнес густым, хриплым голосом:

– Я сказал им: «Черт с вами, ступайте сегодня домой, я не могу допустить, чтобы его встречал шофер».

Делани подхватил кейс, который нес Джек.

– Позволь мне помочь тебе. Если, конечно, он не набит секретными бумагами, которые ты не можешь выпустить из рук без риска быть казненным.

Джек улыбнулся, шагая возле этого пышущего энергией, невысокого крепыша в сторону автостоянки:

– Да, там лежит стратегическая карта Северной Европы. Но дома у меня есть еще шесть копий.

Когда шофер и носильщик укладывали вещи Джека в багажник машины, Делани отступил на шаг и задумчиво поглядел на друга:

– Ты уже не похож на мальчика, Джек.

– Я и не выглядел как мальчик, когда ты видел меня в последний раз, – отозвался Джек, вспомнив свой прощальный визит к Делани.

– Нет, выглядел, – возразил Делани, качая головой. – Хотя это и казалось противоестественным. Травмированным мальчиком. Вот уж не думал дожить до твоих седых волос и морщин. Господи, только не говори, какое впечатление произвел на тебя я. Глядя на себя в зеркало во время бритья, я обливаюсь слезами. Ессо³, – сказал он носильщику, сунув ему в руку сотню лир. – Едем.

Они направились в Рим на зеленом дребезжащем «фиате». За рулем сидел смуглый человек с блестящими, тщательно причесанными волосами и печальными темными глазами, под которыми синели круги. Он маневрировал, как заправский гонщик, среди грузовиков и мотоциклистов, нетерпеливо расчищая себе путь дальним светом, когда кто-то мешал ему мчаться по узкой, неровной дороге мимо ипподрома и киностудий, построенных Муссолини, который хотел бросить вызов Голливуду.

– Автомобиль с шофером в твоём распоряжении, – сказал Делани. – Я настоял на этом.

³ Вот (ит.).

– Спасибо. Но если это сопряжено со сложностями, я могу ходить пешком. Люблю ходить пешком по Риму.

– Ерунда. – Делани сделал царственный жест. У него были на удивление маленькие, нежные руки ребенка-пианиста, не соответствовавшие мощному, крепко сбитому телу. – Эти люди должны чувствовать, что ты – важная персона. Иначе они не оценят твою работу. Держись с ними надменно, и они принесут тебе пять тысяч с елейной улыбкой на лицах.

– Да, кстати, я должен поблагодарить тебя...

– Перестань, перестань. – Делани снова махнул рукой. – Ты делаешь мне одолжение.

– Для меня это большие деньги.

– Я привык умасливать взятками слуг народа, – голубые глаза-льдинки Делани оживленно заблестели, – их участь незавидна. Кстати, поделись секретами. В ближайшие десять минут война не начнется?

– Полагаю, нет, – ответил Джек.

– Чудесно. Я успею закончить картину.

– Как идут съемки?

– Обыкновенно. Иногда мне хочется расцеловать всю группу. Иногда я готов застрелиться. Я пережил все это уже пятьдесят раз. Правда, сейчас добавляется чисто итальянский хаос. Здесь сценарий. – Делани похлопал ладонью по пухлой розовой папке, лежащей на сиденье. – Завтра утром можешь взглянуть на него.

– Не жди от меня чудес, – предупредил Джек. – Я уже лет десять не занимался озвучиванием ролей.

– Через три дня после смерти ты будешь лучшим актером, чем тот парень, что снимается у меня сейчас.

– Что с ним случилось? – спросил Джек. – Он всегда мне нравился.

– Алкоголь. Стал закладывать за галстук. Выглядеть еще год-другой он будет неплохо, но понять, что он говорит, уже невозможно. Твой голос должен звучать чисто, разборчиво, чувственно, так, чтобы и двенадцатилетний ребенок уловил каждое слово – ничего большего от тебя не требуется. – Усмехнувшись, Делани вдруг стал серьезным. – Ты не подведешь, малыш? Все будет как прежде, Джек...

– Постараюсь, – смущенно произнес Джек.

На мгновение его встревожило слишком озабоченное выражение холодных голубых глаз Делани. В них затаилась отчаянная мольба, не соответствовавшая незначительности роли, отведенной Джеку. Впервые в жизни ему показалось, что однажды Делани может потерпеть неудачу.

– Постараться – этого мало, – негромко сказал Делани. – Судьба картины целиком в твоих руках. Эта роль – ключевая. Я в лепешку расшибся, разыскивая тебя, только ты способен справиться с задачей. Когда прочитаешь сценарий и посмотришь отснятый материал, то согласишься со мной.

– Морис, ты по-прежнему слишком серьезно относишься к кино. – Джек попытался разрядить напряженность, внезапно возникшую в машине.

– Не говори так, – резко сказал Делани.

– Проработав столько лет, – продолжал Джек, – ты мог бы немного расслабиться.

– Когда я чуть-чуть расслаблюсь, пусть меня прогонят со съемочной площадки. Я не стану сопротивляться.

– Никому не удастся прогнать тебя со съемочной площадки, – возразил Джек.

– Это ты так думаешь, – сердито проворчал Делани. – Ты читал некоторые рецензии на мою последнюю картину? Видел финансовые отчеты?

– Нет, – солгал Джек.

Кое-какие статьи попадались ему на глаза, но он решил не признаваться. К тому же финансовых отчетов Джек действительно не видел. Хоть это было правдой.

– Ты настоящий друг. – На лице Делани появилась озорная насмешливая улыбка. – Да, еще. – Он огляделся по сторонам, словно боясь, что его могут подслушать. – У меня есть одна просьба.

– Какая?

– Понимаешь, – начал Делани, – съемки продлятся еще неделю. Если Стайлз пронюхает раньше времени, что его знаменитый золотой голос не будет использован, он...

– Неужели здесь это можно сохранить в тайне?

– В течение недели – да. Если повезет. А потом пусть он узнает. Съемки начинаются не раньше половины двенадцатого, мы будем делать наше черное дело по утрам. Ты способен вставать рано?

– Ты забываешь, что я хожу на службу.

– Неужели государственные чиновники встают нынче рано? – спросил Делани. – Мне это и в голову не приходило. Господи, ну и жизнь у тебя.

– Не так уж она и плоха, – отозвался Джек, защищая последние десять лет.

– Хорошо, что тебя отпустили ко мне. Скажи им, в следующем году я из чувства благодарности заплачу лишнюю сотню тысяч монет подоходного налога.

– Не делай этого.

Джек улыбнулся. Тяжба, которую Делани вел с налоговым управлением, широко освещалась прессой; кто-то из журналистов вычислил, что если Делани будет впредь все свои заработанные деньги отдавать в счет погашения долга, то к девяностолетию он все равно останется должен казне двести тысяч долларов.

– У меня не был использован очередной отпуск, – пояснил Джек. – Последнее время я стал таким невыносимым, что, когда улетел, многие в Париже, верно, вздохнули с облегчением.

Джек не собирался сообщать Делани, чем он рисковал, бросив Моррисона на две недели.

– Трудисься в поте лица, защищая цивилизацию, малыш? – спросил Делани.

– Двадцать четыре часа в сутки.

– Русские тоже забыли о сне?

– Мой шеф уверяет меня в этом.

– Господи, – сказал Делани, – возможно, нам следует взорвать этот мир. Как ты думаешь, когда планета расколется пополам, документы с цифрами доходов погибнут?

– Нет, – ответил Джек. – Они останутся на микрофильмах, хранящихся в подземных сейфах.

– Ты отнимаешь у меня последнюю надежду. Объясни, чем ты занимаешься в Париже со своими вояками?

– Всем понемногу, – пояснил Джек. – Принимаю прибывших в Европу конгрессменов, когда мой начальник занят; строчу отчеты, отбиваюсь от газетчиков, сопровождаю фоторепортеров, уводя их подальше от секретных объектов, сочиняю речи для генералов...

– Давно ли ты выучился писать?

– Любой человек, знающий, что в слове «устрашение» пятая буква «а», а не «о», годен для составления подобных речей.

Делани раскатисто засмеялся:

– И как тебя занесло на такое место?

– Это произошло случайно.

«Как и все в моей жизни», – подумал Джек.

– Одним воскресным днем я играл в теннис на кортах Сен-Жермен в паре с одним полковником ВВС. Мы выиграли. Он не захотел терять надежного партнера и предложил мне эту работу.

– Полно заливать, – улыбнулся Делани. – Такие легкомысленные люди не встречаются даже среди офицеров ВВС. Наверняка он о тебе уже кое-что знал.

– Конечно, – согласился Джек. – Ему было известно, что когда-то я работал в кино; наловцы собирались заказать документальный фильм о своей организации, и тут подвернулся я...

– Гвидо! – закричал Делани, обращаясь к шоферу, только что едва не врезавшемуся в такси. – Если я погибну по твоей вине, ты этого никогда себе не простишь!

Водитель повернул голову, сверкнул широкой, счастливой, белозубой улыбкой, только его темные глаза остались печальными.

– Он понимает по-английски? – спросил Джек.

– Нет. Но, как всякий итальянец, восприимчив к интонации. Скажи мне, – произнес Делани, – как твоя семья? Сколько у тебя детей? Трое?

– От какой из жен?

Делани усмехнулся:

– От нынешней. Сколько у тебя детей от первых двух, мне известно.

– Двое, – ответил Джек. – Мальчик и девочка.

– Ты счастлив? – Делани изучающе уставился на Джека.

– Ага, – сказал Джек.

Везде, кроме аэропортов и некоторых других мест, подумал он.

– Наверно, мне тоже следовало жениться на француженке, – заметил Делани.

Он состоял сейчас в четвертом браке; третья жена Делани стреляла в него на улице из охотничьего ружья.

– Попробуй как-нибудь.

– Вот закончу фильм и приеду к тебе в Париж, – заявил Делани. – Это пойдет мне на пользу. Полюбуюсь семейной идиллией. Если я когда-нибудь его закончу.

– О чем он? – Джек дотронулся до лежащей на сиденье розовой папки.

– Ничего оригинального. – Делани скорчил гримасу. – Бывший американский солдат, запутавшийся в жизни, попадает в Рим и встречает там свою прежнюю любовь. Средиземноморская страсть, одобренная англосаксонским чувством вины. Сюжеты с каждым днем становятся все более избитыми.

Замолчав, он угрюмо уставился на плотный транспортный поток.

Джек тоже посмотрел в окно. Они проехали мрачную церковь Санта-Мария-Маджоре.

– Когда-нибудь, – заметил Джек, – по дороге из аэропорта я остановлюсь здесь и посмотрю, как выглядит здание внутри.

– Это единственный город, где меня не тянет в церкви. – Делани сухо усмехнулся. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но в 1942 году я даже исповедовался. Это было в Калифорнии. Кардиолог сказал, что мне осталось жить шесть месяцев.

Когда церковь скрылась из виду, Делани добавил:

– В течение нескольких лет нам обоим чертовски везло.

– Да, – согласился Джек.

– Мы приносили друг другу удачу. Словно были на какой-то период застрахованы от провалов.

Он грустно улыбнулся.

– И надо же было начаться проклятой войне. – Делани покачал головой. – Может быть, мы снова принесем друг другу удачу. Как прежде. Это ведь возможно, правда?

– Вполне, – подтвердил Джек.

– Боже, каким ты был тогда красавцем. Проклятая война, – тихо произнес Делани и добавил более оживленно: – В конце концов мы оба остались живы. Не так уж это и мало – жить, да еще в Риме. Ты бывал здесь прежде?

– Два или три раза. По несколько дней.

– Послушай, – сказал Делани, – у тебя есть планы на вечер?

– Нет, – ответил Джек.

– Ты уверен, что не назначил свидание какой-нибудь истосковавшейся по тебе пышногрудой итальянской кинозвездочке?

– Вынужден напомнить тебе, – мягко сказал Джек, – теперь я – солидный государственный служащий. Прошлое кануло в Лету.

– О'кей. Я позвоню тебе через час. Ты успеешь принять душ, смыть с лица дорожную пыль. Тебя ждет сюрприз.

– Какой? – спросил Джек, когда швейцар открыл дверцу автомобиля, остановившегося возле отеля.

– Увидишь, – загадочно ответил Делани вылезавшему из машины Джеку. – Приготовься к увлекательному вечеру. Встретимся в баре через час.

Водитель уже извлек из багажника вещи Джека, швейцар понес их к гостиничному подъезду. Машина отъехала. Джек помахал рукой Делани, повернулся и зашагал вверх по ступеням. Из вращающейся двери вышли две женщины и мужчина. Они преградили путь Джеку, и он остановился. Женщины держали своего спутника под руки словно больного; более рослая из них обхватила рукой его талию. Поравнявшись с Джеком, мужчина внезапно вырвался и, покачиваясь из стороны в сторону, шагнул к нему. На лице незнакомца блуждала улыбка, волосы его были растрепаны, глаза, смотревшие на Джека, налились кровью. Замахнувшись, он ударил Джека.

– Сэнфорд! – закричала одна из женщин.

– О боже! – вырвалось у второй.

Джек отлетел назад. Колонна, оказавшаяся за его спиной, не дала ему упасть. Он тряхнул головой, пытаясь вернуть четкость окружающим предметам, собрался, стиснул кулаки и шагнул к ударившему его нахалу. Но было уже поздно. Сэнфорд опустился на колени; вяло взмахивая руками, точно дирижер перед оркестром, исполняющим медленный вальс, он глупо улыбался Джеку.

– Вы что, с ума сошли?

Джек застыл над обидчиком, касаясь его носком ботинка и ожидая, когда хулиган встанет и его можно будет ударить.

– Arrivederci, Roma⁴, – сказал Сэнфорд.

Женщины засуетились вокруг своего спутника; просунув руки ему под мышки, они безуспешно пытались поставить его на ноги. Все трое были явно американцами, женщины, похоже, уже разменяли пятый десяток; коренастому мужчине в измятом костюме было лет тридцать пять.

– О, Сэнфорд, – проговорила более высокая женщина чуть не плача, – что ты творишь? Ее шляпу украшали две искусственные гардении.

– Позвать полицейского, сэр? – Швейцар, сделав скорбное лицо, застыл возле Джека. –

Он тут, на углу.

– Ради бога, не надо... – запричитала женщина с гардениями.

– Пусть этот негодяй поднимется, – произнес Джек.

Потрогав свой нос рукой, он запачкал ее кровью.

Мужчина, устроившийся на ступенях, посмотрел на Джека; голова его покачивалась, на губах играла хитрая самодовольная улыбка.

– Arrivederci, Roma, – запел он.

– Он пьян, – сказала вторая женщина. – Пожалуйста, не бейте его.

⁴ Прощай, Рим (*ит.*).

Женщинам удалось поставить Сэнфорда на ноги, они принялись поправлять его костюм, что-то нашептывать ему, успокаивать Джека и швейцара; затем заслонили собой пьяного, не подпуская к нему Джека.

– Стоило нам оказаться в Европе, как он запил. Сэнфорд, неужели тебе не стыдно?

Женщина в шляпе не умолкала ни на мгновение, обращаясь то к Сэнфорду, то к Джеку.

– Боже, вы весь в крови. У вас есть платок? Вы погубите свой прекрасный серый костюм.

Она вытащила из сумочки платок и дала его Джеку. Он приложил платок к носу. Вторая дама оттолкнула пьяного в сторону, подальше от Джека, пробормотав: «Сэнфорд, ты же обещал вести себя прилично».

Джек почувствовал, что тонкий надушенный платок быстро намокает. Проникающий в ноздри сквозь кровь аромат показался ему знакомым; он озадаченно, неуверенно принялся к этому запаху.

Под portico⁵ въехало такси, из него вышла пара; пока мужчина расплачивался с водителем, женщина с любопытством уставилась сначала на Джека, затем на пьяного и его спутниц. Ее осуждающий, холодный взгляд вызвал у Джека желание объяснить им, что тут произошло.

Женщина в шляпе снова порылась в сумочке, ни на секунду не закрывая рта.

– Пруденс, – громко зашептала она с бостонским акцентом, – посади этого хулигана в такси. На нас уже смотрят.

Вытащив из сумочки десять тысяч лир, она сунула бумажку Джеку в карман.

– Не надо вызывать полицию, хорошо? Простите его, ради бога. Это вам на химчистку.

– Послушайте, – начал было Джек, вынув деньги из кармана и попытавшись вернуть их женщине. – Я не собираюсь...

– Ну конечно. – Женщина воспрянула духом.

Она протянула швейцару тысячелировую купюру. Люди, заходившие в отель, поглядывали на них.

– Вы очень любезны, – величественно произнесла американка. – А теперь садись в такси, Сэнфорд. Только прежде извинись перед джентльменом.

– Вот что они пели, – кивая и улыбаясь, произнес пьяный, – когда тонула «Дория».

– Выпив, он становится невыносимым, – заявила женщина.

Продемонстрировав недюжинную силу, она впихнула Сэнфорда в автомобиль и захлопнула за собой дверцу.

– Arrivederci, Roma, – донесся из отъезжающей машины голос мужчины. – Итальянские моряки. Команда попрыгала в шляпки. Вы видели его рожу, когда я ему вмазал? Нет, вы видели?

Из такси донесся женский смех – звонкий, безудержный; он заглушил рев мотора и шуршание шин.

– Здорово вам досталось, сэр? – спросил швейцар.

– Нет, пустяки. – Джек покачал головой и проводил взглядом машину, скрывающуюся за углом.

– Этот Сэнфорд – ваш знакомый? – Заботливо поддерживая Джека под локоть, словно боясь, что он упадет, швейцар подвел Эндрюса к входной двери.

– Нет, впервые его вижу. Вы знаете, кто он такой?

– Я тоже не встречал его прежде. Очень сожалею о случившемся, сэр. – На удлинённом лице старого отставника появилось выражение беспокойства. – Надеюсь, последствий не будет, сэр?

– Что? – Джек в недоумении замер возле вращающейся двери. – Что вы имеете в виду?

– Ну, вы не станете жаловаться администрации, сэр, настаивать на расследовании?

⁵ Портик (*ит.*).

– Нет, – ответил Джек. – Не волнуйтесь. Последствий не будет.

– Понимаете, сэр, – проговорил швейцар, – они – не итальянцы.

Джек улыбнулся:

– Я понял. Забудьте это происшествие.

Швейцар, радуясь тому, что репутация его соотечественников не пострадала, церемонно поклонился Джеку:

– Благодарю вас, сэр. Я уверен, ваш нос быстро заживет. – Он толкнул дверь; Джек, прижав окровавленный платок к носу и вдыхая аромат духов, вошел в вестибюль. Подходя к стойке, он узнал этот запах. Его жена пользовалась такими же духами. «Femme»⁶, вспомнил он, ну конечно, «Femme».

Когда Джек назвал порттье свою фамилию и протянул ему паспорт, служащий отеля приветливо улыбнулся.

– Да, мистер Эндрюс, для вас забронирован «люкс».

Он нажал кнопку вызова носильщика и сочувственно посмотрел на Джека.

– Ударились, сэр? – спросил порттье, стоящий на страже благополучия гостей, для которых забронирован «люкс».

– Нет. – Джек посмотрел на платок, чтобы проверить, не остановилась ли кровь. – У меня склонность к носовым кровотечениям. Это наследственное.

– О, – огорченно произнес порттье, охваченный жалостью ко всем родственникам Джека.

Кровь еще шла, поэтому Джек ехал в лифте, прижав к носу платок. Он уткнулся взглядом в спину носильщика, делая вид, будто не замечает двух молодых женщин, находившихся в кабине; они шептались на испанском, с любопытством поглядывая на Джека.

В гостиной «люкса» стояли свежие цветы, на стенах висели картины с видами Рима. Джек, вспомнив тесную парижскую квартиру с разбросанными по ней детскими вещами и пятнами на потолке, улыбнулся, радуясь строгой элегантности «люкса». Он так давно не покидал Парижа, что уже забыл, как замечательно оказаться одному в гостиничном номере. Дав носильщику чаевые и письмо к сыну, Джек осмотрел спальню и просторную, отделанную мрамором ванную с двумя раковинами. «Один умывальник для меня, – подумал он, – второй – для кого-то еще». Взглянув на себя в зеркало, он заметил, что нос начал распухать. Джек слегка надавил на него. Брызнувшая кровь заалела на белой раковине. «Похоже, перелома нет и синяка под глазом не будет», – успокоил себя Джек.

«Вот сукин сын», – подумал он, вспомнив сидящего перед вращающейся дверью пьяного, избежавшего наказания. Затолкав в ноздри туалетную бумагу, Джек вызвал горничную и официанта. Вытащил из чемодана бутылку виски, костюм, халат. Критически осмотрел костюм. Реклама утверждала, что в этом американском чемодане можно, не помяв, разместить три костюма, так что необходимость гладить их после путешествия отпадает. Однако на самом деле извлеченный Джеком из чемодана костюм выглядел так, словно его только что жевала корова. Эндрюс скорчил гримасу, вспомнив, сколько стоил чемодан. Он не мог оставаться в костюме, забрызганном кровью. Любой полицейский заподозрил бы Джека в совершении убийства.

Молодой франтоватый официант, которого, несомненно, ждала блестящая карьера, появился в сопровождении горничной – седой старушки с виноватой беззубой улыбкой на лице; ее измученный вид говорил о бедности, частых родах, лишениях, вдовстве, мелких кражах.

Джек попросил официанта принести лед и отдал горничной измятый костюм, а также запачканный кровью пиджак, чтобы она привела одежду в порядок.

⁶ Женщина (фр.).

– *Per pulire, per favore*⁷, – сказал Джек, похвалив себя за то, что он вспомнил, как итальянски будет «чистить».

Осмотрев пиджак, висевший у нее на руке, горничная коснулась пальцем одного из влажных коричневых пятен и вопросительно взглянула на Джека.

– Кровь, – объяснил он, безуспешно пытаясь вспомнить соответствующее итальянское слово. – Кровь, – повторил он, повысив голос.

Не поняв Джека, старушка заулыбалась угодливо и встревоженно.

– *Va bene*⁸, – пробормотала она.

– *Sangue*⁹, – снисходительно, с нетерпением в голосе произнес официант, уходя. – *Sangue*.

– *Ah, sì, sì, sangue*. – Горничная затрясла седыми кудряшками, стыдясь своей несообразительности, словно в роскошные отели гости всегда прибывали в костюмах, забрызганных кровью. – *Subito, subito*¹⁰.

Она исчезла за дверью вслед за официантом. Ожидая, когда официант вернется со льдом, Джек принялся разбирать вещи. Он разместил остальные костюмы в шкафу, надеясь, что к завтрашнему утру они отвисятся. Поставил на туалетный столик в спальне обтянутую кожей рамку с фотографией жены и детей. Затем шагнул на небольшой балкон, но «люкс» выходил окнами внутрь квартала. Джек увидел лишь соседний дом, отделенный от отеля переулком; здание, умытое дождем, серело на фоне вечернего неба, в его окнах отражалось неоновое многоцветье римской рекламы. Откуда-то снизу доносился громкий, ритмичный рок-н-ролл. Прохладный воздух был еще насыщен влагой; безликие контуры зданий, неоновые огни, резкие, дисгармоничные звуки музыки казались приметам любого современного города, принадлежащего веку Америки. Вид, открывающийся с балкона, ничем не напоминал о временах, когда здесь правил Цезарь, спорил с папой Микеланджело, а короли короновались в двух милях от этого места.

Замерзший Джек вернулся в комнату, укрывшись за высокой стеклянной дверью от пронзительных звуков радио. Он заметил лежащую на туалетном столике скомканную купюру достоинством в десять тысяч лир, которую ему навязала та женщина, и улыбнулся, подумав о том, что ему доводилось проливать кровь и за меньшую сумму. Джек разгладил ассигнацию и положил ее в бумажник, но не в отделение для денег, а рядом с правами.

Когда официант принес лед, Джек налил себе виски, разбавив его водой. Он снял туфли, сел на край кровати и стал потягивать спиртное; путешествие утомило Джека, припухший нос слегка ныл.

Сидя так с опущенными веками, чувствуя вкус крови, Джек увидел перед глазами другую, медленно кристаллизующуюся картину – призрачное воспоминание о далеком детстве. Тогда он сидел на деревянной скамье, и кровь стояла в горле. Джек полностью закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, и видение стало более ясным. Весенний день, влажная трава пахнет свежестью. Ему десять лет, он находится на школьном бейсбольном поле; отскочивший от земли мяч угодил ему в переносицу. Кровотечение длилось три часа, пока домой не пришел отец, который приложил лед к затылку мальчика и заставил его лечь на кровать так, чтобы запрокинутая голова свисала с ее края.

– В следующий раз, – весело сказал отец, когда мать с тревогой на лице застыла над сыном, – ты не будешь отбивать мяч носом.

– Я не ждал такого отскока.

⁷ Пожалуйста, почистите (*ит.*).

⁸ Хорошо (*ит.*).

⁹ Кровь (*ит.*).

¹⁰ Сейчас, быстро (*ит.*).

– В жизни отскок часто бывает неожиданным, – назидательным тоном произнес отец. – Это нормальное явление. О нем забывать нельзя.

Вспоминая, Джек улыбался; он почувствовал себя лучше. Благодаря вкусу крови, вернувшему его в детство, он словно сбросил несколько лет. Джек поставил на столик недопитое виски, взял из ведерка кусок льда и, прижав его к основанию черепа, лег на спину. Он был рад тому, что отец предстал перед его глазами молодым человеком.

Джек начал погружаться в дремоту, не замечая холодных капель, катившихся за воротник. «Sangue, sangue, – мысленно произнес он. – Как же я мог забыть такое простое слово?»

Глава 3

Придя в бар, Джек не нашел там Делани. Эндрюс успел принять душ, тщательно причесать влажные волосы, надеть отутюженный костюм. Нос его оставался немного припухшим, но кровотечение прекратилось. Душ взбудрил Джека, помог прогнать сонливость, зарядил энергией. В баре было много солидных американцев среднего возраста; они заслужили свои коктейли долгим стоянием перед статуями и алтарями, походами к развалинам и триумфальным аркам, хлопотами, предшествующими аудиенции папы. Все места у стойки были заняты; чтобы взять мартини, Джеку пришлось протиснуться между мужчиной и женщиной.

– Он сказал, что не понимает по-немецки, – произнесла с сильным немецким акцентом женщина, – но я знаю, что он солгал. Все евреи понимают немецкую речь.

– Ты откуда? – спросил мужчина.

– Из Гамбурга, – ответила его рыжеволосая собеседница.

Черное платье с глубоким вырезом спереди плотно облегло ее пышную фигуру; у женщины было хитрое порочное лицо и крупные красноватые руки крестьянки. Джек, за последние несколько лет заходивший в этот бар тричетыре раза, уже видел ее здесь; угадать профессию женщины не составляло труда. Заведение было приличным, и поэтому немка сама не приставала к мужчинам, но у нее, несомненно, была договоренность с хозяином бара.

Немцы, подумал Джек, с отвращением поглядев на женщину, готовы удовлетворять любые запросы послевоенной Европы. Парижские шлюхи хотя бы не выглядят такими самодовольными.

Он повернулся спиной к паре, сидевшей у стойки; держа бокал в руке, обвел взглядом бар. Компания стоявших возле Джека молодых итальянцев загораживала от него ближний угол зала; великолепно подстриженные, в галстуках нежных тонов, повязанных вокруг ослепительных воротничков, они оживленно беседовали; красивые, полные жизненных сил, готовые к любви, преступлению, путешествиям юноши оценивающе разглядывали каждую входившую в бар женщину. Джек позавидовал их внешности, уверенности, молодости, но прежде всего – их непосредственности. Как большинство американцев, Джек всегда скрывал свои эмоции, и эта недостижимая итальянская раскрепощенность, нескрываемое жизнелюбие и бесстыдная доступность заставляли его осознавать собственную неопытность и глупую невинность.

Джек сделал шаг в сторону, чтобы осмотреть весь бар. Он пригляделся к лицам посетителей и понял, что ищет ударившего его мужчину, а также женщин, сопровождавших пьяного. Их в баре не было. Недовольный собой, Джек пожал плечами. «Что бы я сделал, если бы увидел его?» – подумал он.

Допив коктейль, Джек собрался заказать новую порцию, но вдруг заметил вошедшего в зал Делани; Морис был в том же пальто, что и прежде, из кармана торчала кепка. Мягкие светлые волосы Делани падали на лоб. Лицо режиссера выдавало его тяжелый, властный характер.

– Мы опаздываем, – с ходу произнес Делани. – Идем отсюда. Терпеть не могу эту дыру. Здесь собираются одни паразиты.

Он с неприязнью посмотрел на группу итальянцев, на шлюху-немку, на измученных экскурсиями американцев.

Джек заплатил за мартини и вслед за Делани направился к двери.

– Куда мы опаздываем? – спросил он.

– Увидишь, увидишь. – Делани наслаждался заинтригованностью Джека.

Внезапно остановившись, Морис с любопытством посмотрел на своего друга:

– Что у тебя с носом?

– Пьяный ударил меня возле отеля, – смущенно пояснил Джек.

– Когда?

- Через минуту после твоего отъезда.
- Ты встречал его раньше?
- Никогда.

Делани усмехнулся:

– Ты мгновенно включился в бурлящую жизнь Вечного города, да? Я здесь уже пять месяцев, а меня никто еще не ударил.

– Зато тебе успели испачкать воротничок губной помадой. – Джек зашагал к выходу.

Рука Делани непроизвольно потянулась к горлу.

– И где это меня угораздило?

– Клара обедает с нами? – спросил Джек, подойдя к двери.

– Нет. – Делани не стал вдаваться в подробности.

Они сели в зеленый «фиат»; швейцар с армейской выправкой сочувственно поглядел на нос Джека, словно он напомнил ему о грехах собственной юности, и захлопнул дверцу автомобиля.

Делани, расположившись в углу и держа спину очень прямо, смотрел на проносившиеся мимо машины.

– Господи, итальянцы мчатся, как юнцы, мечтающие занять первое место в воскресных автогонках.

– Ну, – отозвался Джек, – французы ездят еще более лихо. Они всегда несутся так, словно спешат забрать свои деньги из банка, который вот-вот разорится. Как-то раз я спросил одного француза, почему они всегда мчатся так быстро. Подумав, он ответил: «Мы проиграли войну».

Делани улыбнулся:

– Ты, видно, стал знатоком французов.

– Французы – непостижимая нация. Ну, Морис, говори – куда мы едем?

– Если ты способен лить слезы, готовься к этому, – сказал Делани. – Скоро увидишь.

Он замурлыкал себе под нос, загадочно улыбаясь. Это была какая-то известная старая песенка, но Делани так безбожно искажал мотив, что Джек не узнавал ее; однако он чувствовал, что она ему знакома и что Делани вспомнил о ней неспроста.

Автомобиль остановился перед кинотеатром.

– Приехали. – Делани вышел из «фиата» и придержал дверцу для Джека. – Я надеюсь, ты потерпишь еще немного без еды.

Морис не спускал глаз с Джека, увидевшего перед собой афишу фильма «Украденная полночь»; это была старая лента Делани. В списке актеров на плакате первым значился Джеймс Роял. У входа висела увеличенная фотография Джека, сделанная лет двадцать назад, еще до ранения, которое испортило ему лицо. Джек уже не помнил себя таким красивым.

– Это еще зачем? – удивился он.

– Я думал, тебе будет интересно, – невинно произнес Делани.

– А я в этом не уверен.

Теперь Джек догадался, что за мелодию напевал Делани в машине. Это была довоенная песенка «Провожая домой мою крошку»; она исполнялась несколько раз в течение фильма, ее мелодию использовал композитор, сочинявший музыку для картины, в качестве лейтмотива, на фоне которого проходили ключевые сцены.

– Об этом позаботился рекламный отдел, – сообщил Морис. – Пусть публика увидит, что создал в молодости знаменитый режиссер, ныне работающий в Риме.

– Ты сам еще не смотрел? – Джек не отрывал взгляда от блестящей, ярко освещенной фотографии.

– Нет, – ответил Делани. – Я решил, что сидеть рядом с тобой во время сеанса – мой долг друга.

– Долг друга, – повторил Джек. – Когда ты видел фильм последний раз?

– Лет десять – пятнадцать тому назад. – Делани взглянул на часы. – Черт с ним. Этот мерзавец опять опаздывает. Не будем его ждать. Он отыщет нас после сеанса.

– Ты это о ком? – спросил Джек, следуя за Делани к кассе.

– Об одном французском журналисте, который пишет обо мне статью для парижской газеты.

Делани протянул в окошечко деньги. Он обращался с итальянскими купюрами так, словно они обжигали ему руки.

– Он назвал себя твоим другом. Его зовут Жан-Батист Деспьер.

– Да, он – мой друг, – радостно подтвердил Джек.

Он познакомился с Деспьером лет десять – двенадцать назад; когда Деспьер возвращался в Париж из своих странствий, они всегда играли в теннис. Джек знал, что присутствие Деспьера в Риме сделает эти две недели гораздо более приятными. Когда в 1949 году Джек впервые приехал в Рим, Деспьер повез его вечером на фиакре смотреть залитый лунным светом Колизей в обществе двух хорошеньких девятнадцатилетних американок; журналист заявил, что каждый человек в свой первый римский вечер должен посмотреть залитый лунным светом Колизей в обществе двух хорошеньких девятнадцатилетних американок.

– Веселый мальчик, правда? – сказал Делани, заходя в кинотеатр.

– Иногда. – Джек помнил случаи, когда это определение не подходило к Деспьеру.

– Скажи ему, – хрипло прошептал Делани, под грохот хроники следуя за женщиной, рассказывающей зрителей по местам, – что в Соединенных Штатах журналисты более пунктуальны.

Они сели недалеко от экрана, поскольку Делани страдал близорукостью. Морис надел очки с толстыми стеклами в металлической оправе, которые он, будучи тщеславным, носил лишь в случае крайней необходимости. За кадром звучал возбужденный итальянский голос, киножурнал представлял обычную смесь из стихийных бедствий, демонстраций, выступлений политических деятелей – раненые арабы, окруженные в Алжире французскими войсками, уступили место волнениям в северной Италии, английская королева наносила кому-то визит, люди в форме осматривали обломки потерпевшего крушение самолета. Пока шла хроника, Делани недовольно фыркал. Во рту у него была жевательная резинка; по громкости чавканья Джек мог судить о степени отвращения, которое вызывали у Мориса мелькавшие на экране люди и события.

– Замечательная прелюдия к произведению искусства, – громко заметил Делани, когда хроника закончилась. – Кровь и лица политиков. Попробовали бы так поступить в «Карнеги-Холл». Показали бы человека, висящего на дыбе, затем предоставили бы слово сенатору с Миссисипи, озабоченному загрязнением прибрежных вод, а потом начали бы исполнять Седьмую симфонию. А в кинотеатре все можно...

Делани возмущенно затряс головой, защищая искусство, которому отдал тридцать лет жизни.

Зазвучали фанфары, и на экране появилось название фильма. Увидев свой актерский псевдоним, Джек испытал тщеславное, горделивое чувство, которое охватывало его в молодости, когда он замечал где-либо это пустое, лживое, широко разрекламированное имя, почти забытое им с той поры, когда оно светилось неоновым над кинотеатрами во многих городах Америки.

Псевдоним был придуман хозяином голливудской студии; сначала Джек играл на театральной сцене под своим настоящим именем.

– Джон Эндрюс, – произнес, покачивая головой, Катцер, хозяин студии. – Не годится. Не обижайтесь, но это звучит не по-американски.

– Мои предки обосновались здесь в 1848 году, – сообщил Джек.

– Никто не подвергает сомнению сей факт. Это чисто профессиональный вопрос: важно, как смотрится имя на афише, как оно воспринимается на слух. Мы в таких делах собаку съели, мистер Эндрюс, положитесь на нас.

– Я полагаюсь на вас, – с едва заметной улыбкой сказал Джек.

Он был молод и боден; предвкушение славы волновало его, к тому же Катцер мог помочь Джеку разбогатеть.

– Сейчас мне ничего не приходит в голову. Загляните завтра... – Катцер посмотрел в настольный календарь, где отмечал время деловых встреч. – В четверть одиннадцатого я сообщу вам новое имя.

Утром следующего дня, в десять часов пятнадцать минут, Джек превратился в Джеймса Рояла. Псевдоним не понравился ему своей безликостью, Джек так и не привык к нему, но Катцер сдержал обещание. Псевдоним Джека вспыхнул неонем во всех крупных городах, появился на рекламных щитах, установленных на важнейших автомагистралях страны. Не обманул Катцер и насчет денег. За несколько лет Джек заработал такую сумму, о которой прежде и не мечтал. Он не менял свою фамилию официально и, вступая в армию добровольцем, с облегчением назвал себя Джоном Эндрюсом, испытывая при этом такое чувство, словно возвращался к себе домой.

Перед глазами Джека поплыли полузабытые имена актеров, а также членов съемочной группы: Уолтер Башелл, Отис Кэррингтон, Женеьев Карр, Хэрри Дэвис, Чарлз Макнайт, Лоренс Майерс, Фредерик Свифт, Карлотта Ли, Борис Айленски – последняя фамилия была не очень-то американской, но она принадлежала не актеру, а композитору. Кто-то из них уже умер, другие обрели известность, третьи остались в тени. Присутствовала в этом списке и бывшая жена Джека. Если бы Джек находился здесь один, он непременно поднялся бы и покинул кинозал, но бросив взгляд на развалившегося в соседнем кресле Делани, который равнодушно смотрел на экран сквозь свои очки, громко чавкая жевательной резинкой, Джек подумал: «Если он способен вынести это, то и я не стану спасаться бегством».

Затем начался фильм, и Джек больше не следил за Делани.

Это была история юноши, влюбившегося в зрелую женщину, хозяйку книжного магазина. В третьей части фильма, уже после украденной полночи, давшей название картине, после стыдливо ушедшей в «затемнение» сцены в подсобном помещении магазина их «грех» перестает быть тайной для окружающих, и тут вспыхивает скандал; женщина подвергается травле; паренек совершает преступление, чтобы раздобыть денег и помочь своей возлюбленной остаться в городе; затем он предстает перед добрым и мудрым судьей, который вправляет ему мозги, объясняя, в чем заключается его истинный долг. За мучительным расставанием героев следует стандартный финал: юноша возвращается к чистой, неиспорченной девушке, все это время хранившей верность своему избраннику.

Банальность сюжета не повлияла на восприятие Джека. Картина захватила его не потому, что он увидел на экране самого себя в возрасте двадцати двух лет (паренек этот казался Джеку таким же далеким и незнакомым, как и другие занятые в фильме актеры), и не потому, что он вновь увидел одетую в наряды ушедшей эпохи красивую женщину, свою бывшую жену, которую сначала любил, потом ненавидел, а благодаря изяществу, точности, достоверности, вносимых Делани в каждую, даже глупейшую сцену, будь то тонкий, идеально выверенный эпизод свидания или сентиментальные сцены, которыми режиссер отдавал дань требованиям кинорынка. Динамичное действие захватывало зрителя, он становился соучастником событий; даже теперь Джек понимал, почему фильм имел такой успех, длительное время не сходил с экранов во всем мире и не устарел сейчас, а сам он усилиями Делани стал кинозвездой.

Глядя на себя, Джек поражался тому, как хорошо он играл. Он был немного староват для этой роли (его герою исполнилось девятнадцать, он только что окончил школу), но ему удалось воссоздать сложный, мучительный процесс превращения юноши в молодого человека. Он был

смешон и жалок, когда это требовалось по сценарию, казалось, постоянно заглядывал внутрь себя и одновременно бежал от себя, создавая точный, живой образ.

Джек даже удивился, увидев, что тогда ему удалось подняться до такого уровня. Потом он столь же удачно сыграл у Делани еще две роли, но работу над ними вытеснило из памяти гораздо менее плодотворное сотрудничество с другими режиссерами. «Украденная полночь» была лучшей картиной Делани, созданной им в период расцвета его творческих сил, когда он верил в себя и безжалостно презирал все в мире, кроме собственного таланта; тогда Делани еще не начал повторяться, а многочисленные разводы, большие деньги, интервью и тягбы с налоговым управлением еще не отвлекали его от творчества.

К началу кульминационного эпизода, когда юноша появлялся из вечерней мглы на перроне вокзала, мрачном и малолюдном из-за непрекращающегося дождя, чтобы посадить на поезд любимую женщину, навсегда уходящую из его жизни, Джек уже забыл о том, что находится в чужом городе, на расстоянии пяти тысяч миль и двадцати лет жизни от погребенной в его сознании девственной Америки – провинциальных вокзалов, гудков, звучащих над распаханными вокруг ферм полями, столовых с освещенными окнами, темнокожих носильщиков, потрепанных такси, водители которых, покуривая в темноте сигареты, низкими, хриплыми голосами треплются о бейсболе, женщинах и тяготах Депрессии.

Попав в плен грустной истории, которая воспроизводилась на экране с исцарапанной старой ленты, дававшей ненадежный звук, Джек следил за любовниками, медленно бредущими по платформе, то исчезающими во тьме, то снова попадающими под свет фонарей; прислушиваясь к обрывочным прощальным фразам, он забывал о том, что видел перед собой всего лишь собственную актерскую работу, и о том, что женщина, которая в эти последние горькие минуты неуверенно шагала по платформе, была когда-то его неверной женой. К нему на какой-то миг вернулись молодость и ощущение тяжелой утраты, он вновь испытал сильное физическое влечение к этой живой и цветущей женщине, то исчезающей в темноте, то снова выходящей из нее, влечение, которое он считал навеки убитым предательством, ссорами, бракоразводным процессом.

Когда в зале стало светло, Джек не шелохнулся. Потом потрянул головой, пытаясь прогнать воспоминания. Он повернулся к Делани, который сидел, прижав ладони к вискам. Вид у режиссера был горестный, безутешный, как у опытного кетчера, пропустившего легкий мяч.

– Морис, – искренне, с нежностью и любовью произнес Джек, – ты – великий человек.

Делани не двигался, он словно не слышал Джека. Затем снял свои массивные очки в металлической оправе и уставился на этот символ уязвленного самолюбия, поправанного тщеславия.

– Я был великим человеком, – глухо сказал он. – Пойдем отсюда.

Деспьер ждал их на тротуаре возле кинотеатра. Заметив Джека и Делани среди последних выходящих из зала зрителей, он поспешил к ним; лицо его светилось радостью.

– Я видел, Maestro. Это великолепно. Я чуть не пустил слезу.

Он обнял Делани и расцеловал его в обе щеки. Иногда Деспьер забавлялся тем, что вел себя как типичный француз из театральной комедии. Трое мужчин привлекли внимание компании, только что покинувшей зал.

– Готова поспорить, это он, – услышал Джек голос девушки.

– Ты обязан рассказать мне, что испытывал, следя за тем, как один восхитительный эпизод сменяется другим, – сказал Деспьер.

– Ничего я тебе не скажу. – Делани вырвался из объятий Деспьера. – Не желаю об этом говорить. Я проголодался.

Он поискал глазами такси.

– Делани, – произнес Деспьер, – ты должен научиться быть более любезным со своими поклонниками из пишущей братии.

Повернувшись к Джеку, он с нежностью взял его за руки.

– Maestro, я и не подозревал, что ты был так красив в молодости. Девушки, верно, просто сходили с ума.

Помимо французского, Деспьер владел итальянским, английским, немецким и испанским; встречаясь с Джеком в Италии, он отдавал дань местной традиции и называл его Dottore. Во Франции вместо Dottore он говорил Monsieur le Ministre, подсмеиваясь над дипломатическим статусом Джека.

– Неужели тебя там не переполняла гордость? – Деспьер указал рукой на кинотеатр.

– Переполняла, – согласился Джек.

– Тебе не хочется об этом говорить? – удивился Деспьер.

– Да, не хочется.

– Надо же. На твоём месте я расхаживал бы по Риму с плакатами на спине и груди: «Я – тот самый Джеймс Роял».

Деспьер был подвижен и худошав; костюм с ватными плечами, сшитый в Риме, висел на его угловатой фигуре. Крупные серые глаза блестели на болезненно-желтом, но всегда оживленном лице француза. У него был узкий насмешливый рот и короткие черные волосы, зачесанные назад по моде, родившейся в ресторанчиках Сен-Жермен-де-Пре. Определить его возраст казалось делом сложным. Джек познакомился с ним более десяти лет назад; за это время Деспьер почти не изменился. Джек догадывался, что Деспьеру около сорока лет. Он долгое время жил в Америке, и хотя Жан-Батист говорил с явно французским акцентом, его речь изобиловала американским сленгом, употребляемым всегда к месту. В годы войны он служил во французских ВВС, перед капитуляцией бежал в Англию, был штурманом в эскадрилье «Галифакс», воевавшей в России. На Запад он вернулся с больным желудком и с тех пор везде искал лекарство от язвы, не требующее отказа от алкоголя. Деспьер был преуспевающим журналистом и работал в одном из лучших французских журналов, но не вылезал из долгов – отчасти из-за присущего ему небрежного отношения к деньгам, отчасти из-за длительных периодов, когда ничего не писал. Деспьер знал, где находится сейчас тот или иной политический деятель, где расположены лучшие рестораны любого города; знал он и самых известных фото-моделей. Он везде был желанным гостем, его снабжали секретной информацией министры, высшие чиновники и кинозвезды, а он расплачивался своим остроумием и кипучей энергией. У него было на удивление много врагов.

Они сели в такси. Делани не спросил, где они хотят пообедать; он лишь пробурчал название ресторана и забился в угол. Всю дорогу он молчал, не слушая Джека и Деспьера.

– Хаос начинается наверху, – произнес Деспьер, сидя за столиком в тихом зале. – В большом казенном доме с аллегорическими фигурами Разума и Правосудия. Где еще вы отыщете глупца, которому может прийти в голову напасть на Египет, не располагая запасом нефти?

Он торжествующе усмехнулся.

– Уже на второй день после начала боевых действий пришлось сократить потребление бензина. Надо же умудриться выбрать такое безмозглое правительство! Подобного головотяпства не допустил бы и Людовик Шестнадцатый, самый бездарный из французских королей.

Деспьер пожал плечами.

– Вы даже не представляете, – продолжал он, – какое удовольствие – сидеть в ресторане, не боясь, что кто-нибудь швырнет в зал бомбу.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Делани.

Подавленный и неразговорчивый, он потягивал вино и, рассеянно роняя на скатерть хлебные крошки, ковырял лежащие на тарелке pasta¹¹.

¹¹ Макароны (*ит.*).

– За последние пять лет, – заметил Деспьер, с аппетитом поглощая пищу, – я побывал на Кипре, в Корее, Индокитае, Марокко, Алжире, Тунисе, Израиле, Египте. Я – врач «скорой помощи». Мчусь туда, где несчастье.

– Когда-нибудь тебя убьют, – сказал Делани.

– Maestro, – отозвался Деспьер, – твой шарм заключается в безжалостности.

Он слегка улыбнулся, обнажив здоровые, крупные, слегка пожелтевшие от никотина зубы.

– Шесть месяцев назад в Филиппвилле во время показа мод три араба открыли огонь из автоматов по манекенщицам. – Деспьер налил себе вина в бокал. – Восемь прелестных девушек демонстрировали последние парижские модели. Вот как нынче несут народам свободу.

– Какого черта они отправились в Филиппвилл? – спросил Делани.

– Это было послание Парижа, адресованное нашим заморским владениям, – сказал Деспьер. – Одежда на все случаи жизни. Для раута, осады, митинга, парада, приема... Арабы промчались в открытом такси мимо входа в отель и исчезли. Представьте, какую душу надо иметь, чтобы стрелять по красивейшим девушкам.

– Они попали в кого-нибудь из них?

– Нет. Зато убили шестерых людей, сидевших в соседнем кафе.

– Ты присутствовал при этом? – спросил Делани.

– Да. Я лежал на полу возле столика, – с улыбкой поведал Деспьер. – Я научился быстро бросаться на пол и не удивился бы, узнав, что мне принадлежит мировой рекорд в этом виде спорта. Я также находился в Касабланке, когда толпа облила двух чем-то не угодивших ей мужчин бензином и подожгла их. Мне платят большие деньги за умение оказываться в том самом месте, где современная цивилизация выражает себя наиболее типично.

Подняв бокал, он принялся критически разглядывать его.

– Люблю итальянское вино. Оно такое простое. Натуральное. Не пытается казаться бархатным в отличие от французского. А еще я люблю краски Италии. Когда однажды летом я впервые увидел, какого цвета римские здания, я понял, что мечтал попасть в этот город всю жизнь, хотя тогда мне было всего семнадцать лет. Я влюбился в этот город с первого взгляда. Мы с отцом въехали в Рим через Фламиниевы ворота и оказались на пьядца дель Пополо. На площади находились сотни людей. Мой отец остановил машину и повел меня в кафе. За кассовым аппаратом сидела самая хорошенькая девушка в мире. Немедленно влюбившись в эту девушку, я сказал себе: «Как замечательно жить здесь, в окружении итальянцев. Я буду до самой смерти приходить сюда и пить тут кофе. Я нашел свой город». Есть города, которые твоя душа принимает мгновенно. Я прав, Dottore?

Он повернулся к Джеку.

– Да, – согласился Джек, вспомнив свой первый приезд в Париж; город покорила Джека, и в конце концов, спустя много лет, он избрал его своим местом жительства.

– Есть люди, – согласился Деспьер, – которые могут жить полноценно лишь в столицах чужих стран. Я – один из них. Подозреваю, что и ты, Dottore, тоже. Мы – счастливые беглецы.

Он покосился на Делани, настроение которого немного улучшилось за время монолога, произнесенного французом.

– Maestro – человек другого типа. Он – стопроцентный американец. Он постоянно чем-то озабочен и дискомфортно чувствует себя в обществе людей иного склада.

– Чушь, – сказал Делани, однако на лице его появилась улыбка.

– Его реакция весьма характерна, – заметил Деспьер. – Кстати, о городах. Я бы мог быть счастлив в Нью-Йорке. Хотя, на мой взгляд, любой американец, живущий там, уродует свою душу. Нам требуется, – он сделал плавный жест, – смена среды обитания. Город – это университет для подготовленных студентов; полный цикл обучения длится четыре-пять лет. Затем – переезд на новое место и периодические возвращения в старые: это позволит освежать приоб-

ретенные ранее знания, а также встречаться с друзьями. В Париже, – сказал он, усмехаясь, – я постигаю искусство комедии, интриги и камуфляжа, а также обретаю умение мириться с чувством безысходности. В Риме изучаю вина, любовь, архитектуру и атеизм. В старости я поселюсь на ферме возле Фраскати, буду потягивать белое вино и каждый раз, чувствуя приближение смерти, приезжать в этот город, чтобы выпить чашечку кофе на пьядца дель Пополо...

Он удивленно посмотрел на Джека.

– Что случилось, Dottore?

Джек сидел, склонив голову над тарелкой; он прижимал платок к носу и немного покачивался из стороны в сторону. Платок был в крови.

– Ничего страшного. Увидимся завтра. – Он поднялся и поморгал; глаза его видели плохо. Попытался улыбнуться. – Извините. Пожалуй, мне лучше отправиться в отель.

– Я тебя провожу. – Деспьер вскочил на ноги.

– Не надо. Сам доберусь.

Джека тошнило, он боялся, что его вырвет, и двигался неуверенно. Его лицо покрылось испариной, он не ответил обратившемуся к нему старшему официанту. Выйдя из ресторана, он глубоко вдохнул ночной воздух.

«Я же никогда не болею, – испуганно подумал он, – что со мной?» Его охватило предчувствие перемен, холодная волна прокатилась вдоль тела; он испытывал необъяснимую робость, страх. Джек прижался затылком к холодному камню; окружающий мир казался ему прозрачным, нереальным; события, слова и люди представлялись Джеку в виде чисел, над ровными колоннами которых непрерывно совершали операции невидимые, бесшумные счетные машины. «Будь я пьян, – подумал Джек, – тогда можно было бы рассчитывать на то, что к утру этот кошмар отступит». Но он выпил лишь полбокала слабого вина. «Где сейчас ударивший меня человек?» «Arrivederci, Roma». Джек вспомнил насмешливый пьяный голос мужчины. *Когда тонула «Дория».*

Кровь остановилась так же внезапно, как потекла. Прохладный вечерний воздух возвращал Джеку силы. Тошнота и головокружение отступили, остались только усталость и смутный страх; глубоко дыша, он напряг зрение, чтобы убедить себя в том, что сейчас не расстается с любимой на платформе вокзала в дождливый вечер.

Джек зашагал в сторону отеля, принуждая себя переставлять ноги, стараясь не споткнуться о бордюрный камень и не угодить под колеса машины, с трудом решая простейший вопрос – купить ему газету в освещенном киоске или не делать этого.

Он услышал за спиной цокот каблучков, женщина обогнала его. Джек узнал шлюхонемку из бара. Гамбург, вспомнил он, крупные красноватые руки. Он с бесстыдством подумал о том, что могли делать эти руки сегодня вечером. На ногах у женщины были красные туфли. Она шла быстро и казалась Джеку рассерженной; похоже, вечер принес ей разочарование. Еще одно число в столбике.

Он вошел в свой отель. В баре работал радиоприемник: передавали какую-то песню. Джек слышал ее впервые. Ему почудилось, что обувь, стоящая возле дверей на полу длинных темноватых коридоров, – это все, что оставили после себя обитатели номеров, казненные сегодня в час коктейля.

Он прошел мимо двадцати дверей. Из номеров не доносилось ни звука. Людям, замкнувшимся в них, не приходилось менять фамилии, их жизни были цельными; они спали, не разглашая тайны своего местонахождения. Красных женских туфель в коридоре не было. Джек убедился в этом.

Он забыл, в каком номере живет, и несколько секунд простоял в коридоре без движения; ему казалось, что он никогда не сумеет найти свою дверь. Ищи комнату, где в шкафу висит пиджак с пятнами крови. Нет, его чистит горничная.

И тут его осенило. Джек взглянул на ключ, прикрепленный к большой пластмассовой бирке с номером 654. Гордясь своей сообразительностью, он уверенно зашагал по коридору, не задевая стен. Перед номером 654 Джек остановился. Ему казалось, что он здесь впервые, что он очутился перед чужой дверью, на которую повесили его номер, похоже, пока он отсутствовал, тут произошли странные, зловещие перемены. Ночные портъе все перепутали. Где находится другая дверь? В каком городе? В Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Лондоне? Номер 654 источал запахи лаврового дерева и эвкалипта, тропиков и целебных трав. Беверли-Хиллз, вспомнил Джек, город Делани, наказание Делани, туман, тянущийся с океана, поздний вечер, девушка в машине с откидным верхом, на заднем сиденье – непрерывно лающая собака с хищно оскаленными клыками, символами калифорнийской любви.

Он вставил ключ в скважину замка и вошел в комнату – холостяцкую, без следов присутствия детей, пахнущую лавровым деревом и эвкалиптом; он явно никогда здесь не бывал. Отражение светильника на стекле, закрывавшем гравюру с видом Рима, разрезо средневековый город на неупорядоченные фрагменты из кусков каменных стен с бойницами и остроконечными башенками; если бы возводившие их люди воскресли, сейчас они вряд ли узнали бы творения своих рук.

Джек шагнул в ванную комнату, увидел свое лицо сначала в зеркале, висящем над одной раковиной, затем – в зеркале, расположенном над второй раковиной. «Одна – для меня, вторая – для кого-то другого». Он с трудом узнал себя, как зрители, выходявшие из кинотеатра. На языке у него крутилась собственная фамилия. «Готова поспорить, это он», – мысленно повторил Джек слова девушки.

Он прошел в спальню и посмотрел на фотографию жены и детей, сделанную в Альпах: они улыбались, стоя на залитом солнечным светом склоне. Сев на кровать, Джек взглянул на телефон; он испытал соблазн поднять трубку и произнести: «Я прилечу домой ближайшим рейсом». Но он не коснулся аппарата.

Раздевшись, он аккуратно повесил свою одежду (те, кто рекламирует чемоданы, не мнущие костюмы, – бессовестные обманщики). Лежа в комнате под простыней, он говорил себе: «Утром все будет хорошо».

Джек вспомнил красные туфли немки и ее красные руки, одинаково умело пересчитывающие лиры и ласкающие чьи-то тела. Потом он заснул.

Глава 4

Бык ревет в своем загоне, но президент в черной маске и берберской шляпе выходит на арену и бракует животное. Зрители пытаются облить президента бензином. Почему-то очень важно выманить быка из загона, не позволив ему ступить на арену. Двое служителей, оба во всем белом, по освещенному свечами коридору ведут в загон белую корову. Ей страшно, она упирается. Служители заставляют ее пройти вперед и предстать перед быком в наиболее соблазнительном ракурсе. Бык продолжает реветь. Белая корова жалобно мычит сначала на одной ноте, потом срывается на другую, более высокую; она мотает головой из стороны в сторону. Избранный по всем правилам президент в черном костюме, ничем не вооруженный, открывает железную дверь, за которой находится бык. Разъяренный зверь с широко расставленными рогами выходит из загона. Пена, бурлящая вода, корабль, терпящий бедствие, гребень волны, стремительный отлив. Первый Служитель, сначала насаженный на рога, затем растоптанный копытами; его облачение потеряло свою белизну.

Снова в царстве животных. Бык разглядывает белую, жалобно мычашую корову. Он делает выбор между убийством и любовью; сблизив четыре копыта, он вонзает рога в белый бок коровы, столь соблазнительный при иных обстоятельствах. Корова падает, она уже не белая. Ее мольбам приходит конец. Бык стоит возле нее, замечтавшись под стеклянным канделябром.

Снова мир людей. Второй Служитель, тоже в белом, бежит по коридору, мимо бокса, где я прячусь за запертой железной дверью возле отвернувшегося от меня человека, чье имя крутится у меня на языке.

Служитель сломя голову несется по насыпанному в коридоре песку; возникающие при этом звуки напоминают те, что издает медная тарелка, когда по ней бьют металлической метелкой. Из глотки Второго Служителя вырывается вопль. Он прячется в соседнем боксе и, тяжело дыша, запирает дверь. Бык трусцой подбегает к двери и смотрит на нее вполне миролюбиво. Затем он вышибает дверь. Из бокса доносится громкий крик. Бык совершает то, к чему его готовили всю жизнь.

Второй Служитель становится безмолвным, как Первый и белая корова.

Бык снова в полутемном коридоре, он принюхивается к чему-то, стоя у двери, за которой возле отвернувшегося от меня человека скрываюсь я. Затаив дыхание, наблюдаю за тем, что происходит по обе стороны от запертой двери. Мой сосед по-прежнему неподвижен. Бык решает, что обувь, выставленная у бокса, не представляет интереса. Но мой сосед, похоже, исчерпал лимит молчания и неподвижности. Шевельнувшись, он вздыхает, издает какое-то бульканье, затем стон. Я в ярости тыкаю его пальцем в бок между четвертым и пятым ребром. Бык возвращается к двери, почуяв близость людей. Он испытывает прочность двери, которая дрожит, но не поддается. Бык снова и снова бьет ее рогами, летят искры, темп ударов нарастает, грохот становится непереносимым. Я прижимаюсь к железной двери; та дрожит при каждом ударе. Незнакомец сидит на соломе спиной ко мне.

Дверь не поддается.

Бык отступает, обдумывая свой следующий шаг.

Затем он начинает прыгать вверх, словно лев; с каждым следующим прыжком его копыта взлетают все выше и выше, наконец ему удается перекинуть их через верхнюю кромку двери. Он виснет, заполнив собой просвет между дверью и крышей. Потом смотрит на меня и на моего соседа, который разглядывает заднюю стену бокса.

Бык задумчиво наблюдает за нами своими добрыми печальными глазами; я понимаю, что сейчас его надо ошарашить, сбить с толку песней, танцем или смехом. Я выхожу на середину бокса, как на сцену; бык заплатил за свое место и заслуживает отменного зрелища. Я начинаю петь и плясать: отбиваю чечетку, делаю антраша, исполняю танец маленьких лебедей;

пот заливает глаза, я имитирую голосом барабан, скрипку, французский рожок, треугольник. Бык, словно зритель, сидящий на балконе в первом ряду, смотрит с интересом, замороженно, его рога касаются потолка, передние копыта перекинута через верхнюю кромку двери.

Трижды спев «Провожая домой мою крошку», я чувствую, что мой сосед повернулся у меня за спиной, он больше не прячет своего лица. Я хочу увидеть его, сказать ему: «Друг, нельзя отворачиваться, когда приходит смерть» – и на мгновение отвожу взгляд от спокойных, внимательных глаз быка, чтобы посмотреть на лицо незнакомца. И тут бык делает движение, дверь грохочет...

Вот что снится ночью в Риме.

Джек проснулся. В комнате было тихо, темно. Мягко шелестели шторы, раскачиваемые слабым ветерком.

Он лежал под простыней, ускользнув от гибели, весь в холодном поту. Джеку казалось, что если бы он проснулся чуть позже, то увидел бы лицо своего соседа, и оно оказалось бы лицом того пьяного, который ударил его. Этот человек спал сейчас где-то в Риме; он, вероятно, улыбался во сне, гордясь своим поступком.

«Почему быки? – подумал Джек. – Я три года не был в Испании».

Он сел в кровати, включил свет, посмотрел на часы, стоящие на столе. Они показывали четыре часа пятнадцать минут. Джек потянулся за сигаретой, закурил. Он редко курил и уж, во всяком случае, много лет не курил посреди ночи, но сейчас ему требовалось чем-то занять руки. Зажигая спичку, он удивился – они не дрожали.

Думая о своем сне, Джек опустил босые ноги на коврик; смерть еще бродила где-то рядом. «На этот раз я вырвался из ее объятий. В следующий раз она не отпустит меня».

Рогатый лев, вспомнил он, белая корова.

Смерть проникла в комнату. Не очень-то приятно быть в ее обществе, когда на часах четыре пятнадцать, а ты один в номере; сигарета – неважное средство защиты. Он взглянул на телефон. Не позвонить ли в Париж жене? Но что он ей скажет? «Мне снился страшный сон. Мама, мама! Лежа в римской колыбельке, я видел страшный сон; следующий раз рога вонзятся в меня».

Джек представил себе удивление итальянских телефонисток, высокий раздраженный голос парижского оператора, тревожный, прерывистый звонок, раздающийся в квартире на набережной, свою жену, поднимающуюся с кровати и бегущую в холл, где стоит аппарат; она испугана, в окнах едва брезжит рассвет. Он раздумал звонить.

Джек посмотрел на смятую постель. Нет, уснуть не удастся.

Уолтер Башелл, вспомнил он, Кэррингтон, Карр, Макнайт, Майерс, Дэвис, Свифт, Айленски, Карлотта Ли. Фильм заставил его вспомнить много забытых имен; он слышал голоса, видел людей, которые умерли, достигли вершин славы, потерпели неудачу, исчезли из виду.

Ночной Караульный с исцарапанной звуковой дорожки шепотом зачитывает поименный список.

Убитые, пропавшие без вести, раненые, годные к службе – все в форме, при орденах и медалях. Одна звездочка с полоской, целлулоидный крест, учтенный чек, значок десантника, железный веночек. Первый корпус Эндрюса (или Второй? а может, Третий? или даже Девятый?), иногда называемый Королевской пехотой, оставшиеся в живых участники переправы у Лос-Анджелеса, стоящие в шеренге на плацу.

Тут все пропавшие без вести.

Прежде – герои, те, кто достиг Вершины...

Кэррингтон, в черном костюме, при черном галстуке, умудренный жизненным опытом, похожий на судью. Несколько лет назад умер в Берлине во время съемок (как сообщали газеты,

студии его кончина обошлась в восемнадцать незапланированных съемочных дней и 750 000 долларов). Высокий, велеречивый, представительный седовласый человек с лицом римлянина, любимец женщин, всю жизнь боровшийся со страстью к спиртному, любовник самых знаменитых красавиц; он умер в гостиничном номере на руках монтажницы, произнеся перед смертью имя девушки, которую любил, когда ему было двадцать лет.

Макнайт, маленький ипохондрик, оживавший в гостиницах и бассейнах. Погиб в годы войны под гусеницами вражеского танка. Когда снималась «Украденная полночь», ему давали эпизодические роли; он пытался подражать Кэри Гранту, на которого был немного похож. «У меня комедийный дар, – твердил Макнайт; он повторял это, настаивал, умолял. – В двадцатые годы, когда люди умели смеяться, я был бы великим актером». Для звезды он не вышел ростом; однажды, во время съемок вестерна в «Юниверсал», он упал с лошади и едва не умер. Но судьба хранила не вовремя родившегося комедийного актера для гусениц танка.

Лоренс Майерс тоже умер. Бледный, заросший, с куполообразным черепом и дрожащими, как у восьмидесятилетнего старика, руками. Он отчаянно боролся с Делани, который внес изменения едва ли не в каждую строку написанного Майерсом сценария. Лоренс был женат на патологически ревнивой женщине; однажды, когда он не успел вернуться домой к семи часам вечера, она отрезала ножом рукава мужнина костюма. У худого, изможденного Майерса был туберкулез. Он вечно проматывал все свои деньги; умер Майерс в возрасте тридцати трех лет, поднявшись с больничной койки, чтобы пойти на обсуждение сценария музыкальной комедии в «Метро-Голдвин-Майер».

Это были умершие, точнее, те, о чьей смерти Джек знал; те, кого он помнил; сюда не входили рабочие, секретарши, монтажеры, рекламные агенты, охранники, машинистки, официантки студийных кафе; когда снимался фильм, все они были бодрые, энергичные, строили планы на будущее; с помощью таблиц для расчета ожидаемых потерь Джеку не составило бы труда определить процент умерших за истекшие годы.

Но кое-кто остался в живых...

В этом списке первой идет Карлотта...

«Нет уж, к этому я возвращаться не стану», – подумал Джек, сидя на кровати с сигаретой во рту. Стремительно, как человек, сумевший обрести цель, Джек поднялся и, накинув на плечи одеяло, пошел босиком прочь из спальни, подальше от сновидений, незваных призраков. Включив в гостиной люстру, настольные лампы и бра, он взял розовую папку со сценарием, оставленную Делани.

Джек удобно устроился на диване, слегка поеживаясь под одеялом, и раскрыл папку.

Наплыв после титров.

Четырехмоторный самолет приземляется в римском аэропорту Чампино. Недавно прошел дождь, взлетно-посадочная полоса еще не просохла.

Авиалайнер подруливает к месту остановки, рабочие подгоняют трап.

Дверь самолета открывается, и из него начинают выходить пассажиры. Среди них – Роберт Джонсон.

Он шагает чуть в стороне от основной группы. Он словно кого-то высматривает. Он приближается к камере, и становится видно, что Джонсон – мужчина лет тридцати пяти, очень красивый, у него умные, пронзительные глаза.

Джек вздохнул, читая банальное начало; он снова, преодолевая боль, вернулся мыслями к кошмару, попытался разобраться в его символике. Бык, несущий смерть, мгновенно умиротворяемый песней и танцем; клоунские выходки заставляют его забыть о зловещих намерениях. Что это? Публика? Иррациональная, безжалостная, жестокая и послушная, пока ее забавляют плясками, шутовством, пением. Джек помнил свои ощущения перед премьерой, страх, который он испытывал, сидя среди зрителей на просмотрах фильмов с его участием; рот пересыхал,

на коже появлялась испарина, в локтях и коленях покалывало. Может, его сон объяснялся тем, что хоть и на две недели, но он все же возвращался в свой прежний мир анонимным голосом, звучащим с экрана?

«А кто этот отвернувшийся человек, парализованный страхом враг, которому грозит та же опасность, что и мне?» А когда ты поворачиваешься, чтобы увидеть наконец его лицо, лицо страха, в момент узнавания дверь не выдерживает...

Джек устало тряхнул головой. «Завтра куплю сонник, – подумал он, подсмеиваясь над самим собой. – Написанный на итальянском языке. Я прочту в нем, что мне не следует путешествовать по воде, воздуху или суше, или узнаю о том, что мой дядюшка, о котором я никогда не слышал, собирается умереть в Аргентине и оставить мне большое ранчо.

А может, это предостережение, совет убраться отсюда побыстрее, плюнуть на пять тысяч долларов, бежать от Делани, от своей молодости, не ворошить канувшее в Лету? Может, все так просто?»

Но Джек добросовестно продолжил чтение, испытывая жалость ко всем живым существам, включая самого себя, ищущим в этом невеселом деле славы, денег, забвения или развлечения. Добравшись до последней страницы, он бросил рукопись на пол и встал, чувствуя себя разбитым. Джек подошел к окну. Распахнул его и без радости увидел холодный зеленоватый рассвет, забрезживший над узкими улицами Рима. Господи, подумал он, измученный воспоминаниями и предчувствиями, скорей бы закончились эти две недели.

Глава 5

Делани, Джек и секретарь режиссера смотрели фильм в небольшом затемненном зале. Делани заехал за Джеком в семь тридцать утра. Пристально, с беспокойством всматриваясь в покрасневшие глаза Джека, Морис поинтересовался его физическим состоянием; Джек солгал, что чувствует себя хорошо.

– Отлично. – Делани довольно хмыкнул. – Мы можем приступить к работе.

Поскольку режиссер хотел скрыть свои намерения от Стайлза, актера, чей голос дублировал Джек, они отправились не на ту студию, где снимался фильм, а на другую. Делани нацепил темные очки и опустил кепку на глаза, желая остаться неузнаваемым, но все проходившие мимо него люди говорили ему: «Buongiorno, Signor Delaney»¹². Он не представил Джека никому, даже своей секретарше – стройной женщине средних лет, сидевшей в зале позади мужчин.

Когда на экране замелькали эпизоды картины, Джек увидел, что, несмотря на вчерашние жалобы, Морис получает удовольствие, глядя на отснятый материал. Он издавал возгласы одобрения, три раза из его горла вырывался короткий отрывистый смех, во время кульминационных моментов двух сцен Делани принимался полубессознательно кивать головой. Лишь когда Делани видел на экране Стайлза, страдания режиссера становились заметными. Он начинал ерзать в кресле, хмурил брови, опускал голову, словно защищая глаза от удара.

– Сукин сын, – бормотал Делани, – пьянь несчастная.

Джеку фильм показался не намного лучше сценария.

Местами встречались режиссерские находки, кое-где великолепно играли актеры, особенно Барзелли, исполнительница главной роли, но общее впечатление было тягостным, фильм казался безжизненным; возникало гнетущее ощущение, что всем участникам съемки успели надоесть бесчисленные дубли. Стайлз, как и говорил Делани, выглядел неплохо, но его язык, если он не заплетался после попойки, был деревянным, скованным; он убивал те скудные чувства и мысли, что присутствовали в сценарии.

– Проклятые итальянцы, – сказал Делани. – Обрадовались выгодной сделке. Получили Стайлза за половину его прежнего гонорара и, даже не выяснив, почему он согласился, подмахнули контракт. Лучше бы он не раскрывал рта! – вырвалось у Делани, когда Стайлз говорил девушке, что он любит ее, но считает, что ей следует расстаться с ним.

Просмотр закончился внезапно, на середине эпизода. Зажегся свет, и Делани повернулся к Джеку:

– Ну, что скажешь?

– Мне понятно, почему ты хочешь дублировать голос Стайлза.

– Сукин сын, – почти машинально сказал Делани. – Для него и цирроз печени – слишком слабое наказание. Как все остальное?

– Ну... – неуверенно начал Джек.

Он не знал, насколько искренним мог быть с Делани после более чем десятилетнего перерыва в дружбе. В прежние времена Делани любую свою работу выносил на суд Джека, используя друга как критика. Тем самым Джек оказывал неоценимую услугу Делани, окруженному корыстными льстецами. Он был по-юношески бескомпромиссен, его вкус отличался строгостью, он мгновенно распознавал фальшь и претенциозность; Делани иногда называл безжалостного в своем прямодушии Джека высокомерным отроком, но прислушивался к его замечаниям и чаще всего переделывал забракованный другой материал. Делани оказывал аналогичную помощь Джеку, не щадя его в тех случаях, когда чувствовал, что Джек не реализует

¹² Добрый день, синьор Делани (*ит.*).

свои возможности до конца. За три года они сделали три картины; их свободное и плодотворное сотрудничество не было закреплено юридически. Эти фильмы неизменно оказывались в числе лучших, они создали вокруг имени Делани легенду, и отчасти он до сих пор эксплуатировал ее. Морису в дальнейшем не удавалось приблизиться к тому уровню. У них с Джеком была в ходу язвительная фраза, с помощью которой они выражали неодобрение своей или чужой продукции, когда улавливали в ней слащавость, фальшь или псевдоглубину – пороки, охотно прощавшиеся в коммерциализированном Голливуде тех дней. «Это ужасно оригинально», – говорили они, произнося слова с подчеркнутой медлительностью. Крайнюю степень презрения они выражали так: «Это ужасно, ужасно оригинально, мой дорогой...»

Теперь, когда Джек увидел продемонстрированный Делани фильм, ему захотелось произнести: «Это ужасно, ужасно оригинально, мой дорогой...» Но вспомнив ту неуверенность, что звучала вчера в голосе Делани, когда они ехали в машине, ту отчаянную мольбу о помощи, что скрывалась за словами режиссера, Джек решил не спешить с серьезной критикой.

– Сценарий слабый, – начал он.

– Не то слово! – со злостью произнес Делани. – Ты абсолютно прав.

– Кто автор? – спросил Джек.

– Шугерман! – Делани выплюнул эту фамилию так, словно она жгла ему язык.

– Удивительно.

Шугерман написал за последние пятнадцать лет не то три, не то четыре пьесы, но в материале, прочитанном Джеком ночью, не осталось и следа того таланта, печатью которого были отмечены прежние работы драматурга.

– Этот негодяй прилетел сюда на три месяца, – обвиняющим тоном продолжал Делани, – и принялся шататься по музеям и кафе в обществе вечно пьяных немых художников и писателей, которыми кишит город, заявляя всем и каждому, что я – тупой сукин сын, хотя сам не сочинил ни единой сцены, которую я мог бы отснять без доработки, и в результате я переписал заново весь сценарий. Драматурги! Старая история. Вот что такое Шугерман.

– Понимаю, – сухо произнес Джек.

После памятного первого успеха Делани воевал со всеми своими сценаристами и в конце концов переделывал рукописи. Он заслужил в Голливуде репутацию режиссера, которого губила тяга к литературной работе; продюсеры, хотевшие нанять Мориса, говорили его агенту: «Я бы взял его, если бы мне удалось вырвать из рук Делани перо». Пока что сделать это не удалось никому.

– Материал пока сырой. – Делани указал рукой на экран. – Но я его доведу. Если итальянцы не угробят меня прежде. – Он поднялся. – Джек, останься тут и посмотри ленту еще пару раз, чтобы лучше познакомиться с ней. Может быть, тебе стоит днем перечитать сценарий. А завтра, в семь тридцать, начнем дублирование.

– Хорошо.

– Я организовал для тебя встречу с Деспьером, – сказал Делани, надевая темные очки. – В кафе «Дони». В десять минут первого. Он хочет получить от тебя информацию для своей статьи. О моих былых победах. – Делани натянуто улыбнулся: – Будь другом, соври ему немного.

– Не бойся. Я скажу, что ты – Станиславский и Микеланджело в одном лице.

Делани засмеялся и похлопал Джека по плечу:

– Гвидо будет ждать тебя в автомобиле. К восьми вечера ты приглашен на коктейль. Водитель знает адрес. Чем еще могу быть полезен?

– Спасибо, пока ничем.

Делани снова дружески, покровительственно похлопал Джека по плечу.

– Тогда встретимся в восемь. Идемте, Хильда, – обратился он к секретарше. Некрасивая женщина в поношенном платье покорно встала и вслед за Делани вышла из комнаты.

Джек глубоко вздохнул, с отвращением посмотрел на экран, завидуя Шугерману, который три месяца провел в музеях и кафе, вдали от Америки. Затем он нажал кнопку, в зале стало темно, и перед ним снова поплыли неубедительные сцены, не дотягивавшие до трагедийного звучания.

Глядя на человека, чей голос ему предстояло дублировать, Джек с улыбкой подумал о свидании с Деспьером, которое устроил ему Делани. Пригласить Джека в Рим режиссера заставило вовсе не стремление улучшить фильм или оказать услугу старому другу, хотя и эти мотивы присутствовали. Джек был для Делани верным другом, помнившим его лучшие дни; Морис хотел, чтобы они нашли отражение в статье Деспьера. Делани, умевший казаться прямодушным, на самом деле всегда был хитрецом. За истекшие годы он, конечно, не изменился. Он ловко манипулировал людьми, преследуя собственные цели и ни в чем не полагаясь на волю случая. Но разгадав уловку Делани и поняв, что Морис был вынужден прибегнуть к ней, Джек испытал к Морису одну лишь жалость. Когда они только познакомились, любой газетчик мог написать о Делани, что режиссер насилует мальчиков из церковного хора – Морис и пальцем бы не пошевелил, чтобы заставить журналиста выбросить из статьи хоть строчку. Годы, неудачи...

Пять тысяч долларов, подумал Джек, глядя на красивое и пустое лицо Стайлза. Пять тысяч долларов.

Шагая по виа Венето сквозь праздную полуденную толпу, состоящую из туристов, клерков, киношников и полногрудых девиц, Джек увидел Деспьера, сидящего за маленьким столиком на веранде кафе. Благодаря солнечному теплу всем казалось, что зимой нет места на земле более приятного, чем Рим, – это было написано на лицах прохожих, слышалось в их радостном многоязычном гомоне.

– Садись. – Деспьер коснулся рукой соседнего кресла. – Наслаждайся итальянским солнцем.

Джек сел и, подозвав одного из официантов, раздраженно протискивающегося между людьми с подносом, на котором стояли чашечки с кофе, тонкие бутылочки с кампари и другими винами, заказал вермут.

– Dottore, – сказал Деспьер, – вчера вечером ты меня испугал. У тебя был вид тяжело больного человека.

– Нет, – Джек вспомнил ночь, – все обошлось. Просто я немного устал.

– Ты вообще-то здоров, Dottore?

– Конечно, – ответил Джек.

– На вид ты крепок, как скала. Я бы назвал тебя бессовестным обманщиком, если бы узнал, что на самом деле изнутри ты изъеден болезнями. Другое дело – я. – Деспьер усмехнулся. – Увидев меня, ученые сломя голову бегут в лаборатории, спеша изобрести чудесный эликсир, способный помочь мне. Тебе известно, что я получал инъекции препаратов, изготовленных из плаценты недавно рожавших женщин, а также из мужских сперматозоидов?

– Зачем ты это делал? – недоверчиво спросил Джек.

– Чтобы продлить жизнь. – Деспьер помахал рукой мужчине и светловолосой женщине, проходившим мимо столика. – По-твоему, мне не стоит пытаться продлить жизнь?

– Ну и как, помогает? – поинтересовался Джек.

Деспьер пожал плечами:

– Я жив.

Официант поставил перед Джеком бокал и налил в него вермут. Деспьер помахал рукой двум длинноволосым девушкам, на бледных лицах которых не было следов косметики; они покинули киностудию на час, чтобы перекусить. Похоже, Деспьер знал каждого второго человека, проходившего мимо столика; он приветствовал всех одним и тем же вялым движением руки и живой, насмешливой улыбкой.

– Скажи мне, Dottore, – не вынимая сигареты изо рта и шурясь от дыма, произнес развалившийся в кресле Деспьер, – какое впечатление произвел на тебя шедевр Делани, который ты смотрел сегодня утром?

– Ну, – осторожно начал Джек, – монтаж еще не завершен. Пока рано что-либо говорить.

– Ты хочешь сказать, получилась дрянь. – На лице Деспьера появилось любопытство.

– Вовсе нет, – возразил Джек.

И Делани, и Деспьер были друзьями Джека, и он не считал нужным приносить одного из них в жертву другому ради какой-то журнальной статьи.

– Дай бог, чтобы ты был прав, – заметил Деспьер.

– Что ты имеешь в виду?

Сегодня Джек в обществе Деспьера испытывал неловкость.

– Тебе известно не хуже, чем мне, – наш друг Делани прижат к канатам. Один слабый фильм, и ему не найти работы. Ни в Голливуде, ни в Риме, ни в Перу...

– Я ничего об этом не слышал, – сухо сказал Джек. – Я не слежу за прессой.

– Ах, – ироническим тоном произнес Деспьер, – если бы у меня были такие преданные друзья...

– Слушай, Жан-Батист, что ты напишешь в статье? Ты хочешь его прикончить?

– Я? – Деспьер с наигранным удивлением коснулся рукой груди. – Неужто я слышу человеком, способным на такое?

– Ты слынешь человеком, способным на многое, – заметил Джек. – Что ты собираешься о нем писать?

– Еще не решил. – Деспьер улыбнулся, поддразнивая Джека. – Я бедный и честный газетчик, служащий, как все бедные и честные газетчики, одной лишь правде.

– Каким будет твой материал?

Деспьер пожал плечами:

– Я не намерен петь ему дифирамбы, если ты спрашиваешь об этом. За последние десять лет, как тебе известно, он не сделал ни одной приличной картины, хотя по-прежнему держится так, словно изобрел кинокамеру. Позволь задать тебе один вопрос. Он всегда был таким?

– Каким? – Джек изобразил на лице недоумение.

– Ты меня понял. Высокомерным, нетерпимым по отношению к тем бездарностям, с которыми вынужден работать, обожающим лесть, глухим к критике, считающим дерьмо, которое он создает, шедеврами; никого не уважающим, ревнивым к работе своих коллег, транжирой – когда речь идет о чужих деньгах, не пропускающим ни одной юбки, словно ирландская ассоциация коннозаводчиков выдала ему лицензию на совокупление со всеми хорошенькими дамочками, которые попадутся на пути...

– Достаточно, я уже все понял.

Джек на мгновение вообразил, какой будет вид у Делани, когда кто-нибудь переведет ему с французского эту статью. Надо предупредить Мориса, чтобы держался подальше от Деспьера или попытался найти с ним общий язык. Любопытно, чем Делани удалось пробудить в Деспьере такую антипатию, подумал Джек. Как помочь Морису?

Деспьер насмешливо улыбался; тонкими длинными губами француз сжимал дымящуюся сигарету. Жан-Батист пригладил рукой свои волосы, подстриженные по моде, родившейся в Сен-Жермен-де-Пре; он явно наслаждался бурей, вызванной им в душе Джека, и сейчас походил на бледного, болезненного и чрезвычайно смышленного мальчишку, которому удалось разыграть взрослых.

– Скажи, Dottore, правда я – мерзкий, коварный француз?

– Ты его не знаешь по-настоящему. Он совсем не такой, каким ты его видишь. Или, во всяком случае, ты разглядел только одну сторону. Худшую.

– Хорошо, Джек. Я весь внимание. Расскажи мне о его достоинствах.

Джек заколебался. Он устал, голова была тяжелой после бессонной ночи; Джек ловил на себе взгляды людей, рассматривавших его нос и синеватую припухлость под глазом. Сегодня он не испытывал желания защищать кого-либо. Ему хотелось сказать Деспьеру, что он не в восторге от той легковесной, жалящей язвительности, с какой журналисты представляют своих жертв публике. Джек вспомнил, как Делани, сидя вчера в зале кинотеатра, глухо произнес после сеанса: «Я *был* великим человеком», как потерявший веру в себя Морис попросил его сегодня утром: «Будь другом, соври ему немного».

– Я познакомился с ним, – начал Джек, – еще до войны, в 1937 году. Я был занят в спектакле, который проходил апробацию в Филадельфии...

Он замолчал. Деспьер улыбался двум девушкам, остановившимся перед столиком. Не вставая, Деспьер заговорил с ними по-итальянски. Солнце находилось за их спинами, и Джеку не удавалось разглядеть девушек. Его раздражало, что Деспьер отвлекся, помешав ему продолжить рассказ о Делани. Джек внезапно поднялся.

– Послушай, Жан-Батист, – перебил он француза, – поговорим в другой раз. Ты сейчас занят, и я...

– Нет-нет. – Деспьер протянул руку и сжал плечо Джека. – Немножко терпения. Помни, ты находишься в Риме, а не в Нью-Йорке. *Dolce far niente*¹³. Девушки хотят с тобой познакомиться. Они видели твою картину и восхищены ею. Правда, девушки?

– Какую картину? – глупо спросил Джек.

– «Украденная полночь», – ответил Деспьер. – Мисс Хенкен. Синьорина Ренци.

– Здравствуйте, – неприветливо произнес Джек.

Он слегка передвинулся, чтобы солнце не слепило глаза, и наконец рассмотрел девушек. Джек, не страдавший избытком патриотизма, решил, что наименее привлекательная из них, вероятно, американка. У нее были песочного цвета волосы и сухая кожа; на тонких губах мисс Хенкен играла безрадостная улыбка, которая словно говорила о том, что к своим тридцати годам девушка успела познакомиться со многими городами и мужчинами и везде с ней обошлись плохо. У ее спутницы, молодой итальянки, были живые темные глаза, длинные черные волосы и оливковая кожа. Высокая синьорина Ренци распахнула свое бежевое шерстяное пальто, спасаясь от жары; она застыла перед столиком, и Джек подумал, что она прекрасно сознает, какое воздействие оказывают на проходящих мужчин ее длинные волосы и роскошная фигура. Она часто улыбалась, ее глаза постоянно двигались, девушка оценивающе поглядывала на людей, потягивающих напитки. Иногда она наклоняла голову, и ее волосы свободно свисали набок. Наверняка, подумал Джек, какой-нибудь поклонник сказал ей, что эта маленькая хитрость волнует мужчин, после чего привычка укоренилась. Удлиненное, пышущее здоровьем лицо итальянки показалось Джеку самодовольным и неумным. Эффектная, бездушная самка, с неприязнью подумал он. Отрывистые музыкальные звуки, вылетающие из ее горла, напоминали негромкое пение флейты. Девушка периодически облизывала кончиком языка уголок рта. Джек был уверен, что дома она репетировала перед зеркалом этот трюк, будивший чувственность и таивший в себе некое обещание.

Деспьер придвинул ей кресло, стоящее у соседнего столика; официант принес кресло для блондинки. Они непринужденно сели, и Джеку ничего не оставалось, как опуститься на свое место.

– Тебе есть о чем побеседовать с Фелис, Джек, – заметил Деспьер. – Вы занимаетесь одним делом.

– Которая из них Фелис? – грубовато спросил Джек.

– Я, – сказала блондинка. – Вы разочарованы, да?

Мисс Хенкен выдавила из себя улыбку.

¹³ Сладостное ничегонеделание (*ит.*).

– Она тоже дублирует фильмы, – пояснил Деспьер. – На английском.

– А...

«Знает ли Деспьер, что моя миссия в Риме – тайная, – мелькнуло в голове Джека. – Конечно, знает, – решил он, – просто сегодня Жан-Батист не в духе, он настроен против Делани и хочет насолить ему».

– Я делаю это первый и последний раз в жизни, – заявил Джек, подумав, что Деспьер, наверное, не без какого-то тайного умысла ввел девушек в заблуждение относительно его основной профессии. – Вообще-то я зарабатываю на жизнь подделкой чеков.

– Не будь с девушками таким сердитым, Dottore. Они тебя обожают. Верно, девушки?

– Мистер Роял, – сказала итальянка по-английски, – на этой неделе я смотрела ваш фильм три раза. Я плакала как ребенок.

По-английски она говорила медленнее, чем по-итальянски, более резко, менее мелодично, ее голос уже не напоминал пение флейты; судя по акценту, она много общалась с американцами.

– Моя фамилия – не Роял, – сказал Джек, подумывая о бегстве, – а Эндрюс.

– Он ведет двойную жизнь, – заявил Деспьер. – В свободное от работы время подыскивает места для размещения пусковых установок.

Девушки вежливо, смущенно заулыбались.

– Я искала другие фильмы с вашим участием, – произнесла итальянка, склонив голову набок, отчего ее волосы упали на плечо, – но оказалось, что никто не знает, где они идут.

– Они нигде не идут. Я не снимаюсь более десяти лет.

– Очень жаль, – с искренностью в голосе заметила синьорина Ренци. – Подлинно талантливых актеров очень мало, они должны работать.

– Я перерос эти забавы, – пояснил Джек. – Жан-Батист, позвони мне позже, и мы...

– Позже я буду занят, – произнес Деспьер. – Джек рассказывал мне о мистере Делани.

Он повернулся лицом к девушкам.

– О событиях столетней давности. Продолжай, Джек. Я уверен, девушки охотно слушают.

– В молодости, – заметила итальянка, – когда Делани делал эту картину, он был очень интересен.

– А сейчас? – спросил Джек.

– Я видела другие его ленты. – Девушка пожалала плечами, как бы извиняясь. – Они скучноваты. В них много голливудского. Я не права?

– Не знаю, – сказал Джек.

«Похоже, в Риме мне придется постоянно заступаться за Делани», – подумал он.

– Теперь я редко хожу в кино, – добавил он, глядя на девушку с интересом.

Она была умнее, чем показалось Джеку вначале.

– Это произошло в Филадельфии в 1937 году, – напомнил ему Деспьер. – Ты играл в спектакле...

Джеку не нравилось присущее Деспьеру стремление делать из работы событие светской жизни; находясь в женском обществе, Деспьер, похоже, постоянно проявлял подобную склонность.

– Девушкам будет скучно.

– Я очень хочу услышать о Филадельфии тридцать седьмого года, – заявила светловолосая американка. – Мне исполнилось тогда десять лет. Это был лучший год моей жизни.

В ее сдержанной, печальной улыбке сквозило неприятное самоуничижение.

– А сколько лет было тогда тебе, *saга mia*¹⁴? – спросил Деспьер итальянку. – И где ты находилась в тридцать седьмом году?

– Два года, – с неожиданной застенчивостью ответила девушка. – Я жила в испанском городе Сан-Себастьяне. Если мистер Роял, извините меня, мистер Эндрюс, не хочет рассказывать нам, настаивать невежливо.

– Не забывай, Вероника, я – газетчик, – сказал Деспьер. – В нашем деле...

Тут он попал в точку, подумал Джек. Вероника. Вот, оказывается, какое у нее имя. Вероника. Классический элемент корриды, выполняемый с плащом. Сан-Себастьян, Испания. В его голове мелькнуло воспоминание о виденном им сне, и эта ассоциация встревожила Джека.

– У меня есть идея, *mes enfants*. – Деспьер лениво поднялся с кресла. – Мы перекусим, а заодно поведаем друг другу тайны нашего прошлого.

Они неуверенно встали.

– Если мистер Эндрюс не возражает... – Вероника серьезно, с прежней неожиданной застенчивостью посмотрела на Джека.

– Конечно, нет, – сдался Джек. «Все равно мне надо где-то поесть», – подумал он.

– Следуйте за мной, – сказал Деспьер, взяв Веронику под руку и направившись в сторону улицы. – Я отведу вас в такое место, где с двенадцатого века не было туристов.

Джек задержался, чтобы заплатить официанту сто лир. Потом вместе с мисс Хенкен пошел за Деспьером и Вероникой. «Этот хитрец собирается угостить свою девушку ленчем за мой счет», – подумал Джек.

На лице мисс Хенкен появилась радость с оттенком сомнения – она была из тех девушек, которых приглашают на ленч только случайно.

Джек не спускал глаз с пары, шагавшей впереди. Деспьер с видом собственника держал Веронику за плечо; их смех, долетавший до Джека, звучал вполне интимно. Раскачивающиеся полы пальто частично закрывали великолепные ноги девушки – длинные, загорелые, в туфлях на высоком каблуке. Настроение Джека испортилось окончательно. «Ручаюсь, после ленча они найдут предлог покинуть нас, чтобы заняться любовью», – возмущенно подумал он.

– Господи, – тихо сказала мисс Хенкен, глядя на идущую впереди девушку, – почему я не родилась итальянкой?

Джек посмотрел на нее с жалостью и отвращением.

– К тридцати годам она расплывется, – заметил он, помогая мисс Хенкен утешать себя.

Мисс Хенкен сухо рассмеялась и похлопала себя по плоской груди:

– Что ж, мне уже тридцать. Вы меня успокоили.

«Я приехал в Рим не для того, чтобы утешать обделенных, – подумал Джек. – Заставлю Деспьера заплатить за себя и свою девушку. Это будет моим единственным достижением за день».

Деспьер ошибся, сказав, что в том ресторане, куда он привел их, не было туристов с двенадцатого века. Напротив Джека в углу небольшого зала сидела тихая американская пара, казавшаяся четой молодоженов. Они серьезно изучали меню; девушка, подняв голову, обратилась к стоявшему перед ней официанту:

– Я хочу что-нибудь типично итальянское. Омлет – это итальянское блюдо?

Джек готов был поцеловать ее в чистый, прекрасный американский лоб.

Интерьер этого типичного римского ресторана не радовал глаз: стены были расписаны кричаще яркими видами Неаполитанского залива; люстры в виде безвкусовых модернистских конструкций висели под потолком столь высоким, что благодаря какому-то акустическому эффекту посетителям приходилось кричать, чтобы их услышали соседи по столику. Деспьер

¹⁴ Моя дорогая (*um.*).

заказал для всех местное фирменное блюдо – spaghetti alle vongole¹⁵, официант поставил на стол открытый графин с широким горлом, наполненный вином.

– По мнению Джека, в характере Мориса Делани есть тайные красоты; сейчас он поведаст нам о них, и я смогу нарисовать объективный портрет великого человека.

Джек попытался вспомнить, как однажды вечером, более двадцати лет назад, он познакомился с Делани. Случилось это в гримерной; кроме режиссера, в убогой полутемной комнате находились Лоренс Майерс и девушка, впоследствии ставшая женой сценариста. Только что закончился спектакль, в течение недели апробировавшийся в Филадельфии. Майерс и его невеста сидели рядом на старом диване, Джек очищал перед зеркалом лицо кольдкремом.

– Это была первая пьеса Майерса, – сказал он. – Драматург радовался положительным откликам прессы и успеху, который вещь имела у публики, все говорили, что Хэрри Дэвис – он играл главную роль – станет звездой. Дэвис уже умер. Майерс – тоже.

Джек замолчал, пытаясь понять, зачем сказал об этом, ради чего воздвиг над заброшенными могилами забытых американцев надгробия из слов, объявив своим слушателям об их смерти. В этот миг Джек как бы воочию увидел живого Майерса – бледного, нервного молодого человека в изношенном костюме, сидящего возле смущенной девушки, которая напоминала гувернантку, отпущенную на выходной; она любила Майерса так неистово, что превратила их жизнь в цепочку ужасных сцен ревности, оборвавшуюся в тот день, когда Лоренс покинул кислородную палатку, чтобы умереть.

– Майерс где-то познакомился с Делани, все знали, что режиссер находится в зрительном зале и следит за спектаклем, – продолжил Джек. – Делани недавно закончил свою первую полнометражную картину, она имела шумный успех; прилетев на Восток, он заехал в Филадельфию, чтобы посмотреть спектакль и поделиться своим мнением с Майерсом.

Пока подошедший официант расставлял тарелки, Джек, смежив веки, вспоминал, как выглядел Делани, когда ворвался в гримерную. Молодой, грубоватый, самоуверенный, с хриплым голосом, одетый артистически небрежно, Делани был в дорогом пальто из верблюжьей шерсти, на его шее развевался, как флаг, кашемировый шарф; его разъяренное лицо пылало, в движениях чувствовался избыток жизненных сил, казалось, он обладал неистощимым запасом энергии.

– Он заявил следующее, – продолжил Джек, когда официант ушел, – «Забудьте о прессе, Майерс, вы – конченный человек. Что они тут смыслят, в Филадельфии? В Нью-Йорке вас разорвут на куски!»

– Это на него похоже. – Деспьер сухо усмехнулся, его вилка замерла над тарелкой. – О таком Делани я и пишу.

– Он пожалел Майерса. – Джек вспомнил побелевшее лицо сценариста и слезы, выступившие на глазах его девушки. – Лучше знать правду заранее, чем ринуться в Нью-Йорк полным радужных надежд и испытать сильнейшее разочарование.

Джек увидел, что Вероника понимающе кивнула. Мисс Хенкен ела торопливо, как бы украдкой, словно ей редко удавалось наесться досыта и она боялась, что в любую секунду ошибка, по которой она попала сюда, может раскрыться и ее попросят покинуть ресторан.

– Что еще хорошего он сказал? – спросил Деспьер.

– В гримерную зашли режиссер и продюсер постановки, – продолжал Джек, – они тоже хотели узнать мнение Делани; повернувшись к ним, Морис закричал: «Вы собираетесь везти этот балаган в Нью-Йорк? Что происходит с театром? Неужели театральные деятели окончательно утратили самоуважение? Неужто у них совсем не осталось вкуса, чувства меры, любви к своей профессии?»

¹⁵ Спагетти с морскими гребешками (*um.*).

Даже сейчас, спустя два десятилетия, Джек отчетливо слышал резкий, раздраженный голос, звучавший в темной комнате, он вспомнил, какие чувства испытывал, сидя перед зеркалом и восхищаясь Делани; Джек, видевший недостатки спектакля, разделял оценку Делани и презирал окружавших его людей, которые из-за слабости и сентиментальности обманывали себя. «Если бы в те годы, когда я впервые приехал в Нью-Йорк, – продолжал Делани, размахивая кулаком перед носом продюсера, словно собирался ударить его, – мы увидели бы такой прогон, то поспешили бы скрыться в горах, надеясь, что мусорщики сожгут театр дотла. А сегодня у вас хватает нахальства стоять здесь и заявлять мне, что вы собираетесь везти это в Нью-Йорк! Позор! Позор!»

– Что ответил продюсер? – спросил Деспьер.

– Продюсер сказал: «Мне кажется, мистер Делани, вы пьяны», после чего вместе с режиссером театра выскочил из гримерной.

Джек усмехнулся, вспомнив их паническое бегство.

– Видите, – сказала Вероника, – я вам говорила, что в молодости мистер Делани был интересен.

Она слушала Джека так внимательно, что совсем забыла о еде; Джек постоянно чувствовал, что она не отводит глаз от его лица.

– А что стало с бедолагой-сценаристом? – спросил Деспьер. – Он прыгнул в реку и утопился?

– Нет. Делани посоветовал ему забыть о пьесе. В конце концов, как сказал Делани, если первая вещь автора проваливается, это приносит ему только пользу. Делани поведал Майерсу о том, как семь лет вкалывал в театре, пока к нему пришло хоть какое-то признание, о том, как его выгоняли из съемочной группы в самом начале работы над первыми двумя картинами. А еще он заявил: «Послушайте, молодой человек, эта вещь никуда не годится, но у вас есть талант, и в конце концов вы создадите нечто стоящее».

Джек задумался. У Майерса действительно был талант; но жизнь его сложилась неудачно, он стал алкоголиком и умер в возрасте тридцати трех лет, но мог ли Делани предвидеть все это в тот вечер?

– Затем он спросил Майерса, есть ли у того деньги, на что драматург, засмеявшись, ответил: «Шестьдесят пять долларов». Морис заявил, что приглашает Лоренса в Голливуд для работы над сценарием кинокартины; получив гонорар, Лоренс сможет заняться новой пьесой. И еще он порекомендовал Майерсу не приглашать друзей и родственников на нью-йоркскую премьеру и не обсуждать ее с ними, а прийти к нему в отель. Майерс и его девушка воспользовались советом Делани. Премьера провалилась, зрители начали уходить уже в середине первого действия, невеста Майерса плакала в последнем ряду. Это был к тому же день ее рождения; она, конечно, не поверила Делани, считая, что пьеса уступает только «Гамлету», и взяла на работе отпуск, чтобы отпраздновать с Майерсом его успех. Но ее ждало горькое разочарование. Они с Майерсом отправились в отель к Делани; войдя в «люкс», они застали там режиссера; он ждал их, сидя перед тортом со свечами, приготовленным для девушки. Они спустились в бар, немного выпили; Делани запретил им читать завтрашние рецензии, которые, по его выражению, будут способны искалечить человека. Затем он спросил, где они планируют провести ночь. Майерс вместе с двумя актерами жил в квартире без горячей воды, он не мог пригласить девушку к себе, и она собиралась заночевать у родственников на Морнингсайд-Хейтс. Делани заявил, что в эту ночь им не следует расставаться. Он отвел их к портье и сказал ему: «Послушайте, это мои друзья. Они не женаты; я хочу, чтобы они получили просторную комнату на одном из верхних этажей, где тихо, а воздух свеж, с выходящими в сад окнами, из которых виден мост Джорджа Вашингтона и Джерси. Я хочу, чтобы у них было все, чем располагает этот отель. Они закажут шампанское, икру и жареного фазана, а вы все запишите на мой счет».

Затем, поцеловав их обоих, Делани пообещал заказать билеты в Калифорнию на послезавтра и удалился.

Джек умолк, предавшись воспоминаниям о далеких днях, пережитых катастрофах, несбывшихся надеждах, пролитых слезах, безжалостной честности, целительном прямодушии, юношеской вере. Он не стал говорить им о себе, о том, как Делани мимоходом, как бы случайно, не расточая комплиментов, нанял и его; он не рассказал им о своей первой жене, ненавидевшей Делани за то, что он занял важное место в жизни Джека. Все это не имело прямого отношения к Делани и не представляло ценности как материал для статьи.

– Вот что произошло сто лет назад в Нью-Йорке, когда я был молод, – закончил Джек, снова принимаясь за спагетти.

– Если бы эту статью писала я, – сказала Вероника, и Джек обратил внимание на то, что она по-прежнему не спускает с него глаз, – я бы включила в нее эту историю. Точно в том виде, в каком мы ее слышали.

– О чем она говорит? – Деспьер пожал плечами. – О том, что в молодости мы все были лучше? Это общеизвестно.

– Возможно, – согласилась Вероника, – но эта мысль не испортит статью.

– Он пользовался колоссальным успехом у женщин, – заметила мисс Хенкен, поглощая спагетти и моллюсков. – Сплетен ходило предостаточно... Он спал со всеми подряд. Напишите это. Читатели придут в восторг.

– К совету Фелис стоит прислушаться, – серьезно сказал Деспьер. – Она держит руку на пульсе публики.

– Уверена, – мисс Хенкен лукаво посмотрела на Джека из-под белесых бровей, – в молодости, когда вы выглядели так, как в «Украденной полночи», вы тоже могли переспать с любой.

– Я составлю для вас список, мисс Хенкен, – с неприязнью в голосе произнес Джек, – прежде чем уеду из Рима.

– Теперь он – женатый человек, – усмехнулся Деспьер, – и государственный деятель. Не бери ему душу сладостными воспоминаниями.

– Я просто сделала ему комплимент, – обиженно произнесла мисс Хенкен. – Что, теперь и комплимент мужчине сделать нельзя?

Джек встретился глазами с Вероникой; девушка загадочно улыбнулась, склонив голову. «Похоже, она считает, что я и сейчас выгляжу недурно», – подумал удивленный Джек.

От Деспьера, замечавшего все, не укрылось, что Джек еле заметно переглянулся с Вероникой; француз откинулся на спинку кресла, из-под прикрытых век посматривая на них обоих и, как показалось Джеку, обдумывая план мести.

– Будь осторожна в разговорах с ним, – лениво сказал он. – Его жена ужасно ревнива. И к тому же она очень красивая. Настолько красивая, что стоит Джеку покинуть город, как она тотчас становится самой популярной женщиной в Париже. Между прочим, Джек, я тебе говорил, что утром мне звонила знакомая из Парижа? Она видела твою жену. Я тебе говорил?

– Нет, – ответил Джек, – не говорил.

– В три часа утра Элен видели в «Белом слоне». Она танцевала с каким-то греком. Моя приятельница его не знает, но, по ее словам, танцует он великолепно. Она сказала, что Элен выглядела сногшибательно.

– Не сомневаюсь, – сухо произнес Джек.

– Они – самая счастливая семейная пара из всех известных мне, – завершил свою месть Деспьер. – Правда, Джек?

– Не знаю. Я не знаком со всеми твоими женатыми друзьями.

– Если бы я мог надеяться на успех, – сказал Деспьер, – то обязательно бы приударил за Элен. Она прелестна, а с ее мужем не скучно. Нет ничего хуже, чем роман с женщиной, муж

которой – зануда. Никакая женская привлекательность не послужит достаточной компенсацией за те часы, что вам придется проводить в его обществе, изображая из себя друга семьи.

Мисс Хенкен нервно рассмеялась: журналист дал ей возможность заглянуть в бесконечно далекий от нее мир адюльтера. Деспьер, радуясь одержанной победе, занялся спагетти.

Не дождавшись кофе, он взглянул на часы и вскочил с кресла.

– Придется вас покинуть. У меня свидание. Мы обязательно должны каждый день встречаться за ленчем.

Помахав рукой, он отошел от столика. Хозяин ресторана поспешил к французу. Деспьер обнял итальянца за плечи и вместе с ним направился к двери. Джек проводил их взглядом, сердясь на себя за то, что позволил Деспьеру уйти, не оплатив хотя бы половину счета. Он посмотрел на Веронику, желая понять, как она реагирует на то, что Деспьер внезапно покинул ее, но девушка с невозмутимым видом ела грушу.

«Похоже, я ошибся», – подумал Джек.

А через несколько минут, когда они допили кофе и Джек попросил счет, подошедший к нему хозяин ресторана, широко улыбаясь, заявил, что ленч уже оплачен.

– Синьор Деспьер, – добавил итальянец, – сказал, что сегодня вы все – его гости.

Глава 6

Когда они вышли на улицу, мисс Хенкен сообщила, что отправляется в Чинечита¹⁶ узнать насчет работы; они поймали для нее такси, и она уехала. Судя по выражению ее лица, она привыкла обходиться без провожатых.

– Вам в какую сторону? – спросила Вероника.

Она стояла, распахнув пальто, и Джек догадался, что девушка демонстрирует свою фигуру.

– Я пройду пешком до отеля.

Собираясь попрощаться, Джек задумался, должен ли он из вежливости спросить ее телефон. «Не буду, – решил он, – все равно я им не воспользуюсь».

– Можно ли прогуляться с вами? – Вероника снова облизнула уголок рта.

– Конечно. Я буду только рад. Если вы никуда не торопитесь.

– До пяти часов я свободна.

– А что вы делаете потом? – спросил Джек.

– Работаю. В бюро путешествий. Отправляю людей в те места, где хотела бы побывать сама.

Солнце скрылось за зловещими, свинцово-черными тучами, которые наступали на Рим с севера; ветер рвал в клочья края афиш, расклеенных на желтых стенах домов.

Они прошли мимо двери, возле которой просила милостыню согбенная, плохо одетая женщина с грязным ребенком. Держа малыша одной рукой, нищенка бросилась вслед за Джеком, повторяя: «Americano, americano»¹⁷. Вторую руку, скрюченную, давно не мытую, она протягивала вперед.

Джек, остановившись, дал ей столировую монету; женщина, не поблагодарив, вернулась к двери. Джек почувствовал, что она смотрит ему вслед, не испытывая признательности и удовлетворения; сотня отданных лир не избавила его от ощущения вины, вызванного вкусной горячей пищей, обществом хорошенькой девушки, роскошью гостиничного номера.

– Это напоминание, – серьезно сказала Вероника. – Я о женщине.

– Напоминание о чем?

– О близости Африки и о той цене, которую мы за нее платим, – пояснила девушка.

– В Америке тоже есть нищие, – заметил Джек.

– Не такие. – Вероника ускорила шаг, словно спеша уйти подальше от женщины с ребенком.

– Вы бывали в Америке? – спросил Джек.

– Нет. Но я знаю.

Они молча перешли улицу, свернули за угол, миновали витрину бакалейного магазина, уставленную сырами, колбасами и оплетенными узкогорлыми бутылками с кьянти.

– Вам безразлично, – негромким голосом спросила внезапно Вероника, – что ваша жена танцует с кем-то в Париже в три часа утра?

– Да, – сказал Джек и подумал: «Это не совсем верно».

– Американские семьи счастливее итальянских, – с досадой произнесла она.

«Ну, – подумал Джек, – тут я мог бы с ней поспорить».

– И вообще, – заметил он, – я не уверен, что она на самом деле танцевала в три часа утра.

– Вы хотите сказать, Жан-Батист соврал?

– Сочинил, – поправил ее Джек.

¹⁶ Римский киногородок, где находится ряд киностудий.

¹⁷ Американец, американец (*ит.*).

– В нем плохое перемешано с очень хорошим, – сказала Вероника.

Джек почувствовал влагу на верхней губе. Он понял, что из носа снова потекла кровь. Смутившись, он остановился, вытащил платок и приложил его к носу.

– Что с вами? – Вероника испуганно посмотрела на Джека.

– Пустяки, – глухо ответил он. – Нос кровоточит. Королевская болезнь, – пытался пошутить Джек.

– Это всегда так начинается? Без всякой причины?

– Только в Риме. Вчера какой-то человек меня ударил.

– Ударил вас? – изумленно спросила она. – Почему?

– Понятия не имею. – Джек тряхнул головой, раздосадованный усилившимся кровотечением и вниманием прохожих. – Как предупреждение.

Он стоял посреди оживленной улицы, расстроенный, подавленный снами, недобрыми предчувствиями, образами мертвых, близостью опасности, одиночеством, страхом, который внушала ему грядущая ночь.

– Надо поскорей добраться до вашего отеля, – сказала Вероника.

Остановив такси и держа Джека за локоть своей сильной и нежной рукой, она усадила его, точно инвалида, в машину. Сейчас Джек радовался тому, что в такую минуту был не один.

Возле отеля Вероника, не позволив Джеку расплатиться с водителем, сделала это сама; потом она взяла ключ у портье и остановилась у двери лифта рядом с Джеком, готовая в любой момент подхватить его, если он начнет падать. Кровь шла не переставая.

В кабине лифта перед глазами Джека, старавшегося ничем не привлекать внимания рослого парня в ливрее, нажимавшего кнопки рукой, обтянутой белой перчаткой, возникло странное видение. Он явственно осознал, что, пока девушка ходила за ключом, в дальнем конце коридора он заметил Деспьера и женщину в голубом платье; они сидели рядом и серьезно беседовали о чем-то. Джек был уверен в том, что в какое-то мгновение Деспьер поднял голову, узнал его, кивнул и отвернулся.

– Вы их видели? – спросил он Веронику, которая замерла возле него.

– Кого?

– Деспьера и какую-то женщину. В вестибюле.

– Нет. – Вероника удивленно посмотрела на Джека. – Я никого не видела.

– Наверно, мне показалось, – тихо произнес Джек.

«Теперь живые преследуют меня среди бела дня», – подумал он.

Зайдя в номер, Джек снял пиджак, расстегнул воротничок рубашки, ослабил галстук и прилег на кровать. Вероника повесила пиджак в шкаф; нашла в ящике стола чистый платок и дала его Джеку. Она остановилась возле него; черты ее лица исчезали в полумраке зашторенной комнаты. Капли дождя застучали в окно. Затем Вероника молча легла рядом с Джеком, обняв его. Они слушали дождь, нарушавший тишину затемненного номера. Спустя некоторое время он отнял платок от лица; кровь остановилась. Джек повернул голову, поцеловал девушку в шею, плотно прижимая губы к упругой теплой коже; его сознание освобождалось от всего, что существовало вне этой комнаты, этого момента, этой кровати, – от недобрых предчувствий, ран, крови, воспоминаний и привязанностей.

Он лег на спину; девушка положила голову ему на плечо. Длинные темные волосы Вероники разметались по его груди. Джек медленно возвращался к реальности, снова становясь обитателем номера 654, мужем, отцом, человеком сдержанным, здравомыслящим, рациональным. Он посмотрел на лицо Вероники, которое еще два часа назад казалось ему глупым и самодовольным. Ее широко раскрытые глаза смотрели в потолок, на губах девушки застыла безмятежная улыбка. Да, снова подумал он, у нее и в самом деле глуповатое лицо. Джек вспомнил первую характеристику, которую мысленно дал ей, сидя в уличном кафе, – эффектная,

безддушная самка. «Какую радость способна подарить эффектная, бездушная самка?» – подумал он улыбаясь.

Они лежали, внимая дождю, слушали звуки Рима, пробивавшиеся сквозь окна и шторы. Джек еле заметно усмехнулся.

– Почему ты смеешься? – прозвучал возле уха Джека ее нежный, похожий на пение флейты голос.

– Я смеюсь, потому что я оказался весьма проницательным.

– Ты о чем?

– Я все вычислил, – произнес Джек. – За ленчем. Решил, что в конце концов ты уйдешь с Жаном-Батистом.

– Ты думал, что я – его девушка?

– Да. Это не так?

– Нет, я не его девушка. – Она взяла руку Джека и поцеловала его ладонь. – Я – твоя девушка.

– Когда ты так решила? – спросил он, приятно удивленный.

«Как давно со мной не случалось ничего подобного», – подумал Джек.

Теперь пришел ее черед усмехнуться.

– Два дня назад, – заявила она.

– Два дня назад мы не были знакомы. Ты даже не знала о том, что я существую.

– Да, мы не были знакомы, но я знала о том, что ты существуешь. И даже очень хорошо. Я видела твой фильм. Ты был так прекрасен, так умел любить, что я за полчаса, проведенных в кинозале, стала твоей девушкой.

«Возможно, позже, – с грустью подумал Джек, – все это будет вызывать у меня смех, но сейчас мне не хочется смеяться».

– Но, детка, там я на двадцать лет моложе. Мне было тогда даже меньше лет, чем тебе сейчас.

– Я знаю, – ответила Вероника.

– Теперь я – другой человек. – Джек с горечью ощутил, что эта очаровательная, простодушная, не слишком умная девушка обманута, обманута временем и коварной долговечностью целлулоида, а он бесчестно воспользовался этим. – Совсем другой.

– Сидя в кинотеатре, я знала, как все было бы у нас с тобой.

Джек рассмеялся:

– Кажется, я должен вернуть тебе деньги.

– Что это значит?

– Ты не получила то, за что заплатила. – Он вытащил руку из-под ее головы. – Тот двадцатидвухлетний паренек, за которого ты заплатила, давно не существует.

– Нет, – медленно выговорила Вероника, – я ни за что не платила. И тот двадцатидвухлетний паренек никуда не исчез. Когда я сидела в ресторане и слушала твой рассказ о мистере Делани и несчастном сценаристе, я поняла, что тот юноша жив. – Усмехнувшись, она теснее прижалась к нему, повернула голову и зашептала Джеку на ухо: – Нет, это еще не вся правда. Все было не так, как я представляла себе в кино. Все было гораздо, гораздо лучше.

Они оба рассмеялись. «Благодарю тебя, Господи, за то, что на свете существуют поклонницы», – подумал Джек, стыдясь своих мыслей. Он снова обнял ее, коснувшись рукой густых темных волос Вероники. «А я-то считал, что давно получил весь гонорар за эту картину, – мелькнуло в голове Джека. – Сейчас, похоже, мне обломилось то, что гильдия киноактеров называет «побочными дивидендами». Щедрые побочные дивиденды».

Он повернулся к Веронике и положил свою руку на кисть девушки.

– Что ты хочешь? – шепнула она.

– Что-нибудь типично итальянское.

Глава 7

Джек услышал какой-то стук. Неохотно открыл глаза. В комнате было темно. Погруженный в сладостное забытие, он не знал и не хотел знать, где он находится, который сейчас час, день это или ночь. Робкий стук повторился; он увидел, что дверь гостиной со скрипом приоткрылась и на пол спальни упала узкая полоска желтого света. Джек понял, что он один и покоится в своей кровати в номере 654 римской гостиницы.

– Войдите. – Он натянул до шеи смятую простыню, потому что лежал совершенно голый.

Дверь отворилась шире, и он увидел горничную. Она стояла, улыбаясь ртом, в котором не доставало нескольких зубов, и держа в руке вешалку с пиджаком, как охотничий трофей. «Посмотри, что я поймала сегодня в римских джунглях: американский пиджак, окропленный американской кровью».

– La giacca, – радостно произнесла она. – La giacca del signore. E pulita¹⁸.

Горничная, тяжело волоча ноги по ковру, источая еле уловимый запах пота, прошла к шкафу и повесила пиджак; при этом она с нежностью поглаживала его, словно это было ее любимое домашнее животное. Джек хотел дать ей чаевые, но не мог подняться с кровати. Он понимал, что вряд ли шокировал бы пожилую женщину, за тридцать лет вдоволь насмотревшуюся в спальнях римских гостиниц на наготу тела и души, но все же Джек решил, что свою сотню лир она получит в другой раз.

– Grazie¹⁹, – сказал Джек, вдыхая тонкий аромат, который оставила после себя Вероника. – Grazie, tanti²⁰.

– Prego, prego²¹, – жалобно пропела горничная, внимательно осматривая комнату, не упуская из виду ничего, новоявленный Шерлок Холмс в голубом переднике, составляющий в своей каморке опасное, как динамит, досье на обитателей христианского города.

Не получив своей сотни лир и возмущаясь скупостью богатых, она покинула номер. Горничная не закрыла за собой дверь, и Джек услышал, как она идет по гостиной, ворча себе под нос; стихающий шум ее шагов казался далеким отзвуком людского рева, раздававшегося в 1917 году под стенами Кремля. Наконец хлопнула наружная дверь, и Джек блаженно вытянулся в теплой кровати, слушая урчание воды в батареях, предаваясь сладостным воспоминаниям о прошедшем дне. «Не так уж и плохо, что из носа потекла кровь, – подумал он, – иначе какой предлог нашла бы Вероника для того, чтобы подняться ко мне в номер? Если встречу снова того пьяного, возможно, пожму ему руку».

Джек зажег ночник и посмотрел на часы. Семь часов. От бессонницы есть неплохое средство. Единственным подтверждением того, что недавно здесь была Вероника, служил тончайший аромат, испускаемый простынями. Когда она ушла? Одна француженка сказала ему, что мужчина, засыпающий после любви, поступает невежливо. «Я – грубый, невоспитанный американец, дикий индеец», – подумал Джек.

Он вспомнил о жене и попытался понять, испытывает ли чувство вины. Лежа в теплой смятой постели, Джек испытывал гамму чувств, но чувства вины среди них не было. Прожив с Элен восемь лет, он ни разу не изменил ей. Раз или два он был близок к тому, чтобы вступить в связь с другой женщиной, но в самую последнюю минуту воздерживался от этого. Не по соображениям нравственности – этические табу играли важную роль в иных вопросах; пройдя через несколько браков, хорошо зная, как живут другие семейные пары, Джек

¹⁸ Пиджак. Пиджак синьора. Чистый (*ит.*).

¹⁹ Спасибо (*ит.*).

²⁰ Большое спасибо (*ит.*).

²¹ Пожалуйста, пожалуйста (*ит.*).

считал физическую верность скорее исключением, чем нормой. Хранил ли он верность Элен потому, что любил ее? Но порой он вовсе не любил ее – как, например, в день отлета из Парижа. Или потому, что недостаточно сильно любил жену и испытывал чувство вины, заставлявшее его блюсти внешнюю сторону брака в надежде, что когда-нибудь изображаемое превратится в реальность? А может, потому, что он был благодарен Элен за ее доброту, красоту и любовь к нему? Или причина крылась в том, что он был женат слишком много раз, страдал сам и приносил страдания другим? Или в том, что после бурной молодости его устраивали покой и размеренность жизни, дополняемые искусно поддерживаемой страстью? Сегодня, подумал он, душевному покою и размеренности жизни пришел конец. Если бы он чувствовал, что может влюбиться в Веронику, говорил себе Джек, он не позволил бы ей подняться в номер. Но случившееся (о благословенный случай!) никому не принесло вреда. Он лениво переместился на то место, где недавно лежала Вероника, оставившая на подушке два длинных темных волоса. В конце концов, подумал Джек, это всего лишь две недели.

Он ничего не знал об Элен. Даже фраза о том, что она в три часа утра танцевала в клубе, в равной степени могла быть и правдой, и ложью. Она была парижанкой, истинной французской женщиной, умевшей хранить свои тайны. У привлекательной, нравящейся мужчинам Элен было до замужества несколько романов, о которых Джек знал; наверняка были и другие, неведомые ему. Она почти каждый день выходила из дома, придумывая себе, как все парижские женщины, разнообразные поручения; он не пытался проверить, на что она тратит это время. Если бы Джек, приехав в Париж, увидел ее в чьей-нибудь гостиной, он решил бы, что у этой женщины, несомненно, есть любовники. Пережитая радость делала Джека терпимее: «Если у нее кто-то есть и благодаря этому ей сейчас так же хорошо, как и мне, я благословляю Элен».

Отбросив простыню, он встал с кровати, негромко насвистывая себе под нос. Зажег свечильник и посмотрел, не оставила ли Вероника на столе записку. Ее там не оказалось. Джек был уверен, что девушка не могла уйти, не оставив адреса или номера телефона, и голый босыми ногами зашагал в гостиную. Но там тоже ничего не нашел. Он пожал плечами. «Может, так даже лучше, – подумал он, – похоже, она умнее, чем мне показалось».

Насвистывая, Джек вернулся в спальню. Он понял, что за мелодия привязалась к нему. «Провожая домой мою крошку». Перестав свистеть, он прошел в ванную, чтобы пустить воду. Включив свет, Джек увидел большую букву V, выведенную губной помадой на зеркале, висящем над раковиной. Он усмехнулся. Нет, это не похоже на расставание. Телефон еще зазвонит.

Обрадованный, Джек повернул краны. В стену ванной было вделано большое, в человеческий рост, зеркало; он задумчиво посмотрел на отражение своего обнаженного тела, за которым поднимался идущий от воды пар. В молодости он часто разглядывал свое тело в зеркале. Учась в колледже, Джек играл в футбол, пока не повредил колено; доктора пригрозили ему, что хромота останется на всю жизнь, если он не откажется от спорта. Тогда у него было тело атлета, и он с гордостью рассматривал округлые мощные плечи, плоский мускулистый живот, длинные, сильные ноги. При каждом движении мышцы играли под гладкой кожей. Поступив в театр, Джек четыре раза в неделю занимался в гимнастическом зале, делая упражнения на кольцах, брусьях, турнике, чтобы легче справиться с любой ролью. Но после госпиталя, утратив из-за длительного приема морфия упругость мускулатуры, приобретя красные рубцы, следы пересадки кожи, и утолщение челюсти, он старался избегать зеркал. Джек не хотел причинять себе боль. Случайно оказываясь перед зеркалом, он смотрел на себя с отвращением, замечая появляющуюся с годами грузность. Он частично восстановил свою форму: дряблость мышц исчезла, тело снова стало налитым, крепким, но гибкость и стройность пропали. От паренька, мощным ударом вводящего мяч в игру, в прыжке перехватывающего пасы, осталось только смутное воспоминание.

Но сейчас Джек ощутил, что разглядывает свое тело с одобрением. Вспоминая, как славно оно послужило ему сегодня, он как бы заново открывал его для себя. «Не так уж

я плох, – подумал Джек, посмеиваясь над своим тщеславием, – ушедшая молодость не все забрала с собой, зрелость принесла не только разрушение. Скинь десяток фунтов, – сказал он себе, критически изучая талию, – и ты будешь в полном порядке. Животик пока не наметился, и все основные линии сохранились».

Забравшись в ванну, Джек долго лежал в ней, каждые две-три минуты добавляя горячую воду; очищающий пот тек по его лбу. На запотевшем зеркале над раковиной алела буква V. «Надо попросить горничную не стирать ее в течение двух недель, до моего отъезда», – подумал Джек.

Одевшись, он почувствовал, что идти на коктейль совсем не хочется: слишком хорошо было у него на душе. Джек спустился в холл и попросил швейцара передать шоферу, что сегодня машина ему не понадобится. Пройдя в бар, он заказал мартини, радуясь одиночеству, перспективе провести вечер наедине с собой. Он заметил уже знакомую ему компанию молодых итальянцев, сейчас они не пробудили в нем ревность.

Джек допил мартини, вышел из гостиницы и направился вдоль улицы, поглядывая в окна; несмотря на холодный, порывистый ветер, Джек распахнул пальто. Он обнаружил, что (и вряд ли случайно) движется в сторону кинотеатра, где демонстрировалась «Украденная полночь». Дойдя до кинотеатра, Джек остановился и стал с любопытством, но без волнения и грусти рассматривать фотографии – кадры из фильма. Увидев Карлотту, он захотел узнать, где она сейчас, как выглядит, что он пережил бы, если бы она вошла сегодня в его номер. Он на мгновение испытал соблазн снова посмотреть картину, изучить себя прежнего и попытаться понять, чем пленилась Вероника. Но потом Джек отверг эту идею, решив, что он уже исчерпал дневную норму нарциссизма.

Он пообедал в маленьком безлюдном ресторане. Вспомнив про десять фунтов, отказался от хлеба и pasta. Поев, зашагал в сторону Форума, по дороге выпил чашечку кофе и рюмку итальянского бренди. Над пустынным Форумом с запертыми на ночь воротами висел месяц. Джек застегнул пальто на все пуговицы.

Стоя с непокрытой головой на зимнем ветру, он испытывал радостное чувство свободы от всяческих уз. Сейчас никто на свете не знал, где он находится, никто не мог потребовать что-либо от него в этот миг; он был недосягаем для всех, принадлежал лишь самому себе. «Я спрятался в центре Европы, у корней континента, среди руин», – подумал он.

Джек вспомнил отрывок из речи Цицерона, некогда произнесенный среди этих камней. Школьная программа по латыни, шпаргалка, лежащая на парте. *О времена! О нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в Сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает тех из нас, кто должен быть убит*²². Цицерона задушили далеко от места его триумфа, спустя годы после того, как стихли аплодисменты. Несчастный старик, должно быть, проклял свой ораторский дар, когда его схватили.

«Я – римлянин, – мысленно произнес Джек, вспомнив игру, любимую им в детстве, когда он лежал вечером в постели с закрытыми глазами и говорил себе: «Я – эскимос, в моем углу тепло, я слышу крики тюленей». Или: «Я – Натан Хейл²³, утром меня повесят». Или: «Я – Джабел Эрли²⁴, объезжающий войска конфедератов на вороном коне». «Я – римлянин, – подумал Джек, перенесшийся в тот век, когда родился и был распят Христос. – Я только что пообедал, зимний ветер приносит стужу с Апеннин, я немного перебрал и слышу, как старик из Афин играет на флейте, а мальчик аккомпанирует ему на лире. Благословенны безмолвие и темнота, царящие на ступенях Сената. Говорят, на завтра назначен выход Августа, состоятся игры, гла-

²² Перевод В. Горенштейна.

²³ Натан Хейл (1755–1776) – американский офицер и разведчик, казненный англичанами.

²⁴ Джабел Эрли (1816–1894) – генерал армии конфедератов.

диатор, вооруженный сетью и трезубцем, сразится с африканским львом. Даже сейчас слышен рев зверя, запертого под Колизеем в подвале с каменными стенами. Ретиарий готовится к завтрашнему утру: чинит сеть, проверяет прочность узлов, точит трезубец.

Римлянин, ты прогуливаешься в одиночестве на холодном полночном ветру, среди высоких мраморных колонн; думаешь о жестоких, безжалостных людях, коварных сластолюбцах в тогах, заполняющих это место днем, понимаешь, насколько вечно и неискоренимо зло, процветающее и на этих холмах».

Он услышал шаги в отдалении, увидел двух полицейских, на которых падал свет уличного фонаря. Они остановились, посмотрели на него; Джек представил себе, что в их глазах застыло извечное подозрение; они ждали, когда он совершит нечто предосудительное, полезет на стену, поднимет с земли кусочек мрамора, сунет в карман отколовшуюся частицу истории.

Полицейские снова сделали его американцем, отняли призрачное римское гражданство. За ним следили две пары глаз; он утратил свою недосыгаемость, мир предъявлял ему свои требования; он был объектом наблюдения, его инкогнито грозили нарушить. Грохот мчащейся колесницы превратили в шорох, львы смолкли, в подвалы сквозь распахнутые двери проник лунный свет. Из соседнего бара доносилась джазовая мелодия. С появлением полицейских звуки, льющиеся из флейты, сменились чиханьем мотоциклетного мотора, доносящимся с улицы. Христос и Цицерон давно умерли, и лишь ночной ветер дул с гор так же, как и две тысячи лет назад.

Джек двинулся вдоль стены, глядя на неровный тротуар. Полицейские проводили его взглядом, наверно, думая: «Если понадобится, мы задержим его в другой раз».

Устав от ходьбы, он поймал такси. Возле отеля пересек улицу и подошел к газетному киоску, заваленному журналами с портретами кинозвезд на обложках. Джек купил парижскую «Трибюн» и посмотрел на стопки англоязычных книг в ярких мягких обложках. Его внимание привлекла книга, сдержанностью своего оформления выделявшаяся среди изданий, украшенных изображениями шикарных полулежащих красоток и джентльменов с револьверами. Он взял в руки неброский томик. Это был сборник стихотворений Катуллы, переведенных английским поэтом. Джек решил, что Катулл – это именно то, что ему требуется после видений, навеянных стенами Форума; купив книгу, он направился в отель.

Забирая свой ключ у портье, он испытал легкое разочарование – в его ящике не лежало никакой корреспонденции. «Что ж, – сказал себе Джек, – обойдусь обществом Катуллы».

Скинув туфли и пиджак, расстегнув воротничок рубашки, он устроился в гостиной и начал читать.

...взгляните, как юноши встали поспешно,
И встали они не спроста, вот что пели они:
Приди, о Гимен, Гименей, приди!

Внезапно зазвонил телефон. Джек дал ему прозвенеть дважды, наслаждаясь предвкушением того, что сейчас услышит в трубке знакомый голос. Подняв ее, он произнес:

– Аллю.

– Мистер Эндрюс? – спросил какой-то мужчина.

– Да.

– Вы меня не знаете. Я – Роберт Брезач. Не могли бы мы с вами встретиться, мистер Эндрюс?

Голос, как показалось Джеку, принадлежал вежливому, молодому, образованному американцу.

Джек взглянул на часы. Уже перевалило за полночь.

– Нельзя ли обождать до завтрашнего дня?

– Я – друг мистера Деспьера, – сказал незнакомец. – Дело не терпит отлагательства.

Джек вздохнул:

– Ладно. Я в номере 654.

Джек опустил трубку, испытывая раздражение. Это было так похоже на Деспьера – послать к нему друга, способного настаивать на встрече в первом часу ночи.

Джек отнес Катулла в спальню. Он постеснялся оставить томик на виду, тем более что он был тут единственной книгой, не считая путеводителя по Риму, купленного Джеком в лавке на берегу Сены и привезенного сюда в надежде, что удастся посмотреть достопримечательности. Если гость окажется наблюдательным и сообщит Деспьеру о том, что видел эту книгу в номере Джека, Жан-Батист, несомненно, решит, что томик Катулла – декорация, с помощью которой Джек пускает своим посетителям пыль в глаза.

Раздался стук. Джек подошел к двери гостиной и открыл ее. У порога стоял высокий человек в пальто цвета хаки с капюшоном и деревянными застежками.

– Входите, – сказал Джек и сделал шаг в сторону, чтобы Брезач мог пройти через маленькую прихожую в комнату. Закрыв дверь, Джек проследовал за гостем. Оказавшись в комнате, Брезач повернулся и посмотрел на Джека. У русоволосого, коротко подстриженного и очень красивого молодого человека лицо было таким же худым и нервным, как у Стива, сына Джека. Брезач стоял, с любопытством разглядывая Джека сквозь стекла очков серьезными внимательными глазами.

– Я убью вас, Эндрюс, – сказал Брезач.

Глава 8

Кажется, он произнес что-то еще, подумал Джек, недоумевающе улыбаясь своему гостю, но разобрал только эти слова.

– Что вы сказали? – спросил Джек.

Молодой человек держал руки в глубоких карманах пальто. Вдруг он резко вытащил правую руку, и Джек увидел в ней складной нож. Раздался шелчок, и свет лампы отразился тусклым зайчиком на длинном лезвии. Блестящая стальная поверхность играла в дрожащей руке Брезача. Высокий, крупный, в свободно скроенном пальто, с окаменевшим лицом и глазами, прикованными к Джеку, он молча стоял посреди комнаты; выражение его лица было жалобным, умоляющим.

Так вот что все это значило – удар, кровь, сон, недобрые предчувствия, воскресшие мертвецы. Его предупреждали об этом ноже.

– Уберите нож, – решительно приказал Джек.

Дверь прихожей была захлопнута; если бы Джек вздумал броситься к ней, парень догнал бы его, не дав открыть ее даже наполовину. К тому же дверь открывалась внутрь.

Брезач не двигался. Только едва уловимое подрагивание ножа выдавало его волнение. Он периодически втягивал в себя воздух через приоткрытый рот, как бы вздыхая. Брезач явно старался дышать спокойно. Других звуков не было слышно. Закрытые окна, шторы, двери и толстые стены не пропускали их в номер. «Мой крик никто не услышит, даже если парню не удастся вонзить мне нож в горло за минуту-другую», – подумал Джек.

В двух или трех фильмах были подобные сцены – безоружный Джек стоит перед человеком с ножом, собирающимся убить его. В кино Джеку всегда удавалось спастись, внезапно перехватив руку нападавшего, неожиданно бросив лампу, опрокинув стол, выключив свет. Во время просмотра поведение его героя всегда казалось Джеку разумным. Но сейчас он находился не на съемочной площадке, и нож был стальным, а не бутафорским, сценарист не мог росчерком пера отвести лезвие от Джека.

– Где она? – спросил Брезач. – Она здесь?

Он указал ножом на спальню; рука Брезача неохотно подчинялась юноше.

– Кто?

– Не считайте меня глупцом. Я сюда пришел не затем, чтобы мне морочили голову. – Глубокий, чистый, приятный баритон Брезача не годился для угроз. – Вероника.

– Нет, – ответил Джек, – ее здесь нет.

– Вы мне лжете.

– Проверьте сами, – небрежно сказал Джек.

Он знал, что не должен демонстрировать парню свой испуг.

Брезач неуверенно шагнул в сторону спальни. Джек заметил, что рот его искривился, а на скулах заходили желваки. Лицо парня заострилось, черты стали более резкими, на впалых щеках образовались треугольные тени.

– Хорошо. – Брезач шагнул к Джеку. – Вы пойдете первым.

Джек заколебался. Здесь, в гостиной, где лишь свободное пространство отделяло Эндрюса от Брезача, Джек был во власти его ножа. В спальне он мог укрыться от Брезача за кроватью, схватить лампу или тяжелый чемодан и использовать их как средство защиты, а может, нападения. Он повернулся и быстро прошел в спальню; юноша следовал по пятам.

В тускло освещенной комнате горел лишь ночник у постели. Яркая полоска света падала через приоткрытую дверь ванной на пол спальни. Войдя в комнату, Джек увидел половину буквы V, выведенной на зеркале Вероникой. Джек подошел к большому шкафу. Брезач не отставал от Джека.

– Стойте, – сказал Брезач.

Джек остановился. Между ним и парнем не было кровати, но в двух футах от Джека лежал кожаный чемодан. Если бы Брезач бросился сейчас на Эндрюса, Джек успел бы схватить чемодан. Юноша стоял возле расстеленной двуспальной кровати; одеяло и простыня с одной стороны были отогнуты аккуратным треугольником, две подушки – тщательно взбиты.

– Так вот где это случилось, – произнес Брезач.

Он коснулся коленом кровати. Юношу немного качнуло, его голова заметно ходила из стороны в сторону, и Джек понял, что Брезач пьян.

– Славно провели время, мистер Эндрюс? – хрипло спросил он, и уголок его рта слегка опустился, словно в тике. – В постели наша маленькая Вероника – просто чудо, верно?

Резким движением ножа он сорвал одеяло и простыни с кровати.

– Вот здесь, на этой самой постели, – произнес Брезач.

Его глаза наполнились слезами, но это не успокоило Джека, напротив, молодой человек показался ему еще более опасным.

– Приятная картина, не правда ли? – продолжал Брезач. – Вероника с раздвинутыми ногами.

– Прекратите, – сказал Джек, не рассчитывая на то, что его слова подействуют на плачущего юношу. – Какой смысл в подобных разговорах?

– Большой, – сказал Брезач, сделав рукой, держащей нож, неуклюжий ораторский жест. – Хочу все представить себе, понимаете? Воссоздать точную картину. Эта девушка мне небезразлична, я хочу знать обо всем, что с ней происходит. Когда вы ввели в нее член, она прошептала: «О боже»? Я не обижу вас, если скажу, что со мной она всегда произносит эти слова? Да?

Он криво улыбнулся, всхлипнув.

– Старое католическое воспитание. Господь должен благословить каждое совокупление. – Брезач снова страдальчески усмехнулся сквозь слезы. – Ну? Она шептала: «О боже»?

– Я не желаю с вами разговаривать, – твердо произнес Джек, – до тех пор, пока вы не уберете нож.

– Я уберу его тогда, когда он будет мне уже не нужен. – Брезач снова яростно махнул ножом и уставился припухшими голубыми глазами на Джека. – Она засовывала язык вам в ухо, когда вы предавались любви? Вам известно, как будет по-итальянски «трахаться»? Где она?! – Он перешел на крик. – Она сбежала от меня. Где она сейчас?!

Брезач приблизился к Джеку; его красивое худое лицо было мокрым от слез. Джек отступил на полшага и взялся за ручку кожаного чемодана, готовясь защищаться.

– Вы, вероятно, находились сегодня днем в превосходной форме, – сказал Брезач. – Были так великолепны, что, вернувшись домой, она тотчас бросилась собирать свои вещи и ушла от меня. Она не могла дождаться... Кто вы – бык, жеребец? Сняли девушку в кафе, повалялись с ней в постели полчаса, и вся ее жизнь изменилась. Люблю, заявляет она, люблю, люблю, люблю. Что у вас там?

Брезач опустил нож ниже пояса, и Джек ощутил, что у него внезапно сжалась мошонка.

– Должно быть, нечто потрясающее, восьмое чудо света. Расстегните брюки, я хочу увидеть восьмое чудо света, отдать ему дань восхищения.

Брезач задыхался, хищно обнажая зубы; его руки тряслись, он конвульсивно чуть разжимал их и тут же снова сжимал, отчего нож вздрагивал.

Джек сильнее стиснул ручку чемодана. Правую руку он согнул в локте, выставив ее вперед и не отводя глаз от ножа. «Если парень сделает движение, – решил Джек, – я пойду ему навстречу и попытаюсь перехватить его правое запястье».

– Послушайте, – миролюбиво произнес Джек, – сейчас вы взволнованы и не соображаете, что творите. Обождите немного, подумайте, и тогда...

– Где она? Где вы ее прячете?

Брезач обвел комнату безумным взглядом. Резким движением руки распахнул дверцу шкафа, внезапно решив, что девушка может находиться в нем. Костюмы Джека закачались на вешалках.

– Послушайте, Эндрюс, – умоляющим тоном произнес он, – скажите мне, где она. Я должен это знать.

– Я не знаю, где она, – заявил Джек. – И если бы знал, то не сказал бы вам. Во всяком случае, пока вы размахиваете ножом.

– С вами бесполезно говорить, – хрипло сказал Брезач.

Сняв очки, он вытер глаза рукавом пальто.

– И чего я жду? Только зря теряю время. Мне следовало сразу же вонзить в вас нож. Я исправлю свою ошибку. – На его лице появилась вымученная улыбка. – Реализовать благое намерение никогда не поздно.

Ну вот, подумал Джек, начинается. Его пальцы, сжимавшие ручку чемодана, были влажными от пота. Он напряженно ждал, когда Брезач сделает движение.

И тут зазвонил телефон.

Они замерли, парализованные внезапным звуком.

Раздался второй звонок. Парень неуверенно посмотрел на аппарат. «Ему явно не хватает опыта по части убийства, – подумал Джек. – Как и мне. Мы оба – новички. Это занятие для профессионалов».

– Ответьте, – дрожащим голосом произнес наконец Брезач. – Возможно, это она. Пусть поднимется сюда. *Ответьте!*

Джек отправился к столику мимо Брезача. Сняв трубку, он плотно прижал ее к уху, чтобы парень не услышал голоса звонившего.

– Алло. – Джек удивился тому, как спокойно звучит его голос.

– Это Делани. Где ты пропадаешь весь вечер? Я думал, ты придешь на коктейль.

– Извини. – Джек чувствовал, что Брезач настороженно следит за ним. – Я не смог.

– Это она? – прошептал юноша.

Задумавшись на мгновение, Джек кивнул.

– Скажите ей, пусть поднимается. Немедленно, – добавил Брезач.

– Послушай, – сказал Делани, – я хочу тебя кое с кем познакомить. Мы сейчас находимся в вестибюле. У тебя найдется что-нибудь выпить?

– Конечно, приходи... – Бросив взгляд на Брезача, он добавил: – Моя радость.

– Что? Ты что сказал? – раздраженно спросил Делани, и Джек испугался, не услышал ли Брезач громкий голос Мориса.

– Я говорю, приходи. Ты помнишь мой номер? Шестьсот пятьдесят четвертый, – отчетливо выговаривая слова, произнес Джек.

Повесив трубку, он повернулся к Брезачу.

– Теперь, – сказал Джек с уверенностью в голосе, которую вовсе не испытывал, – теперь, вероятно, мы сможем все уладить мирным путем, как подобает цивилизованным людям.

Он неторопливо прошел в гостиную мимо Брезача, застывшего в нерешительности возле кровати с ножом в едва сжатой руке. Брезач бросился вслед за Джеком и встал возле входной двери, отрезая путь в коридор.

– Без фокусов, – сказал он.

– Помолчите, – устало выговорил Джек.

Он опустился в кресло, возле которого стояли его туфли. Принялся медленно натягивать их. Они были ему тесноваты, поэтому Джек, не имея под рукой рожка, немного помучился с задником. Потом аккуратно завязал шнурки и вытянулся в кресле, разглядывая туфли. Масивные, на толстой подошве, они могли ему пригодиться. Точным ударом ноги, обутой в такую туфлю, можно было вывести из строя кого угодно.

– Выпейте. – Джек указал на столик, где стояли бутылки с шотландским виски и бурбоном. – Это поможет вам успокоить нервы.

– Не тревожьтесь о моих нервах, – произнес Брезач тоном агрессивного и неуверенного в себе школьника. – Они у меня в порядке.

– Вы потеряли голову. Если вы и впредь будете вести себя подобным образом, вас посадят в психушку. – Наконец ситуация стала забавлять Джека. – Даже в Италии всему есть предел.

Юноша вздохнул. Он казался усталым, измученным; пальто было ему велико, его шили на более крупного мужчину.

– О господи, – тихо произнес Брезач, – о господи.

Он смущенно посмотрел на опущенный нож. Медленно сложил его и убрал в карман.

– Верните ее мне, – прошептал он. – Пожалуйста, верните ее мне.

В номер постучали; не успели они пошевелиться, как дверь открылась, зазвучали голоса, и в комнату вошли Делани, трое мужчин и две укутанные в меха женщины. Один из мужчин был в серой ковбойской шляпе с узкой коричневой лентой.

– Надевай пальто, – сказал Делани. – В лифте девушки решили, что хотят танцевать.

Остановившись, он уставился на Брезача. Парень замер напротив компании, выставив руки вперед и растопырив пальцы; он, похоже, испугался, что сейчас все разом набросятся на него. Угол его рта подергивался, вид у юноши был разочарованный, жалкий, он близоруко смотрел поверх женских плеч в коридор, словно надеясь, что произошла какая-то ошибка и сейчас в номер войдет та, которую он ждал. Делани по-прежнему с любопытством разглядывал Брезача. Джек встал, улыбаясь гостям.

– Послушай, Джек, – сказал Делани, не спуская глаз с Брезача, – ты назвал меня по телефону «моя радость»?

– Кажется, да, – ответил Джек. – В тот момент я испытывал к тебе исключительно нежные чувства.

Брезач резко повернул голову в сторону Джека.

– Негодяй, – пробормотал он и бросился к двери, растолкав обладательниц меховых шуб. Джек услышал постепенно стихающий топот бегущих ног.

– Черт возьми, кто это? – спросил Делани.

– Старый друг, – сказал Джек. – Я сейчас. Только немного освежусь. Вот бутылки.

Указав на стол, он направился в спальню, закрыл за собой дверь; компания осталась в гостиной.

Пройдя в ванную, он посмотрел на себя в зеркало. Лоб его был покрыт капельками пота, щеки запали от усталости, вид у него был такой, словно он только что пробежал милью в гору. Дрожащими руками Джек открыл кран и начал плескать ледяную воду на лицо и волосы; его душил нервный спазматический кашель. Он энергично вытерся, и щеки снова порозовели; Джек тщательно причесался, поправил галстук. Увидел свое лицо на фоне буквы V. Пройдя в спальню, надел пиджак; из соседней комнаты донесся женский смех. Прежде чем вернуться в гостиную, Джек накрыл постель покрывалом, заметив, что Брезач проткнул простыню ножом. Завтра утром горничная получит пищу для размышлений, подумал Джек. Пусть поищет спрятанный американский кинжал.

Раскрытый Катулл лежал на столе обложкой кверху. «...взгляните, как юноши встали поспешно...»

Он направился в гостиную знакомиться со спутниками Делани.

Глава 9

Своим убранством интерьер ночного клуба напоминал дворец эпохи Возрождения; на стенах висели гобелены; свечи, стоящие в золоченых канделябрах, бросали неяркий свет на столики. Заведение занимало последний этаж здания, построенного в шестнадцатом веке на берегу Тибра. На первом этаже находился бар с негромпианистом, на втором – ресторан со струнным ансамблем из трех музыкантов. В ночной клуб можно было пройти через второй бар, размещенный на третьем этаже. У стойки Джек заметил молодых итальянцев с напомаженными волосами, которых он уже видел в гостинице. Бодрые, развращенные, веселые, даже в столь поздний час не ведающие усталости, они добавляли яркие краски в палитру римской ночи.

Джек сидел за столиком в углу зала, слушая игру музыкантов, с удовольствием допивая третью порцию виски, испытывая приятную отстраненность от окружающих его людей. Одной из дам, укутанных в меха, оказалась синьора Барзелли, исполнявшая главную роль в фильме, который снимал сейчас Делани. Она сидела рядом с Делани на другом конце стола, потягивая шампанское и нежно, методично поглаживая бедро режиссера; на ее прекрасном, благородном, смуглом лице застыло скучающее выражение; казалось, после окончания рабочего дня она не желала брать на себя труд говорить по-английски и понимать этот язык. Возле нее находилась вторая женщина в норковой шубке, тоненькая крашенная блондинка лет сорока пяти, на которой было девичье платье с кружевами; она тоже пила шампанское. Ее звали миссис Холт. Она была немного пьяна. Время от времени поглядывая на людей, танцующих в разноцветных лучах прожекторов, искусно разбросанных по залу, она вытирала слезу огромным кружевным платком.

Напротив блондинки сидел Тачино, продюсер картины, маленький человек с глазами неаполитанца; он был так красив, что мог играть главные роли в своих фильмах, если бы сумел подрасти дюйма на четыре. Он увлеченно беседовал с Делани, не подозревая, что происходит под столом. Возле Джека сидел другой итальянец – приземистый крепыш Тассети с лицом печального гангстера; он был у Тачино не то телохранителем, не то секретарем, не то администратором. Иногда Тассети поворачивался в кресле и окидывал зал настороженным взглядом, выискивая среди полумрака ночного клуба убийц, кредиторов или нежелательных претендентов на роли. Он не говорил по-английски, но, похоже, его забавляло окружение; иногда он обращался к Джеку с несколькими словами на ломаном французском.

Человек в ковбойской шляпе тоже находился здесь. Он оказался мужем миссис Холт, приехавшим из Оклахомы. Мистер Холт часто повторял весьма дружелюбным тоном: «Италия – просто чудо». Когда его жена вытирала слезы, он с нежностью улыбался и подбадривал ее, поигрывая пальцами поднятой руки. У выглядевшего лет на пятьдесят Холта было изборожденное морщинами, худое, обветренное лицо; он напоминал управляющего ранчо. Он поведал Джеку о том, что картина Делани снимается на его средства. Холт собирался основать компанию, чтобы снять в Европе совместно с Делани и Тачино еще три фильма. Выяснилось, что Холт владеет нефтепромыслами в Техасе, на побережье Персидского залива и в Оклахоме. Он говорил медленно, почти застенчиво, с вежливостью фермера, и как только уровень жидкости в бокалах Джека или Тассети немного опускался, Холт тотчас подливал туда виски из бутылки, оставленной для них на столе официантом.

В другой ситуации Джек давно бы сбежал с подобного мероприятия, где люди говорили о сексе, вложениях капитала, интриговали и накачивались спиртным. Но сегодня, после того, что произошло с ним этим вечером, он механически улыбался мистеру Холту, произносил:

«Oui, vous avez raison»²⁵ или, отвечая Тассети, говорил: «Non, c'est exact»²⁶, наслаждался этрусской красотой Барзелли, избавленный от необходимости беседовать с ней, поглядывал на хорошеньких женщин в нарядных вечерних туалетах, проплывавших в полумраке площадки для танцев, – все это возвращало Джеку спокойствие, уверенность в себе. Здесь не было плачущего юноши, одержимого жаждой мести и проткнувшего простыню ножом. После третьего бокала виски, слившись с нежной ночью, напоенной ароматом Ренессанса, Джек был готов просидеть здесь безучастным зрителем хоть до рассвета. Если он и испытывал к кому-то жалость, то разве что к Кларе, жене Делани, скучавшей в одиночестве арендованной барочной спальни; ее супружеские права беззастенчиво ущемлялись опытной крестьянской рукой, умело гладившей бедро Делани.

Когда Джек услышал в трубке гостиничного телефона голос Делани, он решил прибегнуть к помощи режиссера, чтобы избавиться от Брезача. Морис, как большинство людей, пользующихся влиянием в Голливуде, был мастером по части публичных скандалов; он мог дать Джеку дельный совет. Но сейчас, убаюканный музыкой, размягченный алкоголем, Джек решил, что справится с ситуацией самостоятельно. Брезач превратился в смутное, нереальное видение, гротескную фигуру; плачущий, нелепо вооруженный, он наверняка исчезнет так же внезапно, как появился. Благодаря воздействию виски и кубинских мелодий Джеку было трудно представить, что всего час назад его жизни угрожала опасность. Утро все поставит на свои места. Завтра, подумал он, Вероника, возможно, пожалеет о своей поспешности и вернется в квартиру, где проживала с юношей, попросит прощения, и на этом история завершится. Сейчас Джек относился к такой перспективе без эмоций. «Мне не двадцать пять, – сказал он себе, – я не умру от ревности. Ни от своей собственной, ни от чужой».

– Знаете, я не сам до этого дошел, – говорил ему Холт. – Я плачу дорогому нью-йоркскому адвокату сотню тысяч в год не для того, чтобы пренебрегать его советами. Я прислушиваюсь к ним. Он показал мне, как вкладывать по полмиллиона долларов в год на протяжении пяти лет без риска остаться в убытке даже в случае неудачи. Правительство платит десять тысяч в год человеку, пытающемуся отобрать у нас часть наших доходов, в то время как мы отдаем сто тысяч тому, кто помогает нам сохранить их. Так какая голова лучше справится со своей задачей – стоящая десять или сто тысяч?

– Да, конечно, – сказал Джек.

«Кажется, это виски обходится мне слишком дорого», – подумал он.

– Если вы с женой хотите жить в Европе, говорит этот хитрец, – приятным тягучим баритоном продолжил мистер Холт, – надо найти такое место, где это не будет стоить вам ни цента. Разумно, верно?

– Конечно, – повторил Джек.

– Мы с Мамой не собираемся оставаться здесь весь год. Шесть, от силы семь месяцев, если с погодой повезет. В наше время самое главное – избегать лишних трат. И уважать закон. Еда, питье, путешествия, слуги, развлечения – все за счет старого доброго дядюшки Сэма. А теперь ответьте мне: есть ли занятие более законное, чем съемка фильма в Риме с таким кристально честным итальянским продюсером, как мистер Тачино? Он – незаурядный человек.

Холт улыбнулся, сверкнув идеальными вставными зубами, и кивнул головой в сторону Тачино.

– Вы знали, что в 1945 году он торговал с тележки на улицах Неаполя излишками, оставшимися у американской армии?

– Нет, не знал, – ответил Джек.

²⁵ Да, вы правы (*фр.*).

²⁶ Нет, это точно (*фр.*).

– Обувь, одеяла, фляги, сухие пайки, – словом, Тачино был вроде старьевщика. Но он умел смотреть вперед. Я ценю это качество, – заявил Холт, торжественностью тона напоминающая президента фирмы, выступающего с годовым отчетом. – Люблю предприимчивых людей, сделавших себя своими собственными руками. Легко нахожу с ними общий язык. Какой бы национальности, мистер Эндрюс, они ни были. Мистер Тачино – итальянец, но вы посмотрите, чего он добился. Что у него общего с теми графами-дегенератами, которых можно встретить в этих краях?

Холт бросил неприязненный взгляд на площадку для танцев; презрительно изогнутые губы говорили о том, что среди танцующих мужчин, по его мнению, немало графов-дегенератов.

– Самое притягательное в кинобизнесе, – пылко произнес Холт, – возможность общения с интересными людьми.

– Верно, – согласился Джек. – Иногда здесь встречаются забавные типы.

– Возьмем, к примеру, мистера Делани. Где еще можно встретить столь интересного человека?

Холт наградил режиссера той улыбкой, которой раньше выразил свое уважение к Тачино. Делани все еще беседовал с Тачино, не замечая восхищенного взгляда, устремленного на него с другого края стола; ласковые пальцы исполнительницы главной роли, унизанные кольцами, по-прежнему касались бедра режиссера. Джек тоже посмотрел на Делани, но не столь восхищенно, как Холт. Десять лет назад Делани не сидел бы здесь, радуясь, как глупец, этим расчетливым тайным ласкам. Десять лет назад он бы рассерженно схватил эту руку, шлепнул ею об стол, чтобы привлечь внимание людей, и велел женщине вести себя прилично.

– А эта прелестная девушка... – Холт почтительно наклонил голову в сторону Барзелли. – Когда вы видите кинозвезд на экране, вам и в голову не придет, что они могут быть такими простыми, добрыми людьми. И благодарными.

Холт постучал костяшками по столу, желая подчеркнуть сказанное. Как многие люди, обладающие большими возможностями, он весьма высоко ценил чувство благодарности.

– Это просто трогательно, какое чувство благодарности испытывает она к мистеру Делани. Мисс Барзелли сказала мне, что Делани – первый режиссер, который понял ее. Она даже готова сняться в трех его следующих картинах бесплатно, только ради удовольствия работать с ним.

«Как же, – подумал Джек, глядя на вялое, скужающее лицо Барзелли, – даром. Подожди, когда ее агент явится с контрактом».

– Мама от нее просто без ума, – сказал Холт.

– Кто-кто? – спросил Джек, решив, что он что-то прослушал. – Извините.

– Мама, – повторил американец. – Миссис Холт.

– А, – сказал Джек и, желая увести беседу подальше от кино, спросил Холта: – У вас есть дети?

– Нет. – Холт вздохнул.

Миссис Холт одновременно прикладывала платок к глазам и пила шестой бокал шампанского. Мистер Холт, смешно вытянув губы, помахал ей пальцами, как няня, забавляющая лежащего в коляске младенца.

– Нет, – снова повторил он, – у нас нет детей. Здесь для Мама идеальное место. Я имею в виду Рим. Она все дни проводит в музеях. Уже посетила все церкви. Моя жена – католичка. У нее очень аристократическая натура. До замужества она преподавала игру на фортепиано в Талсе. У нас дома два больших рояля. Мы здесь живем в палаццо – по-итальянски это значит «дворец», – но пианино там сломано. Во время войны дом занимали немцы.

«Вероятно, мне следует встать, вернуться в отель и поискать Брезаца. Он хоть и держал в руке нож, но разговаривать с ним было интереснее».

– Мама очень хочет, чтобы я основал компанию с господами Тачино и Делани. Для производства трех картин. – Холт смаковал терминологию волшебного мира. – К тому же ей нравится жить за границей в недорогом палаццо. У нее есть брат – знаете, какими иногда бывают братья. – Холт виновато улыбнулся. – Он ее моложе. Неплохой, в сущности, парень, только никак не может найти применение своим талантам. Я взял его в свою фирму, но через два года мои партнеры взбунтовались. Сейчас мы хотим сделать из него помощника продюсера, это такой человек, который...

– Я знаю, – перебил его Джек.

– Сейчас он обходится мне ежегодно в двадцать – двадцать пять тысяч, – продолжал Холт. – Но став помощником продюсера, он будет получать пятьдесят тысяч в год, не стоя мне ни цента. Мама будет счастлива, – с нежностью в голосе добавил Холт.

Джек внезапно как бы увидел нового Холта – сильного, способного, трудолюбивого нефтедобытчика, работягу, игрока, босса, возвращавшегося из своей конторы в Оклахоме, где идет отчаянная схватка, где рушатся и переходят из рук в руки империи, домой, к жене-алкоголичке, бренчащей на одном из двух больших роялей, возле которого стоит на полу бутылка виски, к ее непутевому братцу, потерпевшему очередную неудачу и просящему очередные десять тысяч (*клянусь, это в последний раз...*). Нежный поцелуй, спасительная чековая книжка. Вся решимость и твердость оставлены за порогом; подпись на чеке служит страстным признанием в любви к несчастной гибнущей женщине, на которой он женился.

Джек забыл всю пустую болтовню, которую ему пришлось слушать ранее; разглядывая морщинистое фермерское лицо с живыми добрыми глазами, он сочувственно улыбнулся Холту.

На лице Холта появилось новое, как бы отраженное выражение; он словно уловил перемену, происшедшую в душе Джека, и неожиданно слегка похлопал Эндрюса по тыльной стороне руки, благодаря его за понимание. Его ладонь была твердой и мозолистой. «Я его недооценил, – подумал Джек, – за банальностью фраз и простоватой внешностью управляющего ранчо скрывается умный и чуткий человек. Чтобы добраться до Персидского залива, надо иметь голову на плечах».

– Мы все благодарны вам, мистер Эндрюс, – торжественным тоном произнес Холт, – за то, что вы согласились приехать сюда и помочь нам выбраться из того затруднительного положения, в которое поставил нас мистер Стайлз.

– Приглашение в Рим оказалось для меня приятным сюрпризом, – признался Джек.

– Мистер Делани поведал мне историю вашей жизни, – продолжал Холт, – и я рад, что имею сегодня возможность поделиться с вами некоторыми своими мыслями. Я знаю, что вы работаете в государственном аппарате.

– В НАТО, – уточнил Джек.

– Ну, это то же самое. – Холт отказывался различать организации, которые содержатся общественной казной.

Он улыбнулся, сверкнув вставными зубами.

– Надеюсь, что ваше чувство долга не заставит вас сообщить властям все, что я говорил сегодня о налогах.

– Ваше отношение к налогам, мистер Холт, я унесу с собой в могилу, – торжественно заявил Джек.

Холт непринужденно рассмеялся.

– Было бы хорошо, если бы все чиновники в правительстве обладали вашим чувством юмора, Джек. – Он бросил на Эндрюса неуверенный взгляд. – Вы позволите называть вас Джеком? Знаете, у нас в Оклахоме, среди нефтедобытчиков...

– Разумеется.

– Меня все называют Сэмом, – почти застенчиво сказал Холт, он словно просил об одолжении.

– Да, Сэм.

– Ессо, – произнес Тассети, с сердитым видом посмотрев на танцующих; он вытянул губы, точно собирался плюнуть. – *La plus grande puttain de Roma. La principessa.*

Джек тоже взглянул на площадку для танцев. Двадцатилетняя светловолосая девушка с конским хвостом, прыгавшим по ее обнаженным плечам, танцевала с невысоким толстяком лет тридцати. На ней было белое платье.

– Что он сказал? – спросил Холт. – Что сказал итальянец?

– Это самая известная в Риме проститутка, – перевел Джек. – Принцесса.

– Да? – сухо произнес Холт.

Выждав из вежливости мгновение, он повернулся и поглядел на девушку.

– Она очень мила, – сказал он. – Прелестная девушка.

– *Elle fasse tutti*, – добавил Тассети. – *Ell couche avec son fratello.*

– Что он говорит? – снова спросил Холт.

Джек заколебался. Сейчас ты в Риме, Сэм, подумал он, терпи и привыкай.

– Она делает все, – бесстрастно поведал Джек. – Она спит со своим братом.

Холт окаменел. Краска медленно поднялась от его шеи к щекам, достигла лба.

– Я полагаю, люди не должны распространять такие сплетни, – с трудом выговорил он. – Уверен, это всего лишь беспочвенные слухи. – Холт с тревогой посмотрел на жену. – Слава богу, Мама не слышала. Это испортило бы ей вечер. Извините меня, Джек.

Поднявшись, он обошел стол, придвинул свободное кресло, сел возле жены, точно желая защитить ее от чего-то, и, улыбнувшись, взял миссис Холт за руку. Спустя минуту, когда принцесса и ее кавалер покинули площадку, Холт повел жену танцевать. Джек с удивлением отметил, что танцуют они умело: Холт с легкостью и мастерством исполнял сложные движения румбы. Должно быть, они тратят немало времени на уроки танцев, подумал Джек. Чтобы оторвать ее от бутылки, он готов, похоже, на все.

– Ессо, – грустно сказал Тассети, указывая на седого мужчину с лицом кардинала, который танцевал с девушкой в красном платье, – *le plus grand voleur de Roma*²⁷.

С дальнего конца стола, где сидели Делани и Барзелли, донесся взрыв хохота. Тачино только что кончил рассказывать какую-то историю. Итальянец сидел, посмеиваясь, а Делани сказал:

– Иди сюда, Джек, послушай это.

Джек встал, радуясь предлогу уйти от Тассети, награждавшего посетителей клуба нелестными титулами. Делани освободил для Джека место на краю стола и произнес:

– Марко рассказывал нам о своем отце. Марко, повтори для Джека.

– *Allora*²⁸, – радостно улыбаясь, сказал Тачино, бодрый и полный энергии, словно школьник; он постоянно жестикулировал и говорил по-английски бегло, но с комичным итальянским акцентом. – *Аллога*, моего отца зовут Себастьяно. Ему не то семьдесят три, не то семьдесят шесть, волосы у него белые как снег, а спина абсолютно прямая. Он всю жизнь гоняется за девчонками, просто помешан на них, понимаете, он южанин; отец уже пятьдесят лет сводит мою мать с ума. В его последний день рождения она заявила: «В этом году, Себастьяно, я, наверно, брошу тебя навсегда, мне надоели твои похождения». Она заставила его поклясться при священнике, что больше никаких девчонок не будет, после чего мы вручили ему подарки. Я купил отцу «фиат» и «лейку»: он фотографирует собор Святого Петра. Но его похождения не прекратились. Каждый день он появляется у меня в студии, чтобы выпить с сыном чашку

²⁷ Самый известный римский вор (*фр.*)

²⁸ Итак (*ит.*).

кофе и показать новые снимки. Этот фэйв о'клок стал традицией. Каждый день сотрудники студии ждут, когда появится старик. Проходя через ворота и зная, что на него смотрят, он поднимает над головой палец – вот так.

Тачино поднял руку над головой, вытянув вверх указательный палец.

– Знаете, что это значит? Нет? А сотрудники знают и всегда смеются. Каждый день снизу в мой кабинет доносится смех, и я знаю, что через пару минут отец появится на пороге. Его жест означает следующее: сегодня он имел одну девушку один раз. Мои служащие его обожают, они смеются вместе с ним и говорят: «Старый Себастьяно – молодчина, он доживет до ста лет». И вот однажды, – Тачино резко сутулит спину, опускает плечи, глаза его гаснут, он превращается в немощного старца, стоящего на краю могилы, – мой папа прибывает ко мне в студию, но смеха не слышно. Вид у него такой печальный, словно он только что похоронил своего лучшего друга, которого, несомненно, ждет ад. Я молчу. Мы, как всегда, пьем кофе. Он не показывает мне фотографии. Потом медленно покидает кабинет. Проходит месяц, папа ежедневно появляется в студии, он двигается еле-еле, смеха у ворот не слышно, мои люди смотрят на него с грустью, они говорят: «Бедный Себастьяно, теперь он не доживет до ста лет, дай ему Бог дотянуть до весны». Мама помолодела на десять, двадцать лет. Она набрала вес, стала хохотать как девчонка и играть в бридж, купила себе три новые шляпы с цветами. Мне жаль папу, он потерял прежнюю осанку, почти не ездит на «фиате». Я думаю: «Папа совсем плох, конец близок». Я пытаюсь заставить его сходить к доктору, но он говорит мне: «Закрой свой поганый рот. Не хватало еще, чтобы мои дети начали учить меня, как я должен жить». За последние тридцать лет я впервые услышал от отца резкое слово. Я заткнулся. Погрустнел, не раскрываю рта. И вот сегодня, в пять часов, я слышу громкий хохот, потом аплодисменты; папу встречали, как героя войны. Я выглянул в окно – он шел через ворота, прямой как палка, волосы стоят торчком, словно накрахмаленные, на лице – улыбка от уха до уха, рука поднята. Пальцы расставлены в виде буквы V. – На лице Тачино появилась нежная, добрая улыбка. – Сегодня он показал два пальца.

Делани и Эндрюс усмехнулись. «В конце концов, – подумал Джек, – речь идет не о моем отце». Но Барзелли, которая уже слышала эту историю пять минут назад, откинулась на спинку кресла и громко, раскатисто, по-крестьянски расхохоталась. Ее вульгарный, мощный смех напоминал мужской, хотя вырывался он из тонкого горла и идеально женственного рта. Высокомерная, красивая, самоуверенная итальянка была своей в мире средиземноморских мужчин и разделяла радость их побед. Старая дама с тремя новыми шляпами, ежедневным бриджем и нескончаемыми жалобами не вызывала у нее сочувствия.

Джек посмотрел на часы и встал:

– Пожалуй, мне пора, если мы собираемся продолжить работу завтра в семь тридцать утра.

Делани небрежно махнул рукой:

– Не спеши, Джек. Бог с ним, с утром, начнем в десять.

Джек заметил, как сузились глаза Тачино, когда Делани с легкостью перенес начало работы. Они немедленно напомнили о том, что Делани тратит деньги и время продюсера; Джек подумал, что, если в дальнейшем между Тачино и Делани возникнут трения, итальянец использует эпизод как рычаг для оказания давления.

Джек пожал руку мисс Барзелли, которая посмотрела на него без интереса. Он не был ни продюсером, ни режиссером, от него не зависели условия ее контрактов или количество крупных планов в фильме; познакомившись с Джеком в его номере, она поняла, что он никогда не станет ухаживать за ней. Завтра она вряд ли вспомнит его имя.

Он подошел к другому краю стола, чтобы попрощаться с Тассети. Итальянец изогнулся в кресле, с отвращением глядя на компанию, расположившуюся в противоположном углу зала.

Пожимая руку Джека, он указал на гостя, сидевшего за дальним столиком, и произнес, понизив голос: «Ecco, le plus grand pederaste de Roma»²⁹.

Джек усмехнулся, думая: «Все пороки, процветающие в Риме – проституция, воровство, извращения, – представлены мне сегодня один за другим. У Тассети выдался удачный день, он, должно быть, счастлив».

Джек приблизился к площадке для танцев и помахал рукой Холтам, которые, касаясь друг друга щеками, двигались в такт с музыкой. Остановившись, они подошли к Эндрюсу.

– Джек, – сказал Холт, – вы не могли бы уделить мне пару минут? Хочу поговорить с вами.

– Конечно, – ответил Джек.

– Спокойной ночи, Джек, – произнесла миссис Холт; язык ее слегка заплетался. На лице женщины появилась блуждающая улыбка. – Сэм только что говорил мне, как вы ему нравитесь, какой вы добрый.

– Спасибо, миссис Холт.

– Берта, – умоляющим тоном промолвила миссис Холт. – Пожалуйста, зовите меня Бертой. – По ее лицу скользнула кокетливая гримаска. – Когда меня называют миссис Холт, я кажусь себе старухой.

– Хорошо... Берта.

– Arrivederci, Джек, – произнесла она и, держа мужа под руку, поплыла к столу; Холт усадил ее в кресло, обращаясь с ней так, словно она была только что выкопанной из земли драгоценной амфорой. Затем Холт вернулся к Джеку. Его дыхание после быстрого танца было легким, ровным.

– Если позволите, – церемонно сказал Холт, – я провожу вас до двери.

Выходя из комнаты, Джек оглянулся назад и успел заметить, как рука Барзелли снова скользнула под стол.

Джек и мистер Холт спустились по лестнице вниз, мимо закрытого ресторана на втором этаже, мимо картины с обнаженной женщиной, висевшей в холле, мимо бара с негром-пианистом, негромко игравшим для американской пары, которая о чем-то спорила в углу.

– Знаете, – сказал Холт, когда гардеробщица подала Джеку пальто, – я бы немного подышал свежим воздухом. Вы не хотите прогуляться?

– С удовольствием, – ответил Джек.

Теперь, уже направляясь к себе в отель, Джек почувствовал, что не спешит оказаться в пустых (или не пустых) комнатах один на один с бессонницей.

Холт взял пальто и шляпу, аккуратно надел ее на свою лысеющую голову; они шагнули в ночь. У подъезда, кутаясь в пальто, что-то оживленно обсуждали таксисты; полная женщина с корзиной фиалок поджидала в темноте влюбленных. На противоположной стороне улицы стоял фиакр с зажженным керосиновым фонарем; лошадь, накрытая попоной, дремала стоя.

Джек и Холт свернули за угол и зашагали по набережной. Сейчас спавший Рим принадлежал им.

– Берта предпочитает возвращаться домой лишь после того, как уйдут музыканты. – Холт улыбнулся, демонстрируя свою терпимость. – Вы бы удивились, если бы узнали, сколько раз в году я встречаю рассвет.

Он посмотрел на Тибр.

– Вода почти не движется, верно? *Бурлящий Тибр меж берегов несется*, – внезапно продекламировал Холт. – Думаю, я мог бы переплыть эту реку даже в доспехах. Наверно, Шекспир никогда не видел ее воочию.

Он застенчиво улыбнулся, испугавшись своего смелого экскурса в область литературы.

²⁹ Это самый известный гомосексуалист Рима (фр.).

– Странные люди эти итальянцы, – продолжал Холт. – Живут в Риме так, словно он ничем не отличается от прочих городов. Словно здесь никогда ничего не происходило.

Джек шел молча, разглядывая большое темное здание Дворца правосудия, думая о своей спальне, ожидая, когда Холт начнет разговор, ради которого он вышел с Джеком на улицу.

Холт смущенно прочистил горло.

– В клубе, – махнул он рукой в сторону оставшегося за их спинами здания, – мы говорили о том, что вы работаете в государственном аппарате.

Джек не счел нужным снова поправлять его.

– Вероятно, у вас есть знакомые в здешнем посольстве?

– Кое-кого знаю.

– В течение последнего месяца я был там дюжину раз. Меня прекрасно встречали. Со мной говорили предельно вежливо и любезно, но... Всегда лучше действовать через знакомых, правда?

– Наверно, – уклончиво ответил Джек, гадая, что за неприятности могут быть у Холта по линии госдепартамента.

– Понимаете, мы с Мамой хотим взять ребенка на воспитание. – Голос Холта прозвучал робко, виновато, словно он признавался в том, что они с Мамой замышляют нечто криминальное. – Вы не представляете себе, с какими трудностями мы столкнулись.

– Взять ребенка на воспитание? – удивился Джек. – Здесь?

– Я уже говорил вам в клубе, – скованно произнес Холт, – мне чужды националистические предрассудки. Я родился и вырос в Оклахоме, но...

Он замолчал.

– Я хочу сказать, – теперь в его голосе появился вызов, – итальянские дети ничем не хуже американских.

– Разумеется, – охотно согласился Джек. – Но разве не проще взять ребенка дома, в Штатах?

Холт смущенно покашлял; взявшись обеими руками за поля шляпы, передвинул ее на четверть дюйма, чтобы она сидела на голове более ровно.

– Дома свои сложности. Джек, я чувствую, что могу говорить с вами откровенно. Я ощутил это, еще сидя за столом. Вы способны меня понять. Мистер Делани сказал мне, что у вас двое детей...

– Трое, – машинально поправил его Джек.

– Трое, – повторил Холт. – Извините. Вы знаете, что это такое. Женщина испытывает потребность иметь детей. В ее жизни образуется некая пустота, если у нее их нет... Да вам наверняка это известно. Она пытается заполнить вакуум чем-то иным...

Его монолог оборвался, и перед глазами Джека возникла бутылка, стоящая возле рояля.

– По каким-то причинам это счастье обошло нас стороной, – продолжал Холт. – Доктора говорят, что мы оба – совершенно нормальные, здоровые люди. Просто почему-то нам не везет. Подобная ситуация не столь редка, как можно думать. Посмотрите вокруг – в мире полно бедных, голодных, заброшенных детей.

В голосе Холта звучала горечь и боль, американца возмущала безответственная плодовитость бедноты.

– И вы наверняка не представляете себе, сколько домов мертвы и обречены оставаться мертвыми всегда. Вся наука с ее вакцинами, пенициллином, водородными бомбами и ракетами бессильна что-либо изменить. Что только мы не пробовали...

Холт посмотрел на темную воду, зажатую бетонными берегами и пахнущую деревней, перегноем, прелой травой.

– В конце концов, вы взрослый человек, – глухо сказал он, – у вас есть дети; я вас не шокирую. Мы прибегали к химиотерапии, следили за биоритмами, измеряли температуру в шесть часов утра...

Он смолк; у него, похоже, перехватило дыхание. Затем продолжил своим спокойным, ровным оклахомским баритоном:

– Мы пытались произвести искусственное осеменение в кабинете врача. Безрезультатно. Несчастливая Берта.

Его голос выдавал двадцатилетнюю любовь и жалость.

– Вы видели ее только час или два и вряд ли заметили, но... – Отбросив сомнения, он решительно продолжил: – Если бы она не была женщиной, ее следовало бы назвать алкоголиком. Даже закоренелым алкоголиком.

– Да, я этого не заметил, – согласился Джек.

– Конечно, Берта – настоящая леди, она может пить с утра до вечера, и все же из ее уст не вырвется слово, которое нельзя произносить в приличных домах, но – я буду с вами откровенен, Джек, – она с каждым годом опускается все ниже и ниже. Если бы у нее был ребенок – хотя бы один...

– И все же я не понимаю, – удивленным тоном произнес Джек, – почему нельзя взять ребенка на воспитание в Штатах.

Холт громко вздохнул. Шагов десять прошел молча.

– Берта – католичка, – сказал он наконец. – Я, кажется, уже говорил вам об этом.

– Да.

– А я родился и вырос в семье баптистов. И сейчас я, наверно, все еще баптист. В Америке администрация детских домов придает подобным вещам большое значение. Принцип такой – детей католиков отдают католикам, протестантов – протестантам, даже евреи... – Холт замолчал, испугавшись, не сказал ли он что-то не то. – Не подумайте, будто я что-то имею против евреев. Я ничего против них не имею, – устало вымолвил он. – Наверно, эта политика правильна для большинства случаев. Вероятно, если бы я принял католическую веру... Берта никогда не просила меня об этом, – поспешно добавил он. – Мы даже не обсуждали такую возможность, никто из нас не намекал на нее. Но, должен признаться, я не раз испытывал соблазн подойти к Берте и сказать: «Мама, отведи меня к ближайшему католическому священнику».

Они миновали собор с запертыми на ночь старыми бронзовыми дверьми; похоже, служители храма не были готовы ответить сейчас на их вопросы, отпустить грехи или принять новообращенных в лоно католицизма. Холт задумчиво посмотрел на глухие, массивные двери и скульптуру святого, стоящую в нише возле портала.

– Влияние церкви огромно, – прошептал Холт. Он тряхнул головой, как бы пытаясь навсегда освободиться от религиозности. – Не такой уж я истовый баптист. Годами не бываю в церкви, разве что на похоронах или свадьбах. Но я не католик. Я никому не могу сказать, что я католик или стану им. Человек не должен идти на такой подлог, верно, Джек? Ни при каких обстоятельствах.

Рим – неподходящее место для такой постановки вопроса, подумал Джек, вспоминая всех низвергнутых здесь, снова восстановленных в правах, уничтоженных, вознесенных богов и ставки в этой игре.

– Да, верно. – Джек знал – Холт ждет от него именно такого ответа. – И все же время от времени я слышал о парах, где муж и жена исповедовали разную веру и брали детей на воспитание...

– Это случается, – согласился Холт. – Иногда. Но мой случай – особый.

– Почему?

– Разве Делани вам не говорил? – недоверчиво спросил Холт.

– Нет.

– Я думаю, это не слишком интересная тема. – Холт рассмеялся вполголоса. – Разве что для меня одного. Для меня это чертовски интересная тема.

Холт застегнул пальто, словно ему стало холодно.

– У меня судимость, Джек, – тихо сказал он. – Я отсидел срок в Джолиете, штат Иллинойс, за ограбление.

– О боже, – непроизвольно вырвалось у Джека.

– Вот именно, «о боже».

– Извините, – произнес Джек.

– Вам не за что просить прощения. Когда мне было двадцать лет, я ограбил владельца скобяной лавки, забрал из кассы сто восемьдесят долларов и в дверях натолкнулся на полицейского. Он хотел в свободное от службы время купить молоток и фунт гвоздей, но вместо этого схватил меня. Я и раньше проворачивал такие дела, – тихо признался Холт. – В моем послужном списке уже значилась пара зарегистрированных проступков; полиции было известно далеко не все. Так вот, – ожившим голосом продолжил он, – сейчас я пытаюсь усыновить маленького мальчика в Легхорне. Дома все говорили мне, что сделать это несложно. – Он горестно усмехнулся. – Вы, наверно, тоже так полагаете, да? Перенаселенность, дома, разрушенные в годы войны, разговоры о лишних пяти миллионах, о вынужденной эмиграции.

Он покачал головой, удивляясь своей былой наивности.

– Вы бы ужаснулись – я не преувеличиваю, именно ужаснулись, – если бы узнали, на какие унижения приходится идти ради того, чтобы поместить несчастного голодающего маленького итальянца в дом с бассейном и семью слугами, а впоследствии отправить парня в Гарвард.

Холт остановился, обвел настороженным взглядом вокруг, словно заблудился в спящем городе.

– Пожалуй, мне пора возвращаться. Берта будет волноваться.

– Если я могу вам чем-то помочь, – начал Джек.

– Я не хочу отнимать ваше время. Мне известно, что у вас тут важная работа, вы – занятой человек. Но если вы случайно окажетесь в посольстве и встретите там друга, у которого хорошие отношения с итальянскими властями... – Он посмотрел на часы. – Уже поздно. Может, на этой неделе мы пообедаем втроем – вы, я и Берта, и тогда я расскажу вам, у кого я уже был, какие шаги предпринял...

– Обязательно, – сказал Джек.

– Вы славный человек, Джек. Я рад, что этот разговор состоялся. Признаюсь, поначалу вы мне не слишком понравились. Но сейчас я знаю, что вы мне очень нравитесь, – искренне сказал он. – Очень.

Повернувшись, он зашагал по улице в сторону клуба – уголовник-миллионер, отсидевший шесть лет в Джолиете, штат Иллинойс, воспитавший в себе терпимое отношение к итальянцам, администраторам детских приютов, католикам, евреям, протестантам, старьевщикам, владелец ковбойской шляпы и нефтяных скважин, живущий в скромном римском palazzo. Честный и беспомощный, он шел мимо мрачной, запертой церкви к своей жене, которую, будь она мужчиной, следовало бы назвать алкоголиком и которую (по мнению Холта) способны оторвать от бутылки лишь детские пальчики.

Джек смотрел на рослого, плечистого мужчину в широкополой шляпе, вынужденного скрывать свои доходы и прибегать к искусственному осеменению; американец шагал, освещенный уличными фонарями, вдоль реки, которую он, по его словам, мог переплыть, вопреки свидетельствам литературных источников, даже в доспехах.

«Дома, в Париже, – с усмешкой сказал про себя Джек, – мне приходится думать лишь о пустяках – например, сбросят русские бомбу до конца года или нет».

Провожая взглядом Холта, который вскоре превратился в безликую точку, затерявшуюся среди камня, фонарных столбов и мертвых деревьев, Джек понял, почему Делани счел необходимым познакомиться с американцем. Делани в чем-то зависел от Холта – возможно, контракт на три картины был способен восстановить его престиж и финансовое положение на ближайшие десять лет. В свою очередь, Делани был готов оказать Холту любую ответную услугу. Если посредничество Делани приведет к тому, что Джек окажет содействие Холтам в их борьбе с италоамериканской бюрократией и усыновлении вождя легхорнского сироты, режиссер сможет рассчитывать на благодарность нефтяного барона. Джек усмехнулся. «Знакомый прием. Деспер и его статья. Делани никогда не остановится. Его мозг работает круглосуточно. Наверно, мне следует потребовать прибавки к жалованью. Эндрюс, актер на любые роли, обращаться в случае неприятностей – деловых, творческих, связанных с алкоголизмом».

И вдруг улыбка сползла с его лица. Делани хитрил всегда, это правда, но играл он по-крупному; ставки были значительными. В молодости он не опускался до мелкого обмена услугами. Какую бы самоуверенность ни источал сегодня Делани, на карту была поставлена его жизнь, и он, зная об этом, использовал в борьбе любые подручные средства, способные спасти его. «И если он считает, – подумал Джек, – что в моих силах помочь ему выплыть, я сделаю все от меня зависящее как сейчас, так и в дальнейшем».

Понимая это, Джек сознавал, что не только просьба Делани привела его в этот город, не ради одного Мориса он находился тут. Джек прибыл сюда и ради себя самого. Морис был частью времени, которое Джек считал лучшим в своей жизни, частью тех незабываемых предвоенных лет, когда он любил Делани так, как сын может любить отца, брат – брата, солдат – солдата, воюющего на его стороне; судьба каждого из них зависела от силы, мужества и таланта партнера. Выручая Делани, он спасал чистейшие воспоминания своей молодости. Если Делани потерпит крах, он, Джек, тоже испытает горечь поражения. «Я спасу Мориса, – подумал он, – любой ценой. Еще не знаю как, но спасу».

Эти две недели, похоже, будут насыщенными, сказал себе Джек, возвращаясь в отель мимо закрытых окон, запертых церквей, фонтанов, бюющих посреди безлюдных площадей, разрушенных храмов и обломков стен, укрывавших две тысячи лет назад горожан от врагов.

«Желаю хорошо провести время, cheri», – вспомнил он слова, произнесенные женой в аэропорту.

Возле отеля он замер в нерешительности. Двое полицейских шагали по тротуару мимо входа в здание. Глядя на них, Джек подумал, как будет по-итальянски: «Друзья, несколько часов назад один молодой человек угрожал убить меня. Пожалуйста, поднимитесь в мой номер и проверьте, не прячется ли он под кроватью?»

Полицейские удалились. «Не переночевать ли в другом месте, где мне удастся поспать без помех, без риска снова увидеть Брезача?» – мелькнула мысль в голове Джека. А утром он решит, как избавиться от парня раз и навсегда.

Идея была соблазнительной. Но Джек возмущенно покачал головой, сердясь на себя за трусость. Он вошел в отель и взял ключ. Записки не было.

Джек без колебания вошел в свой номер. Уходя, он не погасил свет.

В гостиной никого не было. Он заглянул в спальню и ванную. Вернувшись в гостиную, запер дверь, выключил лампы; снова переступил порог спальни, начал раздеваться. Лег в постель. Она оказалась ледяной, Джек поежился. «Если бы Делани не позвонил, где бы я был сейчас?» – подумал он.

Джек согрелся, лежа под одеялом на порванной простыне.

– *О Гимен, Гименей*, – тихо произнес он в темноте, потом закрыл глаза и стал ждать, когда придет сон.

Глава 10

Утро не сулило ничего хорошего. Джек проснулся поздно; голова болела, вчерашняя выпивка не прошла бесследно. Боясь опоздать в студию, он наспех принял душ. Внизу он не обнаружил в своей ячейке послания от Вероники; когда Джек садился в автомобиль, ему показалось, что он заметил Брезача, застывшего у стены магазина, расположенного напротив отеля; юноша, похоже, следил за входом в здание. Во всяком случае, там определенно стоял человек в пальто с капюшоном; он явно кого-то поджидал с настороженным, агрессивным видом.

Делани и секретарша режиссера встретили Джека в проекционном зале; невыспавшийся Морис нервничал, глаза у него были красными.

– Господи, Джек, – произнес Делани, когда Эндрюс перешагнул порог комнаты, – у нас нет в запасе десяти лет.

Джек взглянул на часы.

– Я опоздал лишь на пять минут.

– Пять минут, – проворчал Делани, – пять минут. Приступим к работе.

Он дал сигнал, комната погрузилась в темноту, и на экране возник бормочущий Стайлз.

– Я вернулся, – произнес актер. – У меня не хватило сил. Без тебя я не могу быть счастлив.

Джек вздохнул.

– Воздержись от критических замечаний, – сказал Делани. – Лучше подумай, как произнести эти слова, чтобы они не звучали глупо.

Его голос был резким, раздраженным. «Хорошо, – подумал Джек, – что вчера интуиция не подвела меня и я не был слишком откровенен, говоря с Делани о картине. Надо дождаться удобного момента для искренности. Наступит ли он когда-нибудь?»

Они в течение часа работали над одной сценой, репетируя и ничего не записывая. Даже сам Джек слышал, что его голос звучит неубедительно, фальшиво. Делани не пытался ему помочь, не давал советов; он лишь недовольно сопел и периодически просил киномеханика прокрутить эпизод снова, говоря Джеку: «Попробуем еще раз».

Через час произносимый текст потерял всякий смысл для Джека; слова, повторяемые им, казалось, не могли иметь отношения к происходящему на экране. Внезапно Делани сказал:

– Ладно, теперь запишем на пленку. Ради бога, Джек, попытайся *думать* о том, что говоришь. Это важное признание, признание в любви, он мечтал об этой девушке десять лет и наконец случайно встретил ее. Его голос не может звучать так, словно он произносит: «Я хочу на обед суп с лапшой».

– Постой, Морис. Вероятно, ничего не выйдет. Похоже, прошло слишком много лет, и я утратил дар. Если он у меня когда-либо был.

– Был, был, – нетерпеливо сказал Делани.

– И вообще, – продолжил Джек, – если у тебя есть подходящая замена, я немедленно откланяюсь. Ты сбережешь свое время, а я – свое. Дневным рейсом улечу в Париж; кажется, такой вариант обрадует многих.

– Не торопись сдаваться в конце первого часа. Что с тобой? В какое положение ты меня ставишь?

– Я не хочу, чтобы ты считал себя обязанным работать со мной, если необходимость в этом отпала.

– Послушай, Джек. – На лице Мориса появилась добрая, обезоруживающая улыбка. – Ты что, обиделся на меня? Господи, ты – единственный актер, с которым я мог дружить, потому что ты был мужчиной, а не жалким...

Он замолчал, посмотрев на свою секретаршу, сидевшую на ряд дальше от экрана.

– Извините меня, Хильда, – сказал Делани. – Я чуть было не произнес грубое слово. Ужасно оскорбительное для женщин, – добавил он с утрированной эмоциональностью. – Им во все времена называли излишне чувствительных, легкоранимых актеров.

Он дружески похлопал Джека по плечу.

– Все не так трагично, Джек. Вот увидишь, дело пойдет на лад.

– Надеюсь. Но так ли уж это важно? В конце концов, это не самая главная роль...

Джек замолчал. Время откровенности еще не пришло, и он не стал говорить о том, что, познакомившись со сценарием и уже готовым материалом, заметил много неудачных сцен, которые следовало переснять или выбросить; по мнению Джека, сделать это было важнее, чем отдублировать голос Стайлза, какой бы удачной ни оказалась замена.

– Это не какая-нибудь эпизодическая роль, – возразил Делани, – это краеугольный камень всей картины. И даже если бы речь шла о второстепенном персонаже, такой брак все равно способен превратить произведение искусства в жалкую подделку. Ты знаешь не хуже моего – *тут не существует мелочей*.

Фанатизм, звучавший в голосе Делани, питался его убежденностью.

– Один кадр, одна строка, одно движение, совершенное в критический момент, могут погубить двухчасовую картину. Или превратить ее в шедевр. Такова природа кинематографа, Джек. Почему, ты думаешь, я так бьюсь над каждой деталью?..

– Я знаю, что теоретически это так. – Неудивительно, что он выглядит столь молодо, подумал Джек. Одержимые люди не стареют. – Но здесь...

– И здесь, и везде, дружище, – тоном, не допускающим возражений, заявил Делани. – Начнем все сначала.

Они поработали еще полчаса; Джек добросовестно и безуспешно пытался вдохнуть жизнь в реплики. В середине одной фразы Делани поднял руку, и зажегся свет.

– На сегодня хватит.

– Плохо, – произнес Джек.

– Так себе. – Делани добродушно улыбнулся. Потом он внимательно посмотрел на Джека. – Ты о чем думаешь?

В душе Джека происходила борьба.

– Ни о чем я не думаю, – выдавил он из себя.

– Счастливый человек, – заметил Делани. – Пообедаем?

Джек снова заколебался:

– Я должен сначала позвонить в отель. У меня назначено свидание.

Джек набрал номер. Порттье сообщил ему, что синьорина Ренци собирается перекусить в ресторане «У Эрнесто», на площади Святейших Апостолов. Она будет рада, если синьор Эндрюс составит ей компанию в час дня.

– Спасибо. – Джек опустил трубку. – Я занят, – обратился он к Делани.

Морис пристально глядел на Джека. «Любопытно, – подумал Эндрюс, – что прочитал он на моем лице, когда я говорил по телефону – страх, сладостное ожидание, радость?»

Делани хмыкнул, собрал бумаги, и они вышли на улицу, под морозящий дождь, к автомобилям, оставленным у подъезда.

– Джек, Холт вчера говорил с тобой?

– Да, – ответил Джек.

– Ты в силах ему помочь?

– Побеседую кое с кем.

Делани удовлетворенно кивнул.

– Он славный человек, этот Холт, – произнес режиссер. – Было бы хорошо, если бы мы сумели помочь бедняге.

– Я постараюсь. – Джек не стал упоминать контракт на три картины.

– Спасибо. Ты ему здорово понравился. Вчера вечером, вернувшись в клуб, он сказал мне, что у тебя доброе сердце.

– Это точно. Я – человек с добрым сердцем.

– Сегодня Холты устраивают у себя коктейль. Они очень хотят, чтобы ты пришел.

– Хорошо.

– И не сиди, забившись в угол, как вчера вечером.

– Ладно. – Джек подумал: «Надеюсь, вчерашний вечер не повторится».

– Гвидо знает адрес.

Делани сел в машину и уехал вместе с Хильдой.

Гвидо повез Джека на площадь Святых Апостолов. Оказалось, что итальянец, как и Джек, говорит по-французски. Они отметили это открытие, выкурив по сигарете. Потом обменялись первыми суховатыми фразами. Гвидо пояснил, что овладел французским в итальянской армии; его часть во время войны стояла под Тулоном. Джек сообщил, что уличное движение в Париже еще ужаснее, чем в Риме, а пасмурных дней в году больше. Теперь в зеленом «фиате» установилась более теплая атмосфера; Джек заметил, что, разговаривая, Гвидо ездил медленнее и реже подвергал их обоим опасности. «Может оказаться, – подумал Джек, – что знание французского спасет мне жизнь».

Вероника сидела у белой стены напротив двери. На девушке была та же одежда, что и вчера. Она без стеснения разглядывала компанию из трех мужчин, расположившихся в другом углу зала. Когда Джек направился к ней, она не сразу повернула голову в его сторону, и он успел подумать – где бы она ни была, чем бы ни занималась, она постоянно находится в контакте с мужским полом. Вероника улыбнулась Джеку, и его смутила нескрываемая животная радость, мелькнувшая на ее лице. Чувствуя, что трое мужчин смотрят на него, Джек испытал ту неловкость, что охватывала его в юности, когда он появлялся на людях с девушкой, которая была слишком накрашена, или вызывающе одета, или имела чересчур пышные формы. В таких случаях ему казалось: все окружающие догадываются, что их связывает.

Он опустился в кресло возле Вероники, коснулся ее руки и сказал:

– Я без ума от одной девушки, которая исчезла, не оставив ни адреса, ни телефона. Ты не знаешь, где ее можно найти?

Они закончили есть и принялись за кофе. Остальные посетители уже покинули ресторан. Джек произнес:

– Вчера ты куда-то перебралась. Не скажешь, куда именно?

– Что? – удивленно отозвалась Вероника.

– Вчера вечером, – неторопливо пояснил Джек, – когда я спал в отеле, ты вернулась туда, где живешь, собрала вещи и ушла. Куда ты направилась?

Вероника растерянно посмотрела на него.

– Откуда это тебе известно?

И тогда он рассказал о визите Брезача, не упуская деталей, упомянув дождь, слезы, сцену в спальне. Лицо Вероники постепенно каменело, становилось все более безжалостным, полным презрения.

– П сафоне, – сказала она.

– Что это значит?

Она пожала плечами:

– Многое. Ничего хорошего. Дурак, подлец...

– Как он узнал обо мне?

– Я ему сказала, – заявила Вероника. – Ты недоволен?

– Ну, – начал Джек, – сейчас мне это безразлично. Но когда он размахивал ножом, несколько секунд я...

– Если хочешь знать... – Она обиженно поджала губы. – Иначе он не выпустил бы меня из дома. Устроил бы грандиозную сцену, пошел бы за мной следом. Он пообещал, что, если я назову ему фамилию мужчины, он перестанет меня задерживать. И заверил меня, что не будет беспокоить этого человека, кем бы он ни оказался.

– Возможно, он не считает, что воткнуть человеку нож между ребер – значит побеспокоить его.

– Не шути так. Он на это способен. – Она негромко рассмеялась. – А я-то решила, что с ним, американцем, я буду наконец избавлена от безумной итальянской ревности.

– Кто он? – спросил Джек. – Что делает в Риме? Что вас объединяет?

Вероника открыла рот и тут же закрыла его, не вымолвив ни слова. Она посмотрела на свои руки. На ее хорошеньком кукольном лице появилось хитрое, лукавое выражение, она словно раздумывала, стоит ей говорить правду или нет.

– Почему ты хочешь это знать? – Вероника стремилась выиграть время.

– Если бы кто-то попытался убить тебя, разве ты не захотела бы узнать об этом человеке как можно больше?

– Он живет в Риме уже почти два года. Американская армия платит ему небольшую пенсию. Говорит, что его семья очень богата, но, похоже, родные не высылают ему значительных сумм. Сюда приехал изучать кино. Он помешан на итальянском кинематографе. Хочет стать режиссером или продюсером. Фильм с твоим участием я посмотрела благодаря ему. – Она озорно улыбнулась. – Он говорил, что я непременно должна познакомиться с твоей игрой. Я это сделала, верно?

– О господи.

– Он переводит с итальянского на английский, – продолжала Вероника. – Ради денег.

– Он талантлив? – с любопытством спросил Джек.

– По его мнению, да. Он считает себя самым талантливым человеком в Риме.

– А кто-нибудь еще разделяет его мнение?

– Он вращается в среде полуголодных, никому не известных молодых актеров и литераторов; они твердят ему, что он – гений. – Вероника презрительно рассмеялась. – Они ненавидят всех, кто не принадлежит к их кругу. Он написал сценарий, но не может никому его продать, хотя друзья говорят о его опусе так, словно это «Божественная комедия».

– А что думаешь о нем ты?

– Если все гении такие, как он, то пусть ищут себе других женщин.

– Давно вы познакомились?

– Примерно год назад.

– Как долго живете вместе?

Вероника снова заколебалась, выбирая между правдой и ложью.

– Всего три месяца. Он не давал мне проходу. Он очень красив, – сказала она, как бы оправдываясь.

– Да, верно, – подтвердил Джек.

– Я говорила, что не люблю его, – жалобным тоном продолжала Вероника; ее глаза бегали смущенно и лживо, словно сейчас она не беседовала с Джеком, а оправдывалась перед брошенным ею любовником, обвиняя его. – Я сразу сказала ему, что считаю себя свободной и буду встречаться с другими мужчинами, когда пожелаю. Он сначала согласился, но, добившись своего... – Она пожала плечами. – Словом, он стал вести себя как настоящий итальянец. Если я здоровалась с кем-то на улице, для него это была трагедия. Неудивительно, что он любит Рим. В душе он – итальянец. И теперь эта выходка с ножом... – Она презрительно фыркнула. – Я бы хотела потолковать с ним. Чего он добивается – чтобы я спала с ним, признавшись, что влюблена в другого? А я-то думала, у американцев есть гордость.

– Ты сказала ему, что влюблена в меня? – недоверчиво спросил Джек.

– Конечно.

Длинные нежные пальчики Вероники играли замочком сумки.

– И как он отреагировал на твои слова? – поинтересовался Джек.

– В очередной раз назвал меня шлюхой. Его следовало бы сделать почетным гражданином Италии.

– Тебе он тоже угрожал?

– Нет. Пока нет, – легкомысленным тоном ответила она. – Это еще впереди.

– Что ты собираешься делать? – спросил Джек.

Перед его мысленным взором возникла Вероника, лежащая в луже крови, заголовки газет, заседание суда. «Жаль, я не могу сказать ей, что люблю ее. Хотя бы немного. Она заслужила такое признание».

– Что я собираюсь делать? – Вероника снова пожала плечами. – Ничего. Я не скажу ему, где буду жить. Он меня не найдет.

– Он отправится к тебе на работу, – сказал Джек.

– Он уже там был. Сегодня утром. Мне позвонила подруга. Я возьму двухнедельный отпуск. – Вероника нежно улыбнулась Джеку. – Посвящу это время тебе. И вообще, мне надо отдохнуть. Было бы замечательно, – она опустила ладонь на руку Джека и ласково погладила ее, – если бы мы смогли на эти две недели куда-нибудь уехать.

– Верно, это было бы чудесно, – сказал Джек, кривя душой; его не вдохновляла перспектива провести в ее обществе две недели. – Только я сейчас занят и должен быть в Риме. Он знает, где я остановился. Если я сменю отель, он найдет меня за десять минут.

– Думаю, тебе следует обратиться в полицию. Скажи, что он угрожал тебе ножом. Его поместят на пару недель в камеру, и он перестанет преследовать нас.

Джек убрал свою руку:

– Как ваша фамилия, леди? Де Медичи? Борджиа?

– Что? – недоумевающе произнесла Вероника. – Что ты сказал?

– Пока обойдемся без полиции.

– Мое предложение вполне разумно, – обиженно сказала Вероника.

– Позволь кое-что у тебя спросить. Что ты собираешься делать, когда эти две недели кончатся и я уеду?

– Это я решу потом, – простодушно ответила Вероника.

Джек вздохнул. Будь проклят Деспьер, подумал он. Вчера на виа Венето француз здоровался едва ли не с каждым, кто проходил мимо их столика.

– Есть другой выход, – сказал Джек. Проглотив слюну, он добавил тихим голосом: – Мы можем расстаться.

Сейчас она показалась ему обиженным ребенком.

– Ты этого хочешь?

Джек задумался. Любой ответ не был бы абсолютно правдивым.

– Нет, – произнес он.

Вероника улыбнулась, облизнула край рта. «Когда-нибудь, – сказал себе Джек, – если я познакомлюсь с ней ближе, я отучу ее от этой привычки».

– Я в этом не сомневаюсь. А, ладно, – она резким движением стряхнула крошки с юбки, – я напишу ему письмо. Очень сухое. Посоветую вести себя прилично. Оно остудит его пыл.

– Возможно, – с сомнением в голосе произнес Джек.

Внезапно, теперь, когда решение было принято, он страстно захотел ее. Сидя здесь, держа ее за руку, любясь гладкой оливковой шеей, поднимавшейся из V-образного разреза свитера, он почувствовал, что поток воспоминаний о вчерашнем дне обрушился на него со всей силой.

– Пойдем ко мне в гостиницу, – произнес он.

Вероника покачала головой.

О господи, теперь она будет кокетничать. Это уже чересчур.

– Нет, – сказала она. – Он наверняка крутится где-то возле твоего отеля, караулит нас. Вот свинья.

– Тогда поедem к тебе, – предложил он.

Она снова покачала головой.

– Нельзя. Я живу в маленькой семейной гостинице. Тебя ко мне не пустят. Там полно священников из Германии, помешанных на вопросах морали.

– Тогда что же мы будем делать? Дождемся темноты и поищем укромный уголок в саду Борджезе?

– Завтра, – сказала Вероника, – я переберусь к подруге. Она весь день на работе; в квартире, кроме меня, никого не будет.

– А как нам быть сегодня?

Вероника усмехнулась:

– Ты не можешь дождаться завтрашнего дня?

– Нет.

– И я тоже. – Она взглянула на часы. – Я буду занята еще два часа. В пять приду к тебе.

– Ты же считаешь, что он может появиться возле отеля, – напомнил Джек.

– Только не в пять часов.

– Почему ты так думаешь?

– Ежедневно в пять часов, – Вероника, собрав свои вещи, встала, – он посещает психоаналитика. При любых обстоятельствах. Не беспокойся. Он не придет сюда.

Она нагнулась и поцеловала его.

– Я выйду первой. Обожди пять минут. На всякий случай.

Он проводил ее взглядом. Длинные темные волосы ниспадали на плечи девушки; бедра Вероники покачивались чуть заметнее, чем обычно, – она знала, что Джек и два официанта смотрят ей вслед; высокие каблук итальянских туфель кокетливо простучали по мозаичному полу.

«Господи, – подумал Джек, когда дверь закрылась за девушкой и он откинулся на спинку кресла, – в какую историю я ввязался? Стоит ли игра свеч?»

Покинув ресторан, Джек попросил Гвидо отвезти его в посольство и добавил, что потом машина не понадобится ему до восьми вечера. Из любопытства Джек поинтересовался у Гвидо, как итальянец распорядится свободным временем.

– Поеду домой, – серьезно ответил Гвидо, – и буду играть с тремя моими малышами.

– У меня тоже трое детей, – сказал Джек.

– В них – смысл жизни, – заметил Гвидо и неторопливо отъехал от тротуара.

У подъезда посольства стоял молодой, рослый морской пехотинец. Часовой напомнил Джеку о той поре, когда Эндрю заканчивал учебу в школе. На груди розовощекого парня висели медали, полученные за участие в боевых действиях на Тихом океане и в Корее, а также Серебряная звезда и Пурпурное сердце. Он приветливо, открыто улыбнулся Джеку; солдат выглядел слишком молодо для ветерана любой из войн и не походил на человека, перенесшего ранение. Глядя на высокого, румяного пехотинца, Джек вспомнил о Брезаче. «Какие личные драмы пережил этот часовой? – подумал Джек, заходя в здание. – Чьи двери охраняет он в свободное от службы время? Когда посещает психоаналитика?»

Джек представился девушке, сидящей в приемной, сказал, кого хочет увидеть, и через пару минут уже сидел в пресс-бюро, среди грохота пишущих машинок, напротив Хэнсона Мосса, молодого человека, до перевода в Рим несколько лет прослужившего в Париже.

Мосс располнел на итальянской пище; уютно устроившись в комфортабельном кресле у стола, заваленного газетами, он казался человеком, лишенным честолюбивых амбиций. Первые пять минут занял вежливый обмен информацией о семьях; Джек объяснил, что взял отпуск

на пару недель. Мосс посетовал на то, что итальянская пресса критикует американскую политику не менее яростно, чем французская, а тон статей еще хуже. Наконец Джек назвал причину своего визита.

– У меня есть один знакомый, его фамилия Холт. Он из Оклахомы. Владеет несколькими нефтедобывающими компаниями.

– Госдепартамент, – серьезно произнес Мосс, – расшибется в лепешку ради нефтедобывающей компании. Это известно каждому итальянцу. Какие сложности у мистера Холта? Его поймали на черном рынке, когда он разменивал пятидолларовую купюру?

– Он хочет взять ребенка на воспитание, – пояснил Джек.

– Зачем это ему понадобилось? Хочет увезти из Италии сувенир на память о путешествии?

Джек вкратце обрисовал некоторые из проблем Холтов. Упомянуть шестилетнее заключение он не счел нужным.

– Здесь, наверно, есть специалисты по таким делам, – сказал Джек. – Я решил, что вы можете посоветовать, к кому обратиться.

Мосс почесал затылок:

– Я думаю, вам нужен Керн из консульства. Вы его знаете?

– Нет, – ответил Джек.

Мосс поднял трубку и набрал номер:

– Мистер Керн, это Мосс из пресс-бюро. У меня тут один мой друг. У него проблема. Мистер Эндрюс из парижской штаб-квартиры НАТО. Он приехал ненадолго. Вы не могли бы принять его прямо сейчас? Спасибо.

Он опустил трубку.

– Колеса смазаны. Передайте вашему приятелю – если у него есть старая заброшенная скважина, которую он не использует, пусть пригласит меня. Я буду с радостью присматривать за ней.

– Непременно. – Джек встал.

– Погодите-ка. – Мосс отыскал на столе среди бумаг визитную карточку. – Сэмюэл Холт. Это он?

– Да.

– Сегодня я приглашен к нему на коктейль. – Мосс уставился на карточку. – Палаццо Павини. Недурно, а? Вы там будете?

– Да, – ответил Джек.

– Прекрасно. Тогда до встречи. Будьте осторожны с Керном. Он гомосексуалист.

Керн оказался крупным печальным мужчиной с лысеющей головой, большим носом и землистым лицом. На нем был строгий черный костюм и рубашка с накрахмаленным воротничком. На столе у Керна царил идеальный порядок, в пластиковых пеналах для входящих и исходящих документов лежали аккуратные стопки бумаг. Угрюмый, подозрительный, он производил впечатление человека, наводящего страх на своих подчиненных и выдающего визы на въезд в Соединенные Штаты крайне неохотно. Джеку, повидавшему за годы службы в НАТО немало чиновников государственных учреждений, уже попадались подобные лица. Их обладатели смотрели на всех иностранцев как на реальных или потенциальных врагов Америки. «Уж я-то знаю цену союзническим обязательствам», – как бы говорил Керн. Он слышал скрытые грозные ноты в кротких голосах претендентов на получение визы, видел фальшь и корысть, поселившиеся в их душах.

– А какой у вас тут интерес, мистер Эндрюс? – спросил Керн, когда Джек рассказал о Холтах и их желании взять ребенка на воспитание.

Сам вопрос и тон, которым он был задан, содержали намек на то, что Джеком, несомненно, руководит какой-то неблагоприятный мотив.

– Никакого, – ответил Джек. – Просто мистер Холт – мой друг...

– А, – протянул Керн, – друг. Давно вы его знаете?

– Нет. – Джек не мог сказать Керну, что познакомился с Холтом вчера вечером. – Я подумал, что мое личное участие может немного ускорить процедуру...

– Личное участие. – Керн произнес эти слова так, словно речь шла о взятке. – Понимаю. У нас нет твердой политики в таких вопросах, но вообще-то подобные акции нами не поощряются. Дети, различие в вероисповедании...

Керн медленно развел руками; жест этот не предвещал ничего хорошего.

– Всегда есть опасность нежелательных осложнений. И все же, поскольку он ваш друг, а вы друг Хэнсона Мосса... Я поговорю с итальянской стороной.

– Я буду вам крайне признателен. – Джек обрадовался, что визит подходит к концу.

Керн пристально посмотрел через стол на Джека:

– Вы готовы поручиться за вашего протеже?

Одолев сомнения, Джек произнес:

– Конечно.

– Это может способствовать благоприятному исходу дела, – торжественно провозгласил Керн; выдвинув ящик стола, он извлек оттуда папку и положил ее перед собой. – Оно уже попало ко мне. Предварительные материалы. – Раскрыв папку, он уткнулся в документы. – Человек, желающий взять ребенка, должен удовлетворять некоторым требованиям. Прежде всего медицинским.

– Я уверен, они оба совершенно здоровы, – поспешно сказал Джек.

– Итальянское правительство ставит следующие условия. – Керн посмотрел на лежащие перед ним бумаги. – Глава семьи, желающей взять ребенка, должен быть не моложе пятидесяти лет; он также обязан представить справку от итальянского врача, удостоверяющую его неспособность иметь собственных детей, то есть стопроцентную стерильность. – На лице Керна появилась гнусная улыбка. – Ваш друг может принести такую справку?

Джек поднялся:

– Если не возражаете, мистер Керн, я предложу мистеру Холту зайти к вам и ответить на ваши вопросы.

Ради Мориса Делани Джек был готов совершить многое, но он не мог поручиться за стопроцентную стерильность миллионера. Это выходило за пределы обязательств, налагаемых долгом дружбы.

– Очень хорошо. – Керн тоже встал. – Я с вами свяжусь.

Шагая в сторону отеля, Джек испытывал облегчение оттого, что визит к Керну завершился и он покинул его кабинет. «Кабинет чиновника, – с отвращением подумал он, вспоминая собственный офис. – Вот наилучшая питательная среда для бунтарских и анархических настроений».

Глава 11

Открывая дверь своего номера, он услышал в безлюдном коридоре какой-то шорох. Дверь подсобного помещения, находившегося в двадцати футах от того места, где стоял Джек, открылась, и Эндрюс увидел выходящего из комнаты Брезача. Парень, прятаясь среди тазов и кофейников, покинул свое укрытие и быстро направился к Джеку. Полы расстегнутого пальто хлестали по ногам юноши.

– О господи, – рассерженно произнес Джек, шагнув к Брезачу и сжимая увесистый ключ в кулаке, как оружие. – Не вздумай что-нибудь выкинуть.

Брезач остановился.

– Я вас ждал, – произнес он, нервно моргая. – Я не вооружен. Вам нечего бояться. Честное слово. У меня нет ножа. – Его голос звучал умоляюще. – Клянусь вам, я без ножа. Можете меня обыскать. Я хочу только поговорить с вами. Я вас не обманываю. – Брезач положил ладони на затылок. – Обыщите меня.

Джек заколебался. «Такой пустяк я могу для него сделать», – подумал он.

– Ладно. Заходи.

– Вы не хотите меня обыскать? – Брезач не опускал рук.

На юноше были измятые вельветовые брюки, темно-синяя рубашка и коричневый твидовый пиджак. Галстук отсутствовал. Ноги Брезача были обуты в поношенные высокие армейские ботинки.

– Нет, я не хочу тебя обыскивать, – сказал Джек.

Брезач почти разочарованно уронил руки; Джек вошел в номер. Юноша медленно проследовал за ним. Джек снял пальто, бросил его на кресло и повернулся лицом к парню.

– Ну, – резко сказал Джек, – что тебе от меня надо?

Посмотрев на висевшие над дверью позолоченные часы, Джек увидел, что они показывают пять минут пятого. Вероника обещала прийти к пяти. Времени на долгий разговор нет, подумал Джек, надо его побыстрее выпроводить отсюда.

– Вы позволите мне сесть? – неуверенно спросил Брезач.

– Садись, садись.

Вид у Брезача был утомленный, измученный, он напоминал студента, который, боясь провалиться на экзамене, несколько ночей подряд корпел над учебниками. Сейчас невозможно было не испытывать к нему жалости.

– Хочешь виски?

– Спасибо.

Брезач опустился на стул. Смушенно закинул ногу на ногу и положил руку на лодыжку, словно позируя перед объективом фотоаппарата.

Джек налил ему виски с содовой. Брезач неловко поднял бокал:

– Будьте здоровы.

– Твое здоровье, – отозвался Джек.

Они выпили. Брезач жадно отхлебнул сразу четверть содержимого бокала. Он заложил одну руку за спинку стула, стремясь продемонстрировать, что чувствует себя как дома.

– Шикарный у вас номер. Неплохо устроились.

– Ты явился сюда, чтобы восторгаться моими апартаментами?

– Нет, – застенчиво произнес Брезач. – Конечно, нет. Это я так – чтобы растопить лед. После вчерашнего. Хочу вам кое-что сказать, мистер Эндрюс.

Он уставился на Джека сквозь очки, словно школьник с плохим зрением, который пытается с задней парты разобрать выведенную на доске формулу.

– Сегодня я пришел без ножа. Но это не значит, что я не захвачу его в другой раз и не воспользуюсь им. Имейте это в виду.

Джек, держа бокал в руке, опустился в кресло и посмотрел на парня:

– Спасибо. Это очень благородно с твоей стороны – предупредить меня.

– Я не хочу, чтобы у вас создалось обо мне ложное представление, – приятным, серьезным голосом произнес Брезач. – Не думайте, будто я простил вас и стерплю любое ваше поведение.

Джек медленно поставил бокал на стол, стоящий возле кресла. Возможно, сейчас самое время подняться и ударить парня пару раз по голове. Крепко. Французы называют это жесткими методами воспитания. Наверно, ему удастся подобным образом вправить юноше мозги. Брезач был высоким, но худощавым, его тонкие руки, высывавшиеся из-под потертых рукавов пиджака, казались не слишком сильными.

После войны Джек ни разу не дрался, но он был атлетически сложен, обладал могучими плечами и крепкими кулаками. К тому же в детстве и юности ему приходилось драться довольно часто. До ранения он регулярно занимался боксом и вряд ли полностью утратил навыки. Чтобы преподнести урок Брезачу, не требовалось быть абсолютным чемпионом мира. Трех-четырёх хороших ударов будет достаточно. Джек тряхнул головой, отвергнув эту идею. Будь Брезач крупнее и сильнее, Джек поколотил бы его. Но даже мальчишкой Джек не связывался с теми, кто был слабее его. Он ненавидел любое проявление хамства и, даже понимая, что малое насилие способно предотвратить серьезное кровопролитие, не мог заставить себя подняться, подойти к Брезачу и врезать ему как следует.

– Хорошо. Если я правильно тебя понял, ты сохраняешь за собой право убить меня.

– Да, – подтвердил Брезач.

– Что тебя заставило пойти на временное перемирие? – поинтересовался Джек.

– Я хочу поговорить с вами. Мне надо кое-что у вас узнать.

– Почему ты решил, что я стану с тобой разговаривать?

– Вы же впустили меня в номер. Говорите со мной, верно?

– Послушай, Брезач, я тоже предупрежу тебя кое о чем. Я могу через пару минут взять телефонную трубку и попросить администратора прислать сюда полицию. У тебя будут серьезные неприятности, если я заявлю под присягой, что ты грозил убить меня.

– Вы этого не сделаете, – произнес Брезач.

– Не уверен.

– Тогда все раскроется, – спокойно сказал Брезач. – Попадет в прессу. Ваша жена узнает. Ваше начальство – тоже. Как долго вам удастся оставаться на государственной службе после того, как газеты сообщат о том, что у вас в Риме возникли неприятности из-за связи с молодой итальянкой?

«Он хоть и тощий, – подумал Джек, – а все-таки, наверно, мне следует ему вмазать».

– Нет, вы не позовете полицию. – Брезач с жадностью отпил виски с содовой. – Это я вычислил.

Опустошив бокал, юноша поставил его на пол.

– Вы сегодня виделись с Вероникой?

– Да, – ответил Джек. – Мы обедали в ресторане. Тебе сообщить меню?

– Какое у нее настроение?

Брезач подался вперед, пытаясь понять по лицу Джека, правду ли он говорит.

– Превосходное, – безжалостно произнес Джек, мстя Брезачу за то, что юноша упомянул его жену и работу. – Она вся трепещет от счастья.

– Не издевайтесь надо мной. – Брезач попытался придать своему голосу грозную окраску, но он прозвучал обиженно, печально. – Где она сейчас? Куда переехала?

– Не знаю. Если бы и знал, то не сказал.

– Что она обо мне говорила?

Джек задумался. Желание быть жестоким прошло.

– Ничего, – соврал он.

– Я вам не верю. Не обманывайте меня. Я и так очень нервный. Если будете лгать, я за себя не ручаюсь.

– Если ты будешь угрожать, – сказал Джек, – я вышвырну тебя отсюда.

– Ладно, ладно. – Брезач выставил вперед руки, раздвинув пальцы, словно бейсбольный тренер, который подает игроку команду оставаться на своей базе. – Я буду спокоен. Из всех сил буду стараться не терять самообладания. Я пришел сюда не для того, чтобы драться с вами. Хочу задать вам несколько вопросов. Вполне разумных вопросов. Все, чего я хочу, – это услышать честные ответы на них. Я имею на это право, – с вызовом произнес он. – Вы со мной согласны? Ответьте хотя бы на пару вопросов.

– Что ты хочешь узнать? – спросил Джек.

Нескрываемые страдания Брезача, его душевная незащищенность вызвали у Джека инстинктивное стремление уменьшить его боль.

– Первый и весьма важный вопрос, – невнятно пробормотал юноша. – Вы ее любите?

Джек молчал, но не потому, что хотел поточнее сформулировать искренний ответ – это не составило бы ему труда; он боялся причинить Брезачу дополнительные мучения.

– Черт возьми, Эндрюс, – повысил голос Брезач, – не сочиняйте ничего. Ответьте: да или нет?

– Ну, тогда – нет, – сказал Джек.

– Значит, – произнес юноша, – она для вас – ну, просто развлечение?

– Возможно, ты обрадуешься, узнав, что тебе удалось его сильно испортить.

– Вы ей об этом сказали? – не унимался Брезач.

– О чем?

– Что не любите ее.

– Так вопрос не ставился.

– Я люблю ее, – глухо сказал Брезач.

Он уставился на Джека, следя за его реакцией. Джек молчал. Брезач возбужденно потер руки, как бы согревая их.

– Вы что-нибудь скажете? – спросил Брезач.

– Каких слов ты от меня ждешь? Я должен прийти в умиление?

– Я хочу жениться на ней, – прошептал Брезач. – Я десять раз делал ей предложение. Только формальность мешает нам зарегистрировать брак.

– Что? – с недоумением в голосе произнес Джек.

– Формальность. Она католичка. Ее родители весьма религиозны. Я – атеист. Даже ради нее я не смог бы совершить этот лицемерный шаг...

– Понимаю. – Джек вспомнил Холтов.

Похоже, в Риме религия порождает еще больше проблем, чем в любом ином месте.

– Но она колебалась, – продолжал Брезач. – Каждый уик-энд она отправляется к своим родителям во Флоренцию, и они оказывают на нее давление, принуждают ходить к мессе. Но это – вопрос времени. Она знает, что рано или поздно я пойду на все. Знает, что я не могу без нее жить.

– Ерунда, – отрезал Джек. – Любой человек может прожить без кого угодно.

– Какая гадость! – воскликнул Брезач.

Вскочив, он принялся расхаживать по комнате.

– Гадость. Бездушный цинизм. Это то, из-за чего я ненавижу старость. Если бы я позволил себе стать таким бездушным циником, я бы наложил на себя руки. Лучше умереть до

тридцати лет, чем превратиться в человека, подобного вам. Уверен, в моем возрасте вы не были таким. Я вас видел. На экране. Вы тогда еще не начали портиться.

Джек не спускал глаз с Брезача; теперь, когда юноша поднялся со стула, он был способен в любой миг совершить нечто опасное. Джек ощутил, что в нем опять закипает злость. Отчасти это обуславливалось тем, что в каком-то смысле Брезач был прав – в двадцать пять лет Джек не сказал бы, что любой человек может прожить без кого угодно.

– Следи за своим языком, – предупредил Джек юношу. – Я тебя слушаю, сам не знаю почему, но оскорблять себя не позволю.

– Когда мы познакомились, она была девушкой, – громкой скороговоркой выпалил Брезач. – Прошло четыре месяца, прежде чем я попытался поцеловать ее. Когда она перебралась в мою комнату, я сказал себе: «Наконец моя жизнь чего-то стоит». И вот она встречает вас; вы за каких-то полчаса отняли ее у меня. Вы – старый, – он усмехнулся, глядя на Джека, и уголок его рта, как всегда в минуту волнения, дернулся, – толстый, женатый. – Последнее слово Брезач произнес таким тоном, будто оно означало какое-то постыдное извращение. – Самодовольный клерк. Человек, которому не хватило мужества постоять за свой талант. Чиновник, с утра до вечера изобретающий у себя в кабинете всевозможные способы взорвать земной шар...

– Мне кажется, – заметил Джек, – у тебя превратное представление о том, чем я занимаюсь в НАТО. Похоже, ты начитался коммунистических газет.

– Да это все написано на вашем лице! – взорвался Брезач, шагая по гостиной. – Слабоволие, развращенность, коварство, похоть. Вы безобразны! Вы безобразный старик! А она из-за вас бросила меня. Я вам скажу кое-что еще, – иступленно закричал Брезач. – Я красавец! Спросите ее сами, называла она меня красавцем или нет.

Услышав, как Брезач расхваливает себя, Джек не удержался от смеха.

– Хорошо, смейтесь. – Брезач в угрожающей позе застыл над Джеком. – Мне следовало ждать подобной реакции от такого человека, как вы. Чтобы скрыть растерянность, в которую повергает вас одно слово правды, вы смеетесь. Испытанный прием. Светский, дипломатичный смех. В один прекрасный день этот смех застрянет у вас в горле.

– Хватит, парень, – тихо сказал Джек. – Я думаю, тебе пора уходить.

– Что вы ей наобещали? – спросил Брезач.

Его лицо стало мертвенно-бледным, только два маленьких круглых пятна алели на скулах. «Вдруг он болен и приехать в Рим его заставил туберкулез?» – подумал Джек. Он вспомнил Китса, умиравшего в Испании, румяных англичанок, чьи голоса не смолкали в кафе; они убегали от смертоносных лондонских туманов, кашляя в платки. Он чуть было не посоветовал Брезачу сходить к врачу.

– Что вы пообещали ей во время этого проклятого ленча? – закричал юноша. – Какую хитрость применили? Напоили ее? Что вы ей дали – деньги, драгоценности? Что наврали? Обещали развестись со своей женой, жениться на ней и увезти в Америку?

– Давай внесем ясность в этот вопрос, – сказал Джек, вставая. – Никаких обещаний я ей не давал. Мне и в голову не приходило, что я ее хочу. Если тебе не терпится узнать правду – пожалуйста. Она забралась ко мне в постель без приглашения. Инициатива принадлежала ей, – безжалостно произнес Джек, желая раз и навсегда избавиться от Брезача; он сделал шаг в сторону юноши.

Брезач с ненавистью посмотрел на Джека и внезапно бросился вперед, делая замах рукой. Удар не был достаточно резок; Джек автоматически уклонился от кулака и ответил прямым ударом в голову. Он бил вполсилы, не желая нанести юноше серьезную травму. Но все равно парень получил хорошую встряску. Брезач не упал, но, потеряв равновесие, раскинул руки в стороны и отлетел назад, к стене с гравюрами средневекового Рима. На лице юноши появилась мученическая гримаса.

– О господи. – Джек уже стыдился своего поступка, хотя ударить парня его заставил защитный рефлекс.

Брезач медленно приходил в себя, повернувшись спиной к Джеку и тяжело дыша.

– Извини. – Джек коснулся грубого материала, из которого было сшито пальто Брезача. – Я не хотел...

– Вам всегда везет, – прошептал Брезач, не поворачивая головы. – У вас есть все. Она ничего для вас не значит. Вы ее даже не хотите. В Риме десять тысяч девушек. Еще более красивых. Почему вы не хотите вернуть ее мне?

Находясь в комнате наедине со страдающим юношей, которого он ударил, Джек чувствовал, что готов вернуть девушку Брезачу, если бы это было в его силах. Или хотя бы сказать, что постарается сделать это. Сейчас она совсем не интересовала Джека. Он хотел ее лишь тогда, когда она сидела рядом с ним и кокетничала, то отбрасывая волосы с лица, то облизывая уголок рта, то поглаживая своими длинными, нежными пальчиками его руку. Если бы Джек два дня не видел Веронику, он бы забыл ее. Сейчас он сердился больше на девушку, чем на Брезача, за то, что она втянула его в эту историю. Но не мог сказать все это ни ей, ни парню. И также обещать Брезачу, что вернет ему Веронику. После всего того, что наговорила Вероника о юноше во время ленча, Джек считал ее возвращение к нему невозможным. «Не все принадлежащее нам, – с грустью подумал Джек, – может быть подарено».

– Хочешь еще выпить? – неуверенно предложил Джек, снова касаясь плеча парня.

Брезач выпрямился и, повернувшись к Джеку лицом, посмотрел ему в глаза. Левая щека юноши была красной.

– Мне ничего от вас не надо, – прошептал он. – Я совершил ошибку. Большую ошибку. Мне следовало прийти с ножом.

Подняв высокий воротник, он покинул номер. Джек вздохнул и потер костяшки пальцев. Жжение в них прошло быстро, удар был несильным. Он подошел к окну и посмотрел вниз на узкую улицу. «Альфа-ромео» рычала, как лев, на красный свет; девушка в белом фартуке шла по тротуару, держа в руках серебряный поднос с тремя чашечками кофе.

Он подумал, а не уйти ли из отеля, объяснив в записке Веронике, что его срочно вызвали. Потом Джек решил, что идея ухода отчасти связана с угрозами Брезача; его охватил приступ почти детского упрямства, и он стал ждать девушку.

– Вы безобразный старик, – пробормотал он, вспомнив слова Брезача.

Джек приблизился к большому зеркалу, висящему над камином, и посмотрел на себя. Уже смеркалось, и отражение его лица было таинственным, сумрачным. Джек показался себе печальным, задумчивым, уставшим от жизни; только глаза оставались ясными и живыми. «Нет, – подумал он, – я вовсе не безобразный старик». Он принялся искать на своем лице следы самодовольства, цинизма, сломленности. Нет, парень лгал, успокоил себя Джек. Или говорил полуправду. Или предсказывал, каким будет его лицо в старости, если не принять надлежащих мер. «Я сделаю все, – сказал себе Джек, – чтобы его пророчество не сбылось».

Глава 12

– Стоит провести три дня в Италии, среди коренных жителей Средиземноморья, – сказал композитор, приехавший из Штатов, – как лица американцев начинают казаться вам отвратительными. Незавершенными.

Он прибыл в Италию на год по приглашению Академии; Джек вспомнил прекрасные мелодии, сочиненные им, и подумал, что человек, который создает такую хорошую музыку, не должен говорить подобные вещи.

С бокалом виски в руке Джек направился к бару, устроенному в углу одной из просторных гостиных палат Павини, убранной красным шелком. Сейчас здесь присутствовали друзья Холтов, друзья их друзей, члены съемочной группы, несколько начинающих актрис, журналисты, сотрудники посольства, пара священников из Бостона, стайка студенток колледжа, путешествующих по Европе, три-четыре разведенные американки, жившие в Риме, потому что здесь алиментов хватало на более длительный срок, чем в Америке, а также пресс-секретарь одной из авиакомпаний, два пилота в сопровождении французских стюардесс, группа американских и английских врачей – участников симпозиума по костным заболеваниям, компания элегантно одетых молодых итальянцев, среди которых было немало титулованных особ (по выражению Холта, графы-дегенераты); юные аристократы развлекали двух самых хорошеньких студенток, высокомерно пренебрегая прочими гостями, среди которых также был добродушный лысеющий человек из Чикаго, он консультировал американские компании, собиравшиеся заниматься бизнесом в Европе; ходили слухи, что он – сотрудник ЦРУ.

В числе приглашенных были два итальянца, представлявшие в Риме интересы американских кинокомпаний; эти люди умели быстро менять валюту, бронировать гостиничные номера, им можно было доверить вручение цветов женам важных персон, прибывающих в Рим. Тут же находились две еврейские семейные пары из Нью-Йорка, только что посетившие Тель-Авив, египтянин, бывший владелец хлопковых плантаций, конфискованных Насером, и две англичанки с горящими глазами на худых лицах – эти дамы делали вид, будто никогда не болели туберкулезом; они зарабатывали на жизнь машинописью и пили все, что им предлагали. Был тут и актер, шесть-семь лет назад обвиненный в коммунистической деятельности; с тех пор он не мог найти работу в Штатах, потому что к тому дню, когда он признал себя виновным и выдал своих товарищей, мода на него прошла, режиссеры и продюсеры забыли о нем. Он овладел итальянским в объеме, позволявшем играть небольшие роли в итальянских картинах; в конце концов, по прошествии ряда лет, ему удалось выторговать у Госдепартамента полноценный заграничный паспорт.

Джек увидел здесь Тачино, его помощника Тассети, Барзелли, Делани и жену режиссера, Клару. Стайлз стоял, пошатываясь, возле бара с застывшей на лице презрительной улыбкой. В центре комнаты Деспьер беседовал с Моссом, знакомым Джека из посольства, и молодым итальянским режиссером, получившим год назад приз в Венеции. Холты, держась за руки, прогуливались среди гостей, источая радушие; временами по их лицам скользили смущенные улыбки; они были счастливы, потому что в Оклахоме им никогда бы не удалось устроить такой прием. Миссис Холт еще не успела выпить.

Уровень шума в изысканно убранной гостиной только начал повышаться; хриплый мужской смех заглушал звонкое женское щебетанье, усиленное алкоголем. Охотники и охотницы, возбужденные обилием дичи, стреляющие по всему, что движется, переходили от одной группы к другой, стремясь занять наиболее удобную позицию в многоязычной толпе. В молодости, до первой женитьбы и в промежутках между браками, Джек охотно посещал подобные многолюдные сборища, где ничто не связывало приглашенных друг с другом, почти никто никого прежде не знал и практически не мог встретить в будущем; это общество не признавало

условностей и не обладало четкой инфраструктурой. Точнее, инфраструктура формировалась каждый раз заново, она существовала с семи часов вечера до десяти, а позже разрушалась; каждый вечер во всех столицах мира подогретые алкоголем люди ухаживали, флиртовали, знакомились, расставались, обижали друг друга, льстили, интриговали. Сегодня эта ярмарка не захватывала Джека, он пытался определить, когда сможет покинуть палатку, не нанеся своим уходом обиды Холтам. Джек приглашал Веронику пойти сюда с ним, но она отказалась.

«Наш роман продлится только две недели, – сказала она, расставаясь сегодня с Джеком в отеле, – и я не хочу афишировать его. Не хочу попусту растрачивать наше время на таких вечеринках. Мне даже не хочется ни с кем разговаривать в течение этих четырнадцати дней».

Они договорились встретиться в девять тридцать и поужинать вместе. Джек не торопился опустошить свой бокал, желая остаться трезвым для Вероники. «Готов поспорить, – подумал Джек, – ни один из присутствующих не может похвастаться тем, что сегодня днем ему довелось выслушать угрозу, подобную произнесенной Брезачем».

– Возьмите, к примеру, меня, – произнес молодой режиссер-итальянец, стоявший возле Мосса и Деспьера; ради сотрудника посольства он говорил по-французски. – Во мне смешаны черты двух этнических групп, населяющих Италию. Посмотрите на мой затылок.

Он повернулся, демонстрируя слушателям заднюю часть своей головы.

– Он плоский. Я родился в Венеции, мой отец – венецианец. На севере Италии много швейцарцев, баварцев, тирольцев, это люди строгие, прямодушные, не отличающиеся красотой. Но лицом я похож на мать, она родом с Калабрии. Видите печальные темные сиротские глаза? Южный темперамент, чувство юмора, внезапные приливы энергии, долгие периоды бездействия. Обитатели севера практичны, они активны и, как большинство современных людей, не проявляют большого интереса к собственной личности. Южане – мечтатели и философы, лишенные деловой хватки, они – вымирающий интеллект Италии; без внешнего принуждения они никогда бы не стали пользоваться электрическими моторами или тракторами, они предпочли бы и поныне пахать деревянным плугом, приводимым в движение волон или ослом. Сочетание двух начал, воображения и деловитости, порождает взрывчатую, созидательную итальянскую смесь, способствующую реализации свежих идей. Дон Кихот и Эдисон, Генри Форд и Бенедетто Кроче³⁰. Мы в любой момент способны совершить удивительное открытие. Даже сейчас мы можем многому научить Европу. Например, мы первыми оправились от потрясений войны. Спрашивается, почему? Да потому, что быстро признали себя побежденными. Поражение для итальянцев – вещь естественная, мы смирились с ним, как люди мирятся с плохой погодой. Не удалось одно, сказали мы себе, займемся другим. Французы же, эти рассудительные французы, – он с усмешкой поглядел на Деспьера, – до сих пор делают вид, будто они не потерпели поражения. Они вечно стоят в агрессивной позе и готовы броситься на каждого, кто скажет: «Вы проиграли». Они столь усердно защищают мифическое прошлое, что никак не могут шагнуть в настоящее. Я скажу вам кое-что еще об итальянцах и французах. Мир отпустил нам, итальянцам, наши грехи так быстро, потому что мы раньше всех простили себя сами. Французы до сих пор не прощены – обратите внимание на ту горечь, что звучит и поныне в голосах ваших американских и английских друзей, а причина заключается в том, что французы сами не могут простить себе Ставиского, Блюма, линию Мажино, Петена, Лавалля, Дорио, даже Де Голля³¹, итальянцы тем временем охотно простили себе не только свои поражения, но и победы – Аддис-Абебу, Гернику, Албанию, Грецию, Муссолини и короля, вторжение во Францию и тайную капитуляцию после сдачи Сицилии.

³⁰ Бенедетто Кроче (1866–1952) – итальянский философидеалист, историк, литературовед, критик, публицист, политический деятель.

³¹ Французские политические лидеры 30-50-х годов.

Слушая интеллигентный голос с легким акцентом, Джек думал: «Где ты был, когда Муссолини ораторствовал с балкона, как высоко ты вскидывал руку?»

– Что касается немцев, – продолжал режиссер, отчаянно жестикулируя, усмехаясь, восторгаясь собой, своими доводами, вниманием недавних врагов, – они, конечно, не испытывают потребности прощать себе что-либо. Они чувствуют, что были, как всегда, правы – разве ход истории это не подтверждает? – просто их одолела еще большая сила. Немцы – счастливая нация; их дух укрепляют две могущественные силы – чувство собственной правоты и жалость к себе...

Джек отошел от режиссера, извергающего поток полуправды; его раздражал красивый, складно говорящий человек с густой темной шевелюрой, манипулирующий набором четко определенных категорий – север, юг, плоский затылок, округленный затылок, бесплодные мечты, практическая деятельность, победители, побежденные, прощенные и непрощенные; после третьего бокала всякому понятию легко находилось место на полочке.

Клара Делани, сидевшая у стены, затянутой шелком, улыбалась, делая вид, будто ее занимает то, о чем говорили по-итальянски люди, находившиеся неподалеку от нее. Она перехватила взгляд Джека и махнула ему рукой. Он подошел к ней и поцеловал ее в щеку. Лишенная привлекательности, мертвенно-бледная, худая Клара разменяла пятый десяток; она работала секретаршей Делани в годы его второго и третьего браков. У нее были выпуклые, слегка навывкате, темные глаза и обиженное выражение лица.

– Как дела, Джек? – спросила она своим сухим, скрипучим голосом. – Как семья? Как тебе удастся выглядеть так молодо? Ты больше не бываешь в Америке?

Джек старался как можно добросовестнее отвечать на все вопросы Клары; слушая его, женщина поминутно нервно посматривала через плечо на Делани, Барзелли и Тачино, которые беседовали, стоя у бара. Годы ничего не изменили, подумал Джек, Клара по-прежнему одна; она, как обычно, несет свою вахту бдительности, издали шпионя за мужем; сейчас жена Делани напоминала солдата, следящего за передвижением войск противника.

– Какое впечатление произвел на тебя Рим? – спросил Джек, немедленно переходя на банальности – неизбежная дань, отдаваемая миром Кларе Делани.

– Ненавижу его. Люди здесь такие фальшивые. Никто не скажет хотя бы одно искреннее слово. – Она указала скорбным кивком головы на мужа и Барзелли. – Он неисправим. Неизлечимая слабость к исполнительнице главной роли. Не может пропустить ни одну. Если бы Морис снимал фильм про убангийских каннибалов, он бы затащил в постель негритянку, играющую королеву людоедов.

– Ну, Клара, – пытаясь успокоить ее, сказал Джек, – я уверен, ты преувеличиваешь.

– Ха! – резко выдохнула Клара, не спуская глаз с мужа. – Преувеличиваю! Я могла бы сказать тебе, где я находила следы губной помады.

Клара никогда не относилась к числу женщин, хранящих в себе свои беды. Джек понял, что годы не сделали ее более сдержанной. Он сочувственно хмыкнул ей в ответ, боясь дальнейших признаний.

– Говорю тебе, Джек, если бы он не нуждался так во мне, я бы давно его оставила. Клянись тебе. Если теперешняя картина окажется удачной, я это, наверно, сделаю. Посмотрим, кто пожелает нянчиться с ним, как с ребенком, а когда в прессе появятся отрицательные рецензии, говорить ему, что он – великий режиссер. Знаешь, когда в Нью-Йорке состоялась премьера его последнего фильма, он три дня плакал в своей комнате, как дитя. В такие минуты он зовет меня, – сказала Клара с нотками удовлетворения в голосе, – тогда я становлюсь его единственной любовью, он говорит, что погиб бы без меня. Это происходит, когда он истекает кровью и мучается. Зато посмотрите на него сейчас – деньги уже два месяца текут на счет, все говорят: «Да, синьор Делани, нет, синьор Делани, как вам будет угодно, синьор Делани», слушают его истории и смеются его остроумиям, и он уже забыл, как рыдал в течение трех дней, забыл,

чем обязан мне. Он до того обнаглел, что не берет на себя труд, возвращаясь вечером домой, стереть помаду.

– Вообще-то, Клара, – произнес Джек, чувствуя, что дружеский долг обязывает его произнести слова утешения, – ты не можешь сказать, что не знала, за какого сложного человека выходишь замуж. Тебе это было известно лучше, чем кому-либо.

– Да-да, – согласилась Клара. – Я много лет лгала его женам. Точно так, как сейчас Хильда лжет мне. Но я надеялась, что теперь-то он изменится. В конце концов, ему уже пятьдесят шесть. А что ты скажешь о себе? – Она пристально посмотрела на Джека. – Ты не доводишь свою жену до безумия, нет?

– Ну, – осторожно начал Джек, – у нас, как у всех, есть свои проблемы.

– Таких проблем, как у меня, нет ни у кого, – подавленно сказала Клара. – Взгляни на нее.

Она презрительно скривила губы, указывая на Барзелли, которая стояла возле Делани; их плечи соприкасались.

– Вульгарная толстая итальянка. Хотела бы я посмотреть, во что она превратится, когда ей будет столько лет, сколько мне сейчас. Они совсем потеряли стыд. Не считают нужным что-либо скрывать от людей. Весь город уже в курсе. Ему наплевать, что о нем говорят.

Это одна из лучших черт Делани, подумал Джек, ему всегда было безразлично, что болтают о нем люди.

– И ведь не в том причина, что он вынужден искать уладу на стороне, – продолжала Клара. – Он теряет со мной голову. Спросите его, он вам скажет. Бог видит, я сейчас не красавица и никогда ею не была, но у меня по-прежнему фигура юной девушки...

Замолчав, она метнула на Джека яростный взгляд, как бы предлагая ему оспорить ее слова. Джек неторопливо зажег сигарету.

– Порой он вспыхивает страстью, – во всеуслышание заявила Клара. – Такую любовь, как правило, испытывают только в ранней молодости. Он бывает ненасытен. – Замолчав на мгновение, она неуверенно добавила: – Иногда. В некоторые месяцы.

«Рим, – подумал смущенный Джек. – Здесь всех тянет исповедоваться. Передо мной. Наверно, сейчас у меня на лице написана готовность отпустить грехи и сочувствовать».

– И это далеко не все. – Клара продолжила пересказ тысяча первой главы из нескончаемой книги, повествующей о любви, жалости к себе, самооправдании, ревности, тоске, чувстве собственности; эту историю начала писать сама жизнь в тот день, когда молодая некрасивая женщина переступила порог кабинета голливудской студии и произнесла: «Мистер Делани, меня направили к вам из стенографического бюро». Она понизила голос, словно информация предназначалась только для Джека, и ему пришлось приблизиться к ней, чтобы услышать слова, заглушаемые шумом, стоящим в гостиной. – Есть еще и работа. Кто, по-твоему, помогает ему доводить сценарии? Кто переписал заново сценарий этой картины?

Преступника всегда подмывает сознаться в содеянном, подумал Джек.

– Наши головы работают как единое целое, – прошептала Клара. – Когда мы трудимся вдвоем, мы ближе друг к другу, чем когда лежим в постели. Потом он отправляется на съемочную площадку, где какая-нибудь толстая шлюха вертит задом, и я ему больше не нужна. Он забывает о наших днях и ночах, проведенных над рукописью, забывает о...

Клара фыркнула. Потом, взяв себя в руки, улыбнулась.

– Я не жалуюсь. Не жаловалась раньше и не собираюсь делать это впредь. На сей раз результат оправдывает все жертвы. Ты ведь читал сценарий, да? Видел отснятый материал?

– Да, – сказал Джек.

– Он прекрасен, – умоляющим тоном произнесла она. – Правда ведь?

– Да, – подтвердил Джек. – Он прекрасен.

– Эта картина сыграет решающую роль в его карьере, – доверительно промолвила Клара. – Она вознесет его на вершину. Ты со мной согласен?

– Конечно.

«Моя дружба с Делани не обязывает меня быть искренним с его женой», – подумал он.

– Ты слышал, ему предлагают снять в Риме по контракту три фильма, – гордо заявила Клара.

– Мистер Холт что-то говорил мне об этом.

– Я подыскиваю здесь квартиру на год. С хорошей поварихой. Чтобы по вечерам его тянуло домой. Если у него будет постоянная, надежная крыша над головой, он угомонится. Последние годы были такими...

Она замолчала, бросив задумчивый взгляд на Делани и Барзелли.

– Знаешь, что я сейчас сделаю, Джек? Я уйду отсюда. Морис не любит, когда я, как он говорит, проявляю собственнические чувства. Незаметно скроюсь. С таким человеком, как он, надо уметь обращаться, Джек. Надо знать, когда можно становиться на его пути, а когда – нет. Не говори никому о моем уходе.

Она протиснулась сквозь толпу к двери и исчезла. Через два часа Делани начнет лениво озираться по сторонам, ища ее, потом пожмет плечами и уйдет вместе с Барзелли, радуясь тому, что ему не придется выдумывать предлог, чтобы отправить жену домой одну.

Джек вздохнул. «А ведь было время, – подумал он, – когда я считал, что люди ходят на вечеринки ради удовольствия».

Он ощутил чье-то легкое прикосновение. Это была миссис Холт, сопровождаемая, как всегда, своим мужем.

– Вы так добры, что пришли к нам, – ангельским голосом виновато произнесла миссис Холт. – У вас, верно, столько дел в Риме, столько знакомых, которых надо повидать...

– Вовсе нет. – Джек пожал руку Холта.

Американец был в строгом атласном пиджаке, явно сшитом в Риме, а миссис Холт была единственной из женщин, кто надел вечернее платье. Девичье, нежно-голубое, оно подходило к ее голосу; на плечах миссис Холт лежала легкая узорчатая шаль. Она постоянно поправляла ее руками.

– Я тут почти никого не знаю, – сказал Джек. – Кстати, Сэм, насчет нашей вчерашней беседы...

– Да, – отозвался Холт, бросив испуганный взгляд на жену. – Если это сложно...

– Я говорил с одним человеком из консульства, – продолжил Джек. – С мистером Керном. Вам надо зайти к нему. Он, кажется, может чем-то помочь.

Холт просиял:

– Вы весьма любезны, Джек. Так быстро сделали это.

– Ему требуются кое-какие сведения. – Джек не хотел вдаваться в подробности. – По моему, будет лучше, если теперь вы сами побеседуете с ним.

– Конечно, конечно, – согласился Холт. – Это о детях, – пояснил он жене.

– У них такой грустный вид. – Глаза миссис Холт увлажнились. – Они поразительно вежливые. У меня просто сердце разрывается, когда я гляжу на них. После последнего визита я не могла уснуть всю ночь. Несчастные, печальные маленькие леди и джентльмены в ужасных черных одеждах. Мне хотелось взять их всех к себе.

– Джек, хочу спросить вас – вы всю жизнь собираетесь оставаться на государственной службе?

– Ну, – удивленно произнес Джек, – я не задумывался на сей счет. Я не прикован цепями, если вы имеете в виду это...

– Я вот о чем подумал. Если бы вам сделали выгодное, очень выгодное предложение, вы не отвергли бы его с ходу?

– Наверно, нет. – Джек подумал, не собирается ли Холт пригласить его в свою фирму после часовой беседы в клубе и короткой прогулки вдоль Тибра. – Я свободен, как и всякий

другой человек. Честно говоря, я не думал на эту тему. Ничего исключительно заманчивого последние десять лет мне не подворачивалось.

– Отлично, – четко произнес Холт, словно они только что уже скрепили договоренность рукопожатием. – Рад это слышать.

– Я хочу вам кое-что поведать, Джек, – улыбнулась миссис Холт. – Когда мы вернулись из клуба домой, Сэм сказал: «Этот молодой человек мне симпатичен. В нем есть какая-то надежность. Он не похож на прочих американцев, много лет проживших за границей, – легкомысленных, развязных и циничных».

– Ну, – серьезно сказал Джек, – это приятно слышать. Особенно про молодого человека.

– Не знаю, сколько вам лет, Джек, но выглядите вы очень молодо.

– Спасибо, Берта. – Джек подумал: «Не попросить ли ее поговорить обо мне с Брезачем?»

– Мы очень рады видеть вас у себя, – сказал Холт. – Вы знаете, где мы живем. Вы здесь всегда желанный гость. К тому же, – он гордо окинул взглядом всех, кто пил его спиртное, – у нас вы сможете познакомиться с замечательными людьми.

– Я приобретаю тут новый интеллектуальный опыт, – заметила миссис Холт. – Я чувствую, как расширился мой кругозор после прибытия в Рим. Представляете, до этого вечера я никогда не видела настоящего живого композитора, сочиняющего современную музыку.

Они поплыли, излучая радушие, навстречу только что прибывшему сицилийскому писателю, который недавно выпустил книгу о войне: главным отрицательным героем ее был капитан американской армии.

– Джек. – Его плеча коснулся Деспьер. – Я надеялся, что ты придешь сюда.

– Я не успел поздороваться с тобой. – Джек пожал руку француза. – Пытался понять, кто я – круглоголовый вымирающий мыслитель или Генри Форд с плоским затылком.

Деспьер усмехнулся:

– Этот итальянец мне нравится. У него хотя бы есть теории. Ты удивишься, как часто я вижу нынче людей, которые не желают строить никаких теорий.

– Да, кстати, – небрежным тоном сказал Джек, – я тут встретил парня, который отрекомендовался твоим другом. Его фамилия Брезач.

– Брезач? – Деспьер сдвинул брови, напрягая память. Потом убрал со лба прядь волос. – Моим другом?

– Так он представился, – невозмутимо произнес Джек.

– Что ему от тебя понадобилось?

– Ничего, – соврал Джек. – Случайное знакомство.

– Будь с ним осторожен, – предупредил Деспьер. – Однажды он пытался покончить с собой в чужой ванной. Он очень вспыльчив. На моих глазах он как-то залепил пощечину Веронике в ресторане, когда она улыбнулась кому-то из старых приятелей.

– А как она отреагировала на его поступок? – Джек не поверил Деспьеру.

– Перестала улыбаться.

Деспьер огляделся по сторонам и отвел Джека в угол.

– Можешь кое-что для меня сделать, Джек? – спросил Деспьер своим обычным голосом, но глаза его стали серьезными, они испытующе смотрели на Джека.

– Конечно, – ответил Джек. – Что именно?

Деспьер вытащил из внутреннего кармана длинный заклеенный конверт:

– Пусть он временно полежит у тебя. – Он протянул конверт Джеку.

Джек сунул пухлый конверт к себе в карман.

– Что я должен с ним сделать?

– Просто сохрани. Я вернусь и заберу его.

– Откуда вернешься?

– Завтра я уезжаю в Алжир. Утром получил телеграмму из редакции. Им требуется статья. Я проведу там шесть-семь дней. Ты ведь еще не уедешь?

– Нет.

– Газета заказала мне материал на пару тысяч слов о зверствах, которые творятся в Алжире, – пояснил Деспьер. – Я специалист по насилию. Такой человек, как я, имеется в каждой уважающей себя современной редакции. Спасибо. Ты славный парень.

– Больше ничего не хочешь мне сказать?

Деспьер пожал плечами.

– Ну... – протянул он, – если я не вернусь, вскрой его.

– Послушай, Жан-Батист... – начал Джек.

– Знаю, это несерьезная война, – рассмеялся Деспьер, – но, говорят, там стреляют настоящими пулями. И вообще, специалист по насилию должен предусмотреть все возможные потери. Да, вот еще что. Не говори никому, что я отправился в Алжир. Никому, – медленно повторил он.

– А где ты? Если спросят.

– В Сент-Морице. Там хороший снег. В гостях у друзей. Их адрес тебе неизвестен.

– А что со статьей о Делани?

– Я закончу ее, когда вернусь. Это двадцатый век – насилие важнее искусства. – Деспьер посмотрел на часы. – Я опаздываю.

Он похлопал Джека по плечу; на его лице появилась дружелюбная, мальчишеская улыбка, в ней не было ничего злого. Повернувшись, Деспьер направился сквозь подогретую алкоголем толпу гостей на свою несерьезную войну.

Джек проводил взглядом невысокого покачивающегося человека в безукоризненно скроенном итальянском костюме. Он заметил, что француз ни с кем не попрощался.

Джек коснулся рукой оттопыривающегося кармана. Увесистый пакет вселял тревогу.

Внезапный порыв заставил Джека броситься к двери, за Деспьером. На какую бы войну ни уезжал человек, он заслуживает того, чтобы его друг ушел с вечеринки и проводил его. Хотя бы до такси.

Но у двери путь ему преградила многочисленная компания вновь прибывших гостей, и не успел Джек протиснуться сквозь нее, как чья-то рука крепко схватила его за плечо и потянула назад.

– Привет, братишка, – сказал Стайлз. – Весь вечер собираюсь с вами поздороваться.

– Если позволите, в другой раз.

Джек попытался высвободиться, не привлекая внимания окружающих, но крупный Стайлз сжал его плечо еще сильнее.

– Нельзя так обращаться со старыми друзьями, братец. Только не говорите, будто вы меня не помните, мистер Роял.

– Я вас помню, – произнес Джек.

Он попытался высвободиться из цепкой хватки Стайлза, но актер с поразительной быстротой преградил ему путь к двери. Мужчины посмотрели друг на друга. На лице Стайлза появилась пьяная агрессивная улыбка, не предвещавшая ничего хорошего. Он явно был готов устроить скандал. «Ладно, – подумал Джек. – Наверное, мне уже все равно не догнать Деспьера».

– Что вам угодно? – сухо произнес Джек. В присутствии актера он испытывал смущение, чувство вины.

– Кажется, нам есть о чем потолковать. – У Стайлза была странная манера говорить, он почти не раскрывал рта, словно боясь выдать степень своего опьянения. – Об искусстве, игре актера и связанных с ними вещах. Я ваш давнишний поклонник. В молодости пытался

имитировать ваш голос. – Он выдавил из себя деланный смех. – А теперь вам платят за то, что вы имитируете мой голос. Жизнь подшучивает над нами, а, Джек?

Стайлз закачался; приблизившись к Джеку и обдав его запахом джина, он нечаянно плеснул из бокала себе на брюки.

– Вы ведь не станете этого отрицать, Джек? Тайные уединения в студийном зале. Вы слыли честным человеком, Джек, признайтесь, я прав?

– Я не собираюсь ничего отрицать.

– Вы видели мою игру. Сегодня вы – крупнейший в мире знаток моей игры, – громко произнес Стайлз. – Подскажите, что я должен сделать, чтобы улучшить ее?

– Пожалуйста. Вступите в Общество анонимных алкоголиков.

– Спасибо, – глухо сказал Стайлз. – Вы мне очень помогли. Моя мать твердит то же самое. – Он шумно отхлебнул martini. – Скажите, – продолжил он, – как будет звучать мой голос? Услышат ли в нем зрители искренность и волнение? Горечь и силу? Мужество и грусть? Понравлюсь ли я девушкам, Джек? Моя судьба в ваших руках. Отнеситесь к этому серьезно.

– Я отношусь серьезно к любой работе, – заявил Джек.

– Когда картина выйдет на экран, я, возможно, вчиню вам иск – за иск-кажение художественного образа. – Стайлз громко засмеялся над своим каламбуром. – Тысяч на пятьсот. Эти полмиллиона будут для меня не лишними. Особенно когда станет известно, что в Риме режиссер пригласил какого-то клерка дублировать мою роль. Дома цена на меня здорово подскочит, верно?

– Прекратите паясничать, – сказал Джек; облитый джином, пахнувший перегаром, вцепившийся в него актер, который приблизил свою искаженную гримасой физиономию к лицу Джека, уже начал порядком раздражать его. – Вам некого винить в своих неудачах, кроме самого себя.

– Самая печальная фраза из всех когда-либо произнесенных и написанных. – Рот Стайлза растянулся в улыбке, на губах пузырилась слюна.

Сделав неловкое движение рукой, он задел бокалом плечо Джека. Бокал упал на пол и разбился. Стайлз даже не поглядел на осколки.

– Так им и надо. – Актер воинственно посмотрел по сторонам. – Мерзавцы даже не пригласили меня. Я тут – пария. Меня сторонятся как прокаженного. Но я все равно пришел. И у них не хватило духу сказать: «Вали отсюда, приятель, эта вечеринка – только для леди и джентльменов». Я пришел из-за вас, Джек. Я ваш старый поклонник. Захотел увидеть вас. Вы тронуты?

– Почему бы вам не пойти домой и не проспать?

– Вы ничего не понимаете, Джек. – Стайлз скорбно покачал головой. – Большой, взрослый человек, а ничего не понимаете. Чтобы заснуть, мне надо выпить еще кварту...

– Желаю хорошо провести время.

Джек собрался отойти, но Стайлз своими дрожащими, но цепкими пальцами удержал его за рукав пиджака.

– Минуту, Джек. У меня есть предложение. – Его голос понизился до громкого, хриплого шепота. Губы как-то обмякли, расслабились. – Уезжайте. Уезжайте из города. Скажите этому подонку Делани, что передумали. Что вам мешает гордость. Что ваша жена при смерти. Что угодно. Уезжайте сегодня вечером. А, Джек? Я компенсирую ваши потери, сколько бы они ни собирались вам заплатить. Из моего собственного кармана, – с отчаянием произнес он; Стайлз поморгал, словно пытаясь удержать слезы, глаза его налились кровью. – Устройте себе отпуск. За мой счет. Если согласитесь, я дам вам обещание до окончания работы над картиной не притрагиваться к бутылке.

Стайлз замолчал и отпустил рукав Джека. Затем громко рассмеялся и вытер рот.

– Я, конечно, пошутил. Черта с два, я не дам вам и цента. Я хотел увидеть вашу реакцию. Какое мне дело до всего этого? Фильм в любом случае получается дерьмовый. Может быть, я найму вас дублировать мой голос во всех моих будущих картинах. Возможно, я обрету новую жизнь в кинематографе. Не скучайте в Риме, братец.

Хлопнув Джека по плечу, он отошел к окну, распахнул его и замер перед ним, всматриваясь в темную улицу, вдыхая свежий воздух, широко улыбаясь.

Джек собрался уйти, хотя до свидания с Вероникой еще оставалось время, но тут заметил, что Делани жестом подзывает его к себе. Вдыхая аромат духов, он пробрался сквозь беседующих гостей.

– Что этот мерзавец Стайлз говорил тебе? – спросил Делани, когда Джек подошел к нему.

– Он пожаловался, что его сюда не пригласили.

– Это не помешало ему явиться, верно? – заметил Делани. – Что-нибудь еще он сказал?

– Обещал заплатить мне, если я уберусь из города. Чтобы остановить дублирование.

– Значит, ему все известно.

– Морис, – снисходительно улыбаясь, сказал Тачино. – Что вы хотите? Это Рим. Последние три тысячи лет здесь никому не удавалось сохранить что-либо в тайне.

– Если он что-нибудь выкинет на съемочной площадке, я дам ему по физиономии. – Делани посмотрел на стоящего у окна Стайлза.

Тачино бросил пренебрежительный взгляд на актера:

– Отныне он будет вести себя хорошо. Я задержал ему на месяц выплату гонорара. У него нет денег на выпивку.

– Теперь я бы голосовал за «сухой закон». Особенно для актеров и писателей. – Делани пожал плечами, как бы закрывая тему, и воинственно добавил: – А еще Клара. Я видел, как она что-то шептала тебе. Что у нее на уме?

– Она собирается нанять хорошую повариху, – сообщил Джек, – чтобы по вечерам тебя ждал дома превосходный обед.

– О господи, – вырвалось у Делани, а Барзелли негромко рассмеялась. – Повариху. Тогда я заточу себя в четырех стенах и буду выходить на волю только к началу съемок.

– Джек, друг мой, – Тачино погладил Эндрюса по плечу, – я просто счастлив. Морис сказал мне, что вы дублируете роль превосходно, с большим чувством.

– Морис – обманщик, – произнес Джек.

– Мы все это знаем, – согласился Тачино. – Морис – обманщик. Иначе что бы он делал в Риме?

Он засмеялся, гордясь своим городом.

– Здравствуйте, Джек.

Незаметно появившийся откуда-то Браттон, актер, который не мог больше работать в Голливуде, присоединился к ним. Он радостно, возбужденно хлопнул Джека по плечу и остановился, протягивая руку. На его печальном, напряженном лице застыла неуверенная улыбка.

– Вы меня помните, Джек?

– Конечно. – Эндрюс пожал ему руку.

– Я слышал, что вы в Риме, – сказал Браттон.

Он торопливо произносил слова хриплым голосом; Браттон явно стремился продемонстрировать добродушие и непринужденность, но всем, в том числе и самому актеру, была очевидна тщетность его потуг. На лбу у него выступили капельки пота. Он напоминал человека, пытающегося попасть на спортивные соревнования по поддельному билету.

– Все дороги ведут в Рим, верно, Джек? – произнес Браттон.

Он громко рассмеялся и тут же, как почувствовал Джек, пожалел об этом.

– Здравствуйте, мистер Делани. – Браттон повернулся к Морису, протягивая ему руку. – Я недавно спросил себя: «Когда же мистер Делани решит, что ему нужен хороший актер, и позовет меня?» Знаете, я еще не забыл английский язык.

– Здравствуйте, Браттон, – бесстрастно сказал Делани, не желая замечать протянутой руки.

Пот блестел на лбу Браттона; актер смущенно поморгал:

– Я протянул вам руку, мистер Делани.

– Вижу, – отозвался режиссер.

Тассети придвинулся к Делани, наблюдая за ним с удовольствием и интересом. Тассети жил ради подобных сцен, он улыбнулся, готовый в любой миг защитить своих хозяев, покарать их обидчика, выполнить свои функции сторожевого пса.

Браттон опустил руку. Сделал пару резких вдохов, издавая свистящий звук.

– Джек пожал мою руку, – громко произнес Браттон. – Он не строит из себя гордеца. Хоть и занимает ответственный пост.

– Джек – дипломат. – Делани смерил Браттона ледяным взглядом. – Ему приходится пожимать руки всяким негодьям, которые протягивают их.

– Прикусите язык. Я не позволю так разговаривать со мной.

Делани повернулся спиной к актеру и, нежно коснувшись руки Барзелли, сказал ей:

– Ты сегодня прекрасно выглядишь, carissima³². Мне нравится твоя новая прическа.

Браттон снова оказался перед Делани; Джек заметил, как сжались кулаки Тассети в предвкушении работы.

– Я скажу, что о вас думаю, – обратился актер к Делани. – Вы втайне симпатизируете коммунистам. В Голливуде осталось много таких, как вы. В последний раз, когда я был там, я заглянул в «Чейзенс». Проходя мимо одного из столиков, я повернул голову в сторону, и кто-то плеснул в меня содержимым своего бокала... Там сидели шесть магнатов кинобизнеса, спонсоров республиканской партии, и когда я спросил их, кто это сделал, они только рассмеялись...

– Успокойтесь. – Джек испытывал стыд за кинобизнес, за американцев, находящихся в Штатах и за рубежом. Он коснулся рукава Браттона. Актер дрожал. – Делани не способен делать что-либо втайне. Всем известно, что он был противником коммунизма в те годы, когда вы каждый вторник ходили на собрания. Почему бы вам не отправиться домой?

– Комиссия вручила мне свидетельство о том, что с меня сняты все обвинения, – испуганно заявил Браттон. – Заслушав мои показания, они пожали мне руку и сказали, что я – истинный патриот Америки, который осознал свою вину и нашел в себе мужество искупить ее. Я могу показать вам документ.

– Комиссия выдала бы карантинное удостоверение тифозной вши, – заметил Делани, – если бы та помогла, как вы, поймать другую тифозную вошь. Я думаю, что в душе вы по-прежнему коммунист, если вы вообще способны иметь какие-то убеждения. Вы – трус, заговоривший, чтобы спасти свою шкуру; вы предали многих несчастных из числа ваших бывших друзей, самый отважный поступок которых заключался в подписании в 1944 году приветственного послания, адресованного русской армии. Мне жаль вас, но я нежимаю руки из жалости. Если вы на мели и нуждаетесь в подаянии, зайдите завтра в мой офис, я дам вам несколько долларов; я всегда считаю своим долгом спасти от голодной смерти любого актера, даже такого плохого, как вы, поскольку получаю доходы благодаря их труду. А теперь убирайтесь отсюда, вы и так уже всем здесь надоели.

– Мне следовало бы ударить вас, – прошептал Браттон, не поднимая висящих вдоль туловища рук.

³² Дорогая (*ит.*).

– Попробуйте, – тихо сказал Делани и повернулся к Барзелли: – Пойдем выпьем, carissima.

Делани взял актрису под руку, и они направились к бару. Тассети улыбнулся, с удовольствием наблюдая за Браттоном. Тачино пожал плечами.

– Вот что я скажу, – заявил продюсер. – Я никогда не пойму Америку.

Готовый расплакаться Браттон вытер лоб зеленым шелковым платком, суетливо переводя взгляд с одного лица на другое.

– Его самовлюбленность беспредельна, – громко заявил актер. – Делани еще получит по заслугам.

Он вымученно улыбнулся, обнажив зубы.

– Не стоит принимать всерьез слова такого эгоиста. – Браттон махнул рукой, изо всех сил стараясь скрыть обиду. – Мы еще увидимся, Джек. Я приглашу вас пообедать. Покажу вам, как живут бедняки.

Он бросил последний умоляющий взгляд на стоящих рядом с ним мужчин. Никто не произнес ни слова. Тассети сунул руки в карманы, разочарованный тем, что ему не пришлось применить силу. Браттон повернулся и отошел, неуклюже изображая своей походкой раскованность и безразличие; он направился к двум молодым итальянским актрисам, беседовавшим друг с другом в углу комнаты. Браттон заговорил с ними, жестом собственника обняв обеих за плечи. Его громкий смех разнесся по гостиной, перекрывая шум голосов.

– В чем дело? – спросил Тассети на ломаном французском языке; Делани с трудом понял сицилийца. – Делани увел у него девушку?

– Возможно, – ответил Джек.

Пожав руки Тачино и Тассети, он зашагал к двери. «С меня довольно», – подумал Джек.

В прихожей, ожидая, когда ему подадут пальто, он заметил хорошенькую студентку колледжа. Она сидела, согнувшись, на мраморной скамейке у стены и плакала. Ее губа кровоточила, девушка прикладывала к ней розовую салфетку. Две подружки стояли перед студенткой с озабоченными лицами, пытаясь спрятать ее от глаз прибывающих и уходящих гостей. Из вежливости Джек не стал разглядывать девушку и лишь на следующий день узнал, что она оказалась в одной из спален с юным итальянским графом, который повалил американку на кровать и укусил в губу, когда она попыталась помешать ему поцеловать ее. Ей наложили два шва.

Глава 13

Наступило время прилива, и Средиземное море медленно наступало на пляж. Джек и Вероника сидели у подножия дюны, защищавшей их от порывов ветра. Погода была не по сезону теплая. Близилась полночь, и в стоявших на побережье домиках, большая часть которых пустовала зимой, светилось лишь несколько окон. После шума и суеты вечеринки Джеку показалось заманчивым предложение Вероники пообедать во Фреджене. Они поели в небольшом загородном *trattoria*³³, выпили графин сухого красного вина, а потом отправились на край сосновой рощи, тянувшейся вдоль пустынного песчаного пляжа. Джек обнял Веронику за талию; опьяненные запахами морской воды и сосен, они любовались лунной дорожкой.

Картина называется, умиротворенно подумал Джек, «Влюбленные у берега моря». Сейчас Делани, Барзелли, Стайлз и Браттон, все конфликты и проблемы казались ему бесконечно далекими.

– Я вот что подумала, – сказала Вероника, – наверно, мне следует переехать в Париж.

Она замолчала, прижавшись головой к Джеку; он знал, что сейчас Вероника ждет его слов: «Да, тебе следует переехать в Париж». Но он не произнес их.

– Я устала от Рима. Не могу же я постоянно скрываться от Роберта. В конце концов он отправит мне жизнь.

– На приеме Деспьер сказал мне, что однажды Брежач ударил тебя в ресторане. Это правда?

– Да, – смеясь, подтвердила Вероника. – Однажды.

– Что ты сделала?

– Я сказала ему, что, если это повторится, я уйду от него. Он больше так не поступал, а я все равно оставила его. – Вероника снова засмеялась. – Роберт мог бы не отказывать себе в удовольствии.

Девушка зачерпнула свободной рукой песок и стала сыпать его тонкой стружкой.

– Я говорю по-французски. Меня бы взяли в бюро путешествий. Ежегодно Италию посещают миллионы французов. – Вероника на мгновение задумалась. – Мне всегда хотелось жить в Париже. Я бы нашла маленькую квартирку, а ты бы навещал меня.

Джек смущенно пошевелился. Он увидел себя торопящимся поскорее покинуть свой офис, проклиная за рулем автомобиля вечерние парижские пробки, взбирающимся наверх по шаткой лестнице дома, находящегося где-нибудь в районе Сен-Жермен-де-Пре; вот он занимается любовью с Вероникой, стараясь не смотреть на часы, затем покидает ее, замечая на лице девушки огорчение и укор. Потом спешит домой, чтобы поцеловать Элен, пожелать детям спокойной ночи, пока они не уснули, по дороге сочиняя, что ответит Элен, когда она, подавая предобеденную рюмку, спросит его: «Сколько часов длится твой рабочий день, дорогой?» *Cinq a sept*³⁴ – так называют это французы; многим из них, как мужчинам, так и женщинам, подобные свидания не осложняют жизнь и приносят удовольствие.

– Ты не хочешь, чтобы я переехала в Париж, – произнесла Вероника.

– Конечно, хочу, – почти не кривя душой, заверил ее Джек. – С чего ты это взяла?

– Ты так странно молчишь.

«О господи, еще одна женщина пытается угадать, что скрывается за моим молчанием», – подумал он.

– Я глупая. Не хочу принимать правила нашей игры.

– Что ты имеешь в виду?

³³ Ресторанчик, трактир (*ит.*).

³⁴ С пяти до семи (*фр.*).

– Все кончится в ту минуту, когда я посажу тебя на самолет в Чампино. – Она улыбнулась в темноте. – В учебниках географии это называется естественной границей: Рейн, Альпы. Чампино – наш Рейн, наши Альпы, верно?

– Послушай, Вероника, – тщательно подбирая слова, произнес Джек. – У меня в Париже жена. И я ее люблю.

«Для данной беседы эта фраза достаточно точна», – мысленно заметил он.

Вероника пренебрежительно фыркнула:

– Я устала от мужчин, которые спят со мной и говорят мне о том, как сильно они любят своих жен.

– Упрек принят. Отныне я никогда не стану говорить кому-либо о том, что люблю жену.

– Тут ты отличаешься от итальянцев, – заметила Вероника. – Они всегда говорят, что ненавидят своих жен. Часто это правда. В Италии разводы запрещены, поэтому мужчины могут позволить себе говорить любовницам, что ненавидят своих жен. Американцам приходится быть более осторожными.

Они замолчали, испытывая неловкость и некоторую враждебность друг к другу. Затем Вероника начала тихо напевать.

– *Volare, oh, oh! Cantare... oh, oh, oh, oh, nel blu, dipinto di blu, felice di stare lassu...*³⁵ –

Она резко, грубовато рассмеялась. – Любовная песня для туристического бизнеса.

Вероника нарочито вялым голосом пропела с иронической интонацией еще две-три строки, затем освободила свою руку из руки Джека и замолчала.

Джек почувствовал, что его начинают раздражать переменчивые и растущие претензии Вероники, ее внезапно насмешливый тон.

– Ты кое-что сказала минуту назад, хочу тебя спросить об этом.

– О чем? – небрежно промолвила Вероника.

– Ты сказала, что устала от мужчин, которые спят с тобой и говорят тебе о том, как сильно любят своих жен.

– Верно, – согласилась Вероника. – Это тебя обидело?

– Нет. Но, по словам Брезача, до встречи с ним ты была девушкой.

Вероника рассмеялась.

– Американцы готовы поверить во что угодно. Это проявление их оптимизма. Ну и что? – с вызовом в голосе произнесла она. – Ты бы предпочел, чтобы до встречи с Робертом я была девушкой?

– Мне это совершенно безразлично. Просто стало любопытно. Ты недовольна, что я заговорил об этом?

– Все нет. – Вероника взяла руку Джека и нежно поцеловала его пальцы.

– Деспьер сказал мне, что Брезач однажды пытался покончить жизнь самоубийством. – Джек почувствовал, что Вероника замерла. – Это правда?

– Можно сказать, что да.

– Из-за тебя?

– Не совсем. Он ходил к психоаналитику еще до знакомства со мной, чтобы избавиться от стремления к смерти. К какому-то австрийцу из Инсбрука. Доктору Гильдермейстеру. – Вероника произнесла фамилию врача, насмешливо имитируя немецкий акцент. – Мне пришлось тоже сходить к нему, когда я переехала к Роберту. Вот что он мне сказал: «Должен предупредить вас – у Роберта весьма неустойчивая психика». Тоже мне, открыл Америку.

– Что еще он сообщил?

– По его мнению, Роберт склонен к насилию, жертвой которого может стать он сам или я. *Volare... cantare...* – запела она.

³⁵ Я лечу и пою под лазурным небосводом... (ит.).

Вероника повернулась, обняла Джека и притянула его к себе; потом откинулась спиной на песок, не выпуская Джека из объятий.

– Я приехала сюда с тобой, – прошептала она, – не для того, чтобы говорить о ком-то другом.

Девушка поцеловала Джека и коснулась пальцами его щеки.

– Знаешь, чего я хочу? Я хочу, чтобы ты любил меня. Сейчас. Здесь.

Джек едва не поддался соблазну. Затем он представил их лежащими без одежды на холодном песке; на пляже могли появиться люди. Нет, подумал он, это забавы для молодых. Ласково поцеловав Веронику, он сел:

– В другой раз, дорогая. Какой-нибудь теплой летней ночью.

Вероника лежала, не двигаясь, подложив руки под голову, глядя на небо. Затем внезапно поднялась:

– Какой-нибудь летней ночью. Смотри, когда-нибудь я перестану проявлять инициативу.

Ее голос звучал недовольно, сердито; она поправила юбку, стряхнула песчинки, не глядя на Джека. Он нерешительно встал, уже начиная жалеть о своей осторожности. Вероника молча повернулась и быстрыми шагами направилась к оставленному под деревом автомобилю. Джек неторопливо проследовал за ней; несмотря на раздражение, он любовался легкой, раскованной походкой девушки; Вероника шла по песку босиком, держа туфли в руке.

Они сели в машину. Джек завел мотор. Когда Вероника предложила поехать к морю, он отпустил Гвидо на весь вечер. Зажженные фары выхватили из тьмы зловещие деревья, которые окружали автомобиль. Дорога была узкой, ухабистой, Джек вел «фиат» медленно, молча; он заметил, что Вероника прижалась к правой двери, держась от него на максимальном расстоянии.

Лишь когда он вырулил на шоссе, ведущее в Рим, девушка снова заговорила:

– Скажи мне, сколько раз ты был женат?

– Почему тебя это интересует?

– Если не хочешь, можешь не отвечать.

– Три раза.

– О господи, – сказала она.

– Вот именно. О господи.

– Это нормально для Америки?

– Не совсем.

– Какой была твоя первая жена?

– Зачем это тебе?

– Я хочу знать, как ты будешь говорить обо мне, когда мы расстанемся. Она была хорошенькая?

– Очень.

Фары встречного автомобиля ослепляли Джека; выждав, когда машины разминутся, он продолжил:

– Но характер у нее был несносный.

– Обо мне ты тоже так скажешь? – спросила Вероника.

– Нет. Я никогда не говорил так о других моих женщинах. Только о первой жене.

– Почему ты женился на ней?

– Мне не удавалось получить ее иным способом, – пояснил Джек, глядя на дорогу и вспоминая прошлое с его странными решениями, бессмысленными жертвами, неодолимыми, губительными желаниями.

– Тогда ты не знал, что у нее несносный характер?

Вероника подложила одну ногу под себя на сиденье; она с интересом смотрела на Джека, охотно слушая его признания; в ее глазах горела женская страсть к сплетням.

– У меня были некоторые подозрения, но я заставил себя забыть о них. К тому же я думал, что мне удастся переделать ее после свадьбы.

– А какой она была?

– Глупой, ограниченной собственницей, ревнивой, бездарной...

– Ты добился успеха?

– Нет, конечно. – Джек еле заметно усмехнулся. – Она стала только хуже.

– И она действительно отказывалась спать с тобой до свадьбы? – недоверчиво спросила Вероника.

– Да.

– Она что, была итальянкой?

Джек громко расхохотался и похлопал Веронику по колену:

– Ты забавная девушка. По-твоему, все плохое – обязательно итальянское.

– У меня есть основания так говорить, – заявила Вероника. – Так она правда была итальянкой?

– Нет.

Вероника удивленно покачала головой:

– Я считала, что в Америке такого не бывает.

– В Америке бывает все, – возразил Джек. – Как и в других местах.

– Твоя жертва не была напрасной? – с любопытством спросила Вероника. – Я имею в виду женитьбу ради...

– Конечно, была, – ответил Джек.

– Что ты сделал, влюбившись в другую женщину?

– Сел в самолет – я находился тогда в Голливуде, а жена с ребенком оставалась в Нью-Йорке – и, прилетев к ней, сказал, что встретил другую женщину и собираюсь завести с ней роман.

– погоди, – изумленно произнесла Вероника. – Ты хочешь сказать, что предупредил ее заранее?

– Да, – ответил Джек.

– Но зачем?

– У меня были своеобразные представления о чести, – сказал Джек. – В те годы.

– И она сразу дала тебе развод?

– Нет. Я же сказал тебе, что она была глупой, ограниченной собственницей. Она согласилась на развод спустя шесть месяцев, когда сама собралась вновь выйти замуж.

– У вас был ребенок. Мальчик?

Джек кивнул.

– Где он сейчас? – спросила Вероника.

– В Чикагском университете. Ему двадцать два года.

– Какой он?

Джек помедлил с ответом. Ну и вопрос, подумал он.

– Он очень умный, – уклончиво сказал Джек. – Пишет диссертацию по физике на соискание ученой степени Д.Ф.

– Д.Ф., – повторила Вероника. – Что это значит?

– Доктор философии.

– Он тебя любит?

Джек снова заколебался:

– Вряд ли. Доктора философии в наше время не любят своих отцов. Поговорим о чем-нибудь другом.

– Почему? Разговор о твоём сыне причиняет тебе боль?

– Наверно, – ответил Джек.

– А что скажешь о той женщине из фильма? – спросила Вероника. – Как ее зовут?

– Карлотта Ли.

– Ты был на ней женат?

– Да.

– Она принесла тебе счастье?

Джек улыбнулся – фраза, произнесенная Вероникой, казалась дословным переводом с итальянского.

– Да, она принесла мне счастье.

– И все же ты развелся с ней, да? – Вероника удивленно покачала головой. – Должно быть, очень трудно разводиться с такой красивой женщиной.

– Не так уж и трудно. К тому же, когда мы разводились, она уже не была так красива. Это ведь случилось после войны. И она была старше меня...

– Тем не менее...

– Она постаралась облегчить мои страдания, – сказал Джек. – Для этого она спала со всеми моими друзьями, врагами, моими знакомыми, чьими-то знакомыми...

– Она, наверное, была очень несчастна, – тихо промолвила Вероника.

– Наоборот, – возразил Джек. – Это делало ее очень счастливой.

– Ты ее ненавидишь?

– Возможно. Во всяком случае, тогда, помню, я ее ненавидел.

– А твоя теперешняя жена?

– Кажется, ты не хотела, чтобы я говорил о ней.

– Я передумала. Не говори мне о том, как сильно ты ее любишь. Просто расскажи, какая она.

– Она миниатюрная, красивая, с нежным, музыкальным голосом, а еще волевая, ловкая, женственная, заботливая. Она опекает меня, управляет мной; дети слушаются ее беспрекословно. Когда я впервые встретил ее, мне показалось, что в ней соединены все типично французские добродетели и лучшие черты французского характера.

– А теперь? – спросила Вероника. – Какого ты сейчас о ней мнения?

– Оно не изменилось очень сильно.

– И тем не менее ты спишь с другими женщинами, – с вызовом произнесла Вероника.

– Нет, – возразил Джек.

– Ну, Джек. – Вероника впервые назвала его по имени. – Не забывай, с кем ты говоришь.

– Я не забываю. Ты – первая.

Вероника изумленно тряхнула головой:

– Давно ты женат?

– Восемь лет.

– И все это время ничего не было?

– Ничего, – ответил Джек. – До тебя.

– А потом, всего через полтора часа после того, как мы познакомились?..

– Да.

Из темноты вынырнул старик, ехавший на велосипеде по краю дороги; Джек аккуратно объехал его, сбросив скорость. Он не попытался объяснить ни Веронике, ни даже себе, что случилось с ним на девятом году брака дождливым днем после ленча с Деспьером и мисс Хенкен. Все происшедшее казалось естественным, правильным, необходимым; события развивались помимо его воли, он не предвидел их.

– Всего через полтора часа после того, как мы познакомились, – повторил Джек.

Он не мог сейчас обсуждать отношения с женой – свою неспособность отдавать себя полностью, тягостное чувство вины, обусловленное тем, что он недостаточно сильно любил ее, скуку, нередко посещавшую его, ощущение несвободы, опутанности сетями домашнего уюта,

которые она ловко набрасывала на него. Джек не собирался рассказывать девушке об облегчении, которое испытал, расставшись с Элен в аэропорту, о том, что в последние две недели перед отъездом в нем ни разу не вспыхнул огонек желания, о других подобных серых периодах в их жизни. Он смутно сознавал, что эти факты сами по себе свидетельствовали не в его пользу; заговори Джек о них сейчас, он упал бы не только в глазах Вероники, но и в своих собственных.

– Ты расскажешь обо мне своей жене, когда вернешься в Париж?

– Вряд ли, – ответил Джек.

– Теперь ты уже не столь благороден, как в молодости?

В голосе Вероники звучала ирония.

– Да, – согласился Джек. – Это не единственное изменение, которое произошло со мной с тех пор.

– Твоя жена ушла бы от тебя, если бы узнала?

– Не думаю. – Джек усмехнулся. – Не забывай, она француженка.

Вероника помолчала несколько секунд.

– Наверно, было бы замечательно, – с нежностью в голосе сказала она, – встретиться с тобой молодым.

– Не уверен, – произнес Джек. – Я страдал высокомерием, самоуверенностью и так старался быть честным с самим собой, что с легкостью причинял людям боль...

– Ты хочешь сказать, что был похож на Роберта? – Вероника сухо рассмеялась.

– Возможно. Чем-то. Правда, я никогда не угрожал никого убить. И никогда не пытался покончить с собой.

Вероника придвинулась к Джеку, внимательно разглядывая его лицо, ненадолго освещенное фарами встречного автомобиля.

– Я хотела бы понять, что с тобой произошло.

– Я сам часто спрашиваю себя об этом.

– Ты разочаровался в себе? – поинтересовалась она.

– Нет, – ответил он, помедлив. – Не думаю.

– Если бы ты смог снова стать молодым, ты прожил бы жизнь иначе?

Он засмеялся:

– Что за вопрос. Да, конечно. Как и любой другой человек, верно?

– Ты думаешь, она сложилась бы удачнее?

– Нет. Наверно, нет.

– Но ты круто изменил свою жизнь, – заметила она. – Начал как актер, а теперь ты – нечто совсем иное... чиновник, политик...

– Сегодня один пьяный актер, – Джек вспомнил Стайлза, – назвал меня клерком.

– Кем бы ты ни был сейчас, – настаивала Вероника, – ты отказался от своей первой профессии, которая приносила тебе успех, известность...

– Это не совсем верно, что я отказался. Скорее она отказалась от меня. После ранения, которое я получил на войне, у меня испортилось лицо. Оно стало асимметричным. Во всяком случае, таким оно выглядело на экране. И я долгое время не снимался. Зрители почти забыли меня.

– И все же, – заметила она, – со временем для тебя нашлись бы роли... Я в этом уверена.

– Наверно, – согласился Джек и добавил более твердо: – Да. Я мог остаться актером при желании. Но оно пропало. Божественный голливудский огонь погас, – с иронией произнес он. – После войны, двух лет, проведенных в госпиталях, после Карлотты...

Он пожал плечами.

– Война пробудила во мне новые интересы. Прежде я никогда не был в Европе; после победы меня потянуло туда... И вообще, тут нет ничего необычного. В молодости мы все отчасти актеры. Позже многие актеры понимают, что игра для них – всего лишь дар молодости,

вроде способности быстро бегать или бодрствовать семь ночей подряд, и расстаются с профессией.

– Без сожаления? – спросила Вероника.

– За всю жизнь я не совершил почти ни одного поступка, – задумчиво произнес Джек, – о котором ни разу бы не пожалел. Ты устроена иначе?

– Да, наверно.

– Ты не жалеешь, например, о разрыве с Робертом? Или знакомстве с ним? Не будешь позже жалеть о встрече со мной?

– Нет. Не в том смысле, в каком это понимаешь ты. – Вероника провела острием ногтя по его руке. – Ты жалеешь о том, что встретил свою первую жену?

– Конечно. По сотне причин.

– А о Карлотте?

– Несомненно.

– Тоже по сотне причин?

– По тысяче.

– А о встречах с другими женщинами? Сколько их у тебя было?

Джек засмеялся:

– Бесчисленное множество.

– Ты был испорченным мальчишкой в свое время, да?

Девушка вытянула губы, напомнив ему о том неприятном впечатлении, которое произвела на него при знакомстве.

– Когда-то я был очень испорченным мальчишкой, – подтвердил он, – но об этом я тебе не расскажу.

– Ты не сердись на меня?

– Нет, конечно.

– Знаешь, почему я задала тебе все эти вопросы? – еле слышно спросила Вероника.

– Почему?

– Чем больше я узнаю о тебе, – серьезно сказала она, – тем дольше ты сохранишься в моей памяти. Станешь для меня более реальным, и все это превратится в сон гораздо позже... Это плохая причина?

– Нет, моя дорогая, – ласково сказал Джек. – Очень хорошая.

– Я не стану сердиться, если ты тоже будешь задавать мне вопросы. Даже обрадуюсь. Я бы хотела остаться в твоей памяти надолго. Спрашивай о чем угодно.

Вероника замерла в ожидании; он понял, что по содержанию вопросов она будет оценивать его отношение к себе. Джека охватило чувство вины, поскольку до настоящего времени он не воспринимал ее как личность и не испытывал потребности узнать о ней нечто сверх того, что она сама рассказывала о себе без каких-либо просьб с его стороны. Знание порождает эмоциональную вовлеченность, привязанность. Вероника, очевидно, догадывалась об этом, движимая вечной женской тягой к осложнению отношений, она хотела, чтобы он узнал ее получше.

– Вчера за ленчем, – сказал Джек, – у меня появилось желание задать тебе один вопрос.

– Какой?

– Ты сказала, что, когда тебе было два года, ты находилась в Сан-Себастьяне, в Испании...

– А, да.

Ее голос прозвучал тускло, разочарованно. Она явно ждала иного вопроса.

– Я догадываюсь, что это было во время гражданской войны.

– Да, – нетерпеливо, без интереса произнесла она.

– Как ты оказалась там во время гражданской войны?

– Мой отец был кадровым военным, – небрежно пояснила она.

– Он служил в испанской армии? – недоумевающе спросил Джек.

Вероника засмеялась:

– Ты что, не читал в 1937 году американских газет? В итальянской армии. Она помогала Франко. Ты не забыл об этом?

– Конечно, нет, – ответил Джек. – Просто мне не приходило в голову, что можно воевать, не расставаясь с семьей.

– Мой папа был очень домашним человеком. Он обожал свою семью. Он был полковником, и нас доставили к нему в Испанию.

– Как это все происходило? Ты что-нибудь помнишь?

– Все знакомые американцы, когда я говорю им, что мой отец сражался на стороне Франко, проявляют большой интерес. Я думала, люди забыли те времена. С тех пор столько людей убито...

– Это была очень интересная война для американцев, – сухо сказал Джек. – Если хочешь знать правду, она до сих пор мучает нас.

– Странно, – удивилась Вероника. – А нас – нет.

– Возможно, тот, кто сам участвует в войне, быстрее ее забывает. И все же, какой она была?

Вероника пожала плечами:

– Я мало что помню. Помню пляж. Прекрасный детский пляж. В центре залива – остров. Меня привозили туда на лодке. И дыни. Дыни были восхитительные. Сейчас, когда я ем в ресторане дыню, я вдруг снова становлюсь маленькой девочкой, живущей в Испании.

Война ассоциируется у нее с дынями, подумал Джек; у него же с теми годами были связаны горестные воспоминания об одноклассниках, погибших в Испании. Убитых, возможно, отцом Вероники, этим домашним человеком.

– Где сейчас твой отец? – спросил он.

– Он погиб, – упавшим голосом произнесла Вероника.

«Наша маленькая победа», – подумал Джек. Почему-то образ полковника, с комфортом ведущего войну на прибрежной вилле в Сан-Себастьяне (Он качал тебя на колене в промежутках между перестрелками?), уничтожил жалость, которую Джек испытывал ко всем погибшим, на чьей бы стороне они ни воевали.

– Его убили в Испании?

– Нет, – ответила Вероника. – Там отца ранили, но не слишком тяжело. Второе ранение он получил в Эфиопии. Он всегда был на переднем крае. Многие люди рассказывали мне о его мужестве. Отец был одним из первых итальянцев, убитых во время Второй мировой войны. Мы находились вместе в Триполи. Его генерал только что вернулся от Муссолини, дуче поклялся ему в том, что Италия не вступит в войну. Это происходило тем летом, когда пала Франция. Моя мама устроила прием в саду по поводу того, что мы не будем участвовать в войне. Надев розовое платье и белые перчатки, я обносила гостей пирожными и напитками. Затем, конечно, начались боевые действия, и через неделю отца не стало. Он летел осматривать позиции англичан на самолете, который не имел вооружения и был сбит.

Три войны, цинично подумал Джек, и тройное невезение. Отец Вероники явно занимался не своим делом. Чрезмерное увлечение приемами в саду.

– Мой отец ненавидел Муссолини, – продолжала Вероника. – Конечно, он никогда не говорил об этом ни мне, ни моей сестре. Мы были слишком малы. Но он вел дневник. Позже я прочитала его.

Ведение дневников – болезнь полковников, подумал Джек.

– В ту пору генерал отправился к Муссолини, чтобы сообщить ему о том, что в Северной Африке итальянцы не располагают достаточным для отражения англичан количеством техники и живой силы. Они с отцом вместе составляли рапорт. Все это описано в дневнике отца.

Характерная для итальянской армии история, – с горечью заметила она. – Нехватку техники восполнили людьми, и они погибли. В вашей армии такого не бывает.

– Ну, – возразил Джек, – наша армия тоже понесла кое-какие потери.

– Ты меня понял. Мы увлекались демагогией и пропагандой, эффектной формой, парадными, речами; Муссолини вдохновенно лгал и лицемерил. А позже выяснилось, что снаряды не подходят к орудиям, танки стоят без бензина; офицеры вместо того, чтобы учиться чтению карт, устраивали танцы. В Африке англичане убили и моего брата. Ему было восемнадцать. Он тоже был на приеме, который мать устроила в саду после того, как Муссолини пообещал командиром моего отца, что Италия не вступит в войну.

Вероника вытащила сигарету из сумочки, чиркнула спичкой о коробок и закурила. Джек бросил взгляд на руки девушки и заметил, что они дрожат, хотя голос ее звучал тихо, ровно, спокойно.

– Говорю тебе, – прошептала она, – когда-нибудь я уеду из Италии. Куда угодно.

Когда они подъехали к отелю, где жила Вероника, было уже поздно; здание возвышалось на безлюдной маленькой площади. Сквозь приоткрытую входную дверь виднелась часть узкого, ярко освещенного вестибюля. Едва погасив фары автомобиля, Джек заметил ночного портье, сидящего в деревянном кресле спиной к входу; служащий рассматривал свое отражение в зеркале, висящем на дальней стене вестибюля. Молодому красивому портье, наверное, требовалось полчаса, чтобы привести свои блестящие черные волосы в тот идеальный порядок, в каком они сейчас находились. Задумчиво любуясь густотой своей шевелюры, чистым смуглым лбом, умными темными глазами, полными чувственными губами, мощным подбородком, прекрасно вылепленной римской шеей, портье не скучал в часы ночной смены; созерцание своего яркого, всегда одинакового отражения приносило ему удовольствие и развлекало. Сейчас немецких священников не было видно.

– Посмотри на него, – гневно произнесла Вероника. – Где еще в мире ты увидишь такое? И он не испытает ни малейшего смущения, когда я войду и застаю его за этим занятием. Он вручит мне ключ с таким видом, будто это две дюжины роз; не успею я пройти половину лестничного марша, как он уже снова будет сидеть в своем кресле.

Джек усмехнулся:

– Действительно, это одна из самых забавных картин, какие мне довелось увидеть в Риме.

– Меня она не забавляет, – заявила Вероника.

Она потянулась к ручке дверцы и начала открывать ее, собираясь выйти из машины. Джек задержал девушку. Он обнял Веронику и поцеловал ее. Несколько мгновений она оставалась напряженной, скованной, неуступчивой, потом прильнула к нему, взяла его лицо в свои ладони, жадно поцеловала.

– Что я сейчас хочу, – сказал он, – так это зайти к тебе.

Вероника покачала головой:

– Он тебя не пропустит.

– Я суну ему в лапу.

– Он боится потерять место. Священники снуют по коридору, как мыши.

– Ну, – произнес Джек, – тогда поедем ко мне.

– Готова поспорить, Роберт караулит нас там.

– У меня появилась блестящая идея. Я попрошу предоставить мне здесь комнату на ночь.

Прямо сейчас.

Вероника на мгновение задумалась. Потом улыбнулась:

– Вот он, американский натиск. Неудивительно, что вы выиграли войну. Идем.

Выйдя из машины, они направились в гостиничный вестибюль. Медленно, неохотно оторвавшись от зеркала, портье поднялся на ноги, поклонился им и произнес:

– *Vuona sera, signorina*³⁶. – Легкой, величественной походкой он прошел за стойку, чтобы снять ключ с крючка.

– Скажи ему, что мне нужна хорошая просторная комната с ванной, – произнес Джек.

Вероника перевела его просьбу на итальянский. Лицо портье приобрело грустное, беспомощное выражение. Он склонился над планом отеля, приколотом кнопками к столу, и принялся изучать его с таким видом, словно это была карта, указывающая место, где зарыт клад. Портье отрицательно покачал головой. Сокровища оказались уже выкопанными. Голосом, исполненным сочувствия, он обратился к Веронике по-итальянски.

– Не получится, – сказала она. – Свободных комнат нет. Он с радостью бронирует номер на завтра...

– Очень мило с его стороны, – огорченно произнес Джек. – Завтра ты переезжаешь к подруге, верно?

– Да.

Вероника улыбнулась; разочарование Джека радовало девушку, тешило ее тщеславие.

– Не переживайте, – сказал Джек портье.

– *Scusi, signore*³⁷.

Неискренняя печаль появилась на красивом лице портье, который чувствовал себя помехой для ночи интернациональной любви.

– *Desolato*³⁸.

– Я тоже *desolato*, – сказал Джек. – Вы даже не представляете, в какой степени я *desolato*. Он повернулся к Веронике.

– Когда мы увидимся?

– Я позвоню тебе завтра утром, когда перееду на квартиру.

– Я уйду из гостиницы рано. Давай пообедаем вместе.

Вероника кивнула.

– В том же ресторане. «У Эрнесто». Я его полюбил. В четверть второго.

– Хорошо. – Вероника пожала его руку; портье с интересом следил за ними. – Мне очень жаль, что так вышло. Я тебя предупреждала, верно?

– Да, ты меня предупреждала.

Вероника усмехнулась:

– Сам виноват. Упустил шанс на пляже.

– Спокойной ночи, – сказал Джек.

Не обращая внимания на портье, он поцеловал ее в щеку. Мужчины проводили взглядами поднимающуюся по лестнице девушку; она покачивала бедрами чуть сильнее, чем обычно. Ее каблочки дразняще застучали по мраморным ступеням, Джек посмотрел на портье; служащий отеля следил за ногами Вероники, и его лицо светилось нескрываемым юношеским воодушевлением.

– Спокойной ночи, дружище, – сказал Джек.

– *Vuona notte, signore*³⁹, – вздохнув, отозвался портье.

К тому времени, когда Джек сел в машину и включил фары, портье уже занял деревянное кресло, стоящее в вестибюле перед зеркалом, и снова с благодарностью и восхищением уставился на свое отражение.

Священники опять победили, подумал Джек, заведя мотор и быстро набрав скорость. Чего еще ждать от Рима?

³⁶ Добрый вечер, синьорина (*ит.*).

³⁷ Извините, синьор (*ит.*).

³⁸ Отчаявшийся, безутешный (*ит.*).

³⁹ Спокойной ночи, синьор (*ит.*).

Глава 14

Я нахожусь в ярко освещенной, прокуренной комнате. Потом появится другая комната, освещенная не столь ярко, с менее густым дымом, но это случится позже и покажется более страшным. А пока пятеро человек в измятой форме сидят вокруг стола; они курят и играют в карты. В помещении жарко, на закрытых окнах висят плотные шторы затемнения, мы играем в покер. У меня на руках отличные карты, но я все равно проигрываю. Ставки принимаются только наличными. Справа от меня сидит игрок с тремя десятками; он забирает купюры, широко улыбаясь белозубым ртом. Я смотрю на остальных четырех мужчин и внезапно понимаю, что все они – мертвецы. Победитель погибнет на пляже через пару недель; остальные умрут позже от рака, алкоголизма, старости; кто-то покончит с собой. Шелестят фунты, однорукий лифтер приносит очередную бутылку шотландского виски, раздобытую на черном рынке, деньги переходят из одних рук в другие.

Я знаю, что проиграю сегодня сто двадцать фунтов и что весь Лондон утонет в дыму пожаров, которые начнутся после бомбежки. Становится темно; я приближаюсь по сосновой аллее к деревянной хижине. Пахнет сырой глиной, виски, больницей. Сквозь щели в стенах домика наружу пробивается свет. Я спускаюсь по ступеням. Смотрю. Двое рослых лысых мужчин в запачканных белых фартуках что-то делают у стола, оживленно разговаривая. Я вижу – они склонились над телом, лежащим на столе; оно очень бледное; они разрезают его на куски. Люди в фартуках, залитые ярким светом, не обращают на меня внимания. Я хочу убежать, но не могу, потому что я и есть тот человек, который лежит на столе; это меня расчлениют ножом на части. Я пытаюсь закричать, но из моего горла не вырывается ни звука. Я парализован ужасом, потом испытываю внезапное облегчение. Все кончено, с радостью думаю я. Дело сделано. Я умер. Мне уже ничто не грозит. Бояться больше нечего. Звонят похоронные колокольчики. На моем лице выступает холодящая влага...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.